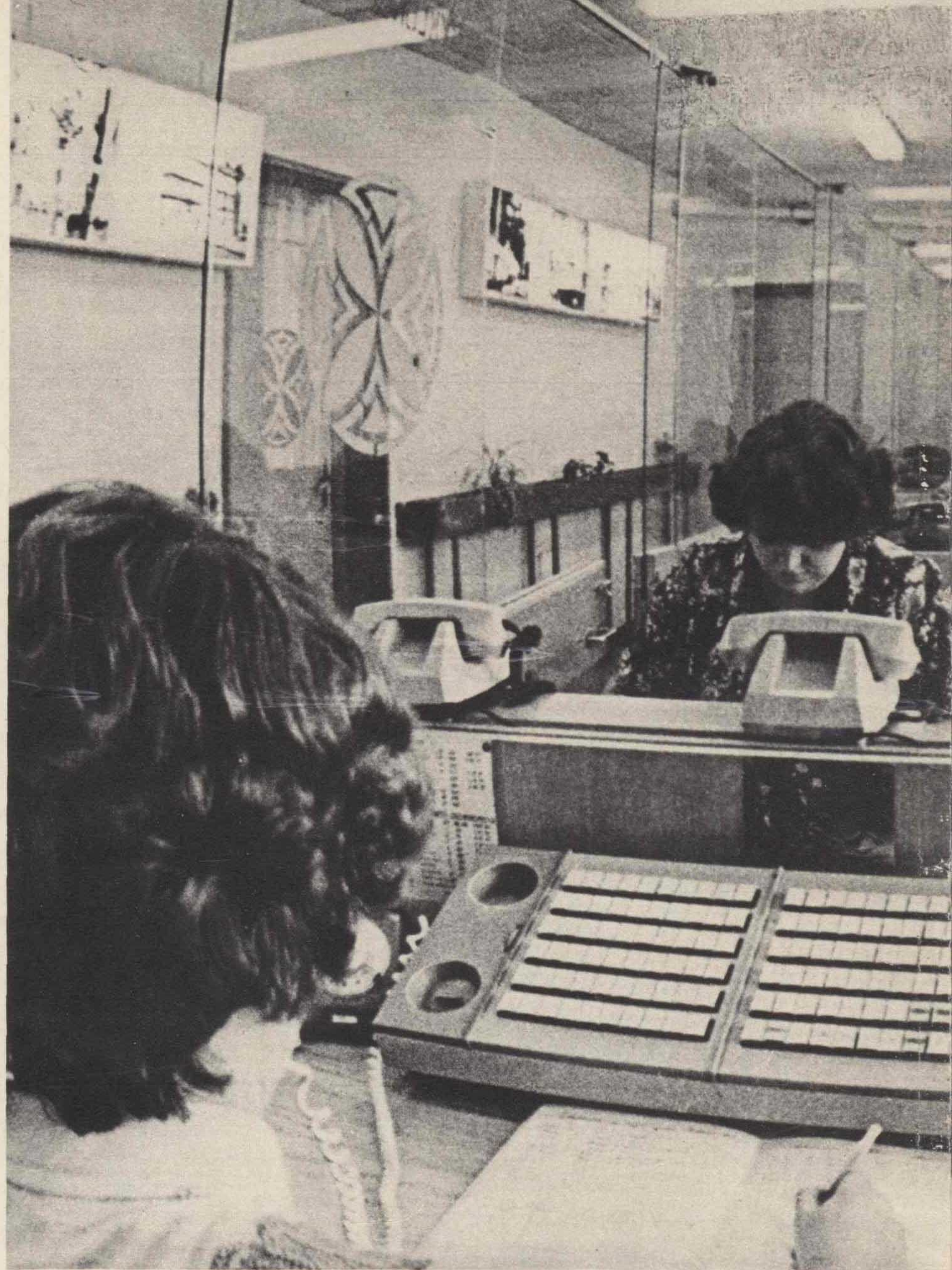

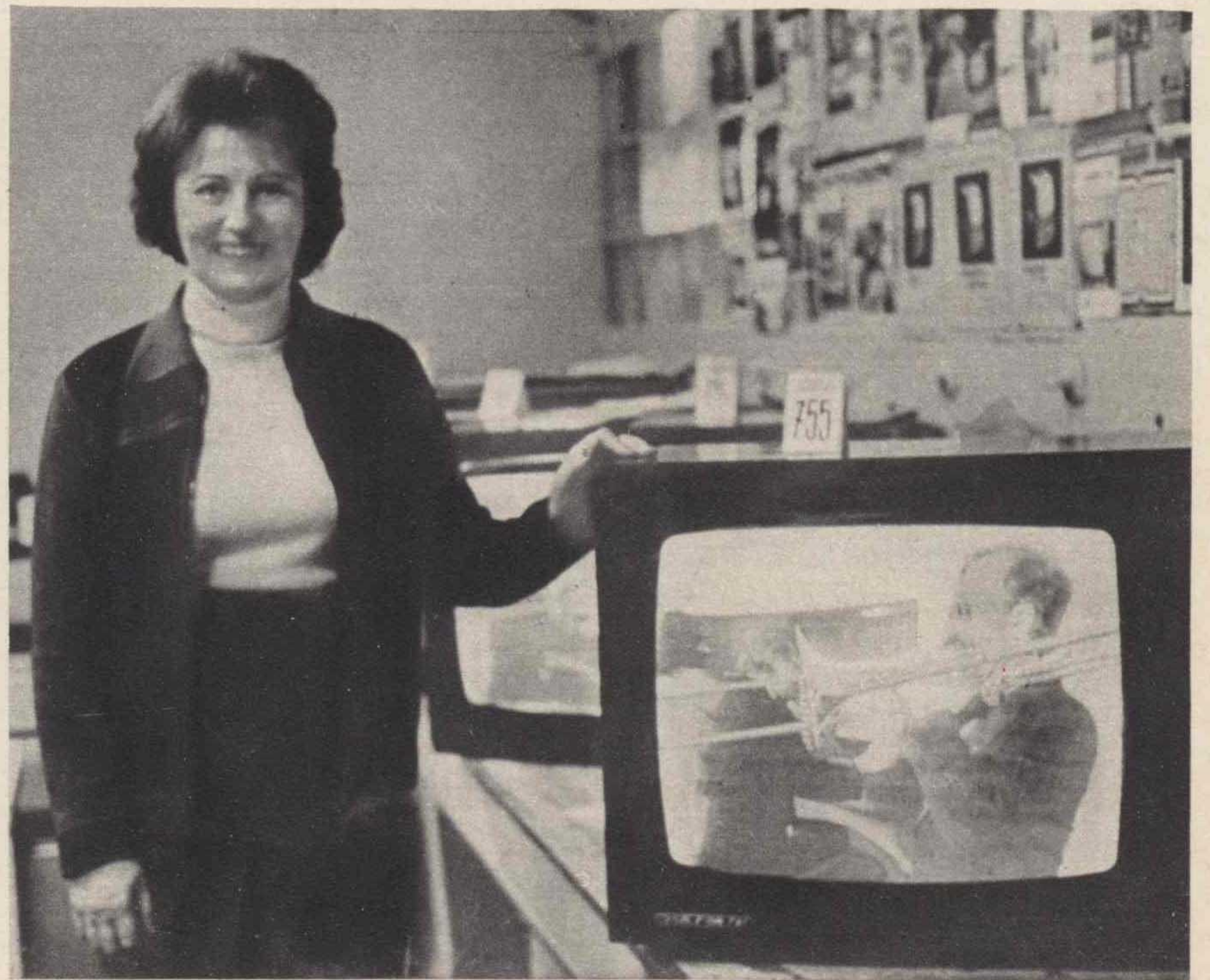
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 36 СЕНТЯБРЬ 1981

У городской торговли — современная диспетчерская служба.
Телевизоры, которые делают в Шяуляе, тоже можно приобрести на торговой улице, в универсаме.

Тысяча двести метров — торговая улица Шяуляя.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

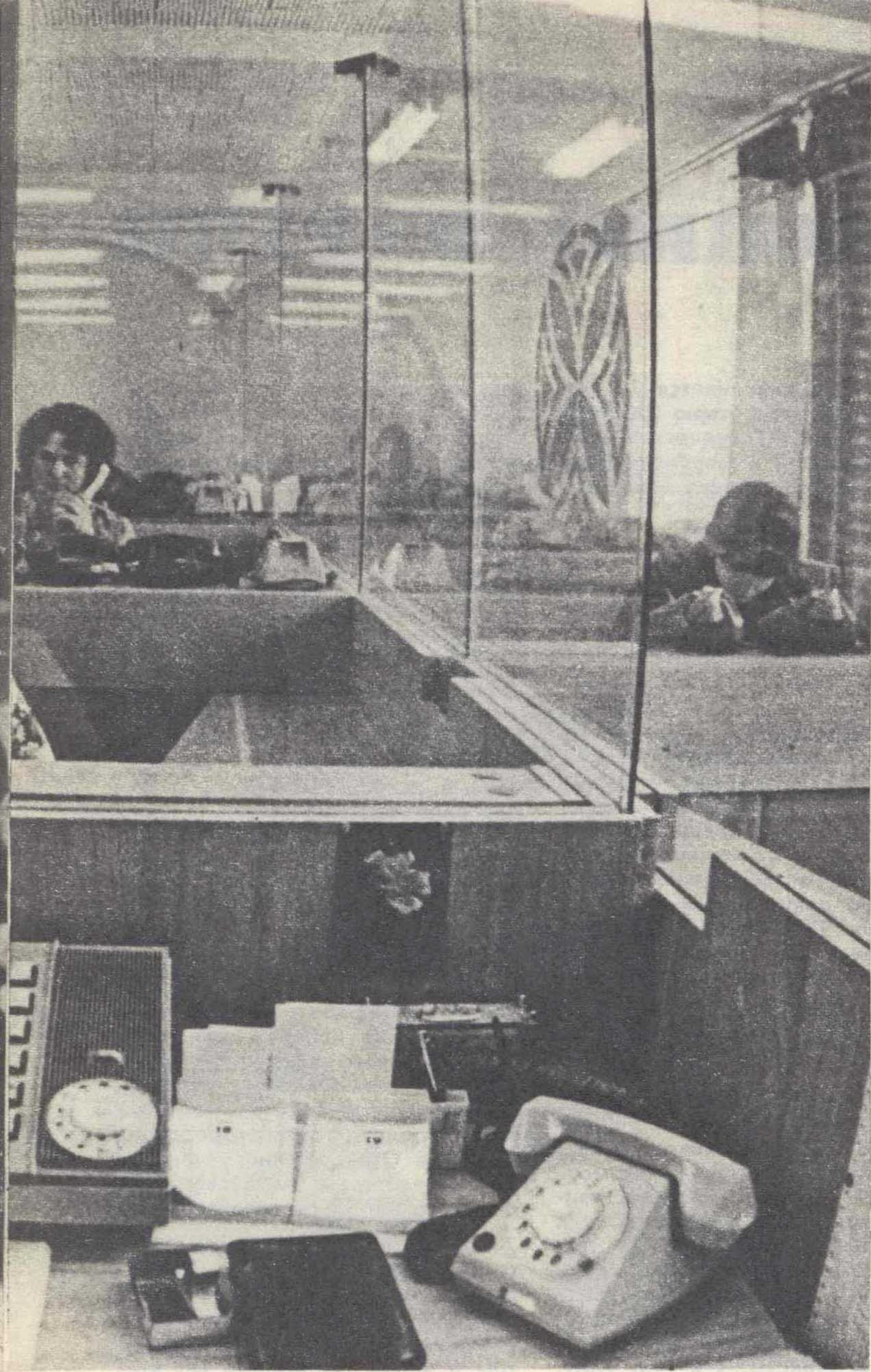
Основан
1 апреля
1923 года

№ 36 (2825)

5 СЕНТЯБРЯ 1981

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонек», 1981

ВСЯ УЛИЦА

На колхозном рынке: тут свои прилавки.

В этом кафе угощают мороженым.

К. БАРЫКИН,
И. ТУНКЕЛЬ,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

Шервая неожиданность — само существование такой улицы. Прежде она жила обычной городской жизнью, торопя пешеходов, диктуя им свой темп. Скрипели тормоза автомобилей, сизые сполохи стлались за мощными автобусами. Но вдруг, в день подлинно прекрасный, перекрыла улицу скульптура — бронзовые пеликаны безмятежно плескались в струях фонтана, никакого внимания

ЩА-МАГАЗИН

Студенты Пхеньянского университета.

Фото ЦТАК — ТАСС

В ПОХОД ЗА ЗНАНИЯМИ

В одной корейской притче девушка ставит возлюбленному такое условие: «Не буду твоей женой, пока не научишься читать, писать, пока не узнаешь всех наук». И юноша, претерпев немало лишений, возвращается в родные края только много лет спустя, выполнив наказ любимой.

Просвещенность, образованность издавна почитались в корейском народе. Но лишь освобождение от колониального ига, победа нового строя открыли дорогу к знаниям для широких масс.

Тяжелое наследие досталось республике. В селе Понхвари и сейчас стоит начальная школа, построенная лет семьдесят назад. Простой крестьянский дом в две комнаты. В одной жил учитель, в другой — с несколькими столами и стульями, черной грифельной доской на стене — постигали азы грамоты два десятка учеников. Во времена японского колониального гнета это была единственная корейская школа на многие километры вокруг. Чужеземцы лишали коренных жителей права пользоваться национальным языком и письменностью. В единственном на весь полуостров высшем учебном заведении, Сеульском университете, большинство студентов составляли японцы. А в северной части страны не было даже средних школ, 80 процентов взрослого населения не умели читать и писать.

Примета сегодняшней КНДР — величественный Дом науки, что вырастает в огнях электросварки в центре Пхеньяна, у древних городских ворот

Потхон. Здесь будут библиотека на 12 миллионов томов, читальные и лекционные залы, аудитории для занятий. Неподалеку — новое высотное здание столичного университета. Он открылся на следующий год после освобождения. Братскую помощь в организации системы просвещения, постановке высшего образования оказал Советский Союз.

Социалистическая Корея — страна сплошной грамотности. В девяти тысячах ее школ с 1975 года введено всеобщее одиннадцатилетнее обучение. Старшеклассники одновременно приобретают какую-либо профессию. Сегодня им не надо отпирать в дальний путь, чтобы получить образование. В республике свыше 150 вузов, они есть в каждой провинции. Большую роль в подготовке специалистов играют институты и техникумы при заводах, электростанциях, шахтах, рудниках. Нехватка квалифицированных кадров была острой проблемой, с которой в первые годы столкнулась страна. Сегодня, как отмечалось на VI съезде ТПК, проблема национальных кадров решена. Армия специалистов с высшим и средним образованием превысила миллион человек.

Продолжается поход за знаниями. «Учиться всей страной, всей партией, всем народом» — лозунг, выдвинутый Трудовой партией Кореи. И повсюду в КНДР вы увидите человека с книгой. В учебных заведениях всех ступеней приобретает знания каждый третий житель республики.

Б. ЛАБУТИН

не обращая на машины. Они просто исчезли — у бывшего въезда поставили «кирпич».

Теперь-то к этому привыкли, но поначалу казалось: как это — улица и без автомобилей? Надолго ли? Но вот и мостовую приподняли, выровняли с тротуаром, выстлали плиткой-мозаикой. И не кажется ее с той поры колесо автомобиля. Транспортники попытались было спорить, ссылались на традиции, на экономику, на что-то еще. Им в ответ — четкую, логичную схему объездов; ни грамма лишнего бензина, ни километра ненужного пробега.

И в самом центре Шяуляя, на пересечении дорог, дорожек и магистралей взяла свое начало первая торговая улица — тысяча двести метров. Десятки магазинов, кафе, столовая, ресторан, кино-театр; цветники и газоны.

— Но улицу все же приняли не сразу. В первые дни и недели упал товарооборот, и при-

ободрились спорщики. — Мы с начальником городского управления торговли Витаутасом Янкаускасом вышли на улицу и продолжаем разговор, начатый в управлении. — Как было прежде? Автобусная остановка рядом с выходом из магазина. С покупкой три шага — и ты на подножке машины. Но не долго пребывала улица в «простое». Увидел шяуляец и почувствовал, что улица стала больше заботиться о нем, чем прежде, что она припасла для него массу всяких удобств, ранее и немыслимых, невозможных, — автомобиль их просто не потерпел бы. Разве допустил бы он, чтобы по середине улицы шел разносчик мороженого, чтобы тут стояли киоски? Сейчас же тут тихо и спокойно, нет толчеи; утомился, зайдя в кафе «Минутка», выпей чашечку кофе или просто посиди возле фонтана...

Когда же на улицу пришли художники и дизайнеры, возглавля-

СЛУЖИТЬ ПАРТИИ,

7 сентября исполняется 70 лет Генеральному секретарю ЦК БКП, Председателю Государственного совета Народной Республики Болгарии товарищу Тодору Живкову.

Имя Т. Живкова неразрывно связано с многогранной деятельностью Болгарской коммунистической партии, явившейся организатором и вдохновителем борьбы болгарского народа за социальное освобождение, укрепление народной власти, за торжество социализма на болгарской земле, упрочение всеобщего мира. Весь свой богатый жизненный опыт партийного и государственного деятеля он отдает беззаветному служению делу партии и народа.

Родился Т. Живков 7 сентября 1911 года в селе Правец близ Софии, в бедной крестьянской семье. С детских лет познал тяготы нелегкого труда. Юношей он становится типографским рабочим.

В 1928 году Т. Живков вступает в Болгарский коммунистический союз молодежи, активно участвует в работе подпольной комсомольской группы Государственной типографии. Революционная деятельность, убежденность в правоте борьбы за торжество социализма и коммунизма приводят Т. Живкова в Болгарскую коммунистическую партию, членом которой он становится в 1932 году. Накопленный им опыт нелегальной революционной работы, большие организаторские способности ярко проявляются в 1934—1941 годах, когда он возглавляет организацию ряда районов Софии, является членом Софийского окружного комитета партии.

В тяжелые годы второй мировой войны товарищ Живков много сил и энергии отдает развертыванию в стране партизанского движения, в том числе в районе Ботевграда, а затем в качестве одного из организаторов парти-

занского движения в Первой (Софийской) повстанческой военно-оперативной зоне. Ратные подвиги партизан стали немеркнувшей страницей в истории освободительной борьбы болгарского народа.

Руководимые Живковым партизанские части при взаимодействии с боевыми группами в Софии и пригородах столицы в ночь на 9 сентября 1944 года провели успешную операцию против фашистского режима. На территорию Болгарии вступила Советская Армия. Все это определило победоносный исход вооруженного антифашистского восстания. 9 сентября вошло в летопись болгарского народа как День Свободы, победы социалистической революции на болгарской земле.

С первых дней социалистического строительства Т. Живков на ответственной партийной и государственной работе. С 1945 года он постоянно избирается депутатом Народного собрания. Затем работает первым секретарем Софийского городского комитета БКП, председателем городского комитета Отечественного фронта и председателем Софийского городского народного совета.

На VIII пленуме ЦК БКП (1945 год) Т. Живков был избран кандидатом в члены, на V съезде БКП (1948 год) — членом ЦК БКП. А в 1950 году он избирается кандидатом в члены Политбюро ЦК БКП и секретарем ЦК БКП, оставаясь секретарем Софийского городского и окружного комитетов партии. С 1951 года Т. Живков — член Политбюро ЦК БКП, а с VI съезда партии (1954 год) — Первый секретарь ЦК БКП. С ноября 1962 года по июль 1971 года — он также Председатель Совета Министров НРБ, а в июле 1971 года — избирается Председателем Государственного совета НРБ. На состоявшемся весной этого года XII съезде БКП Т. Живков избран Генеральным секретарем

ря: город-труженик. Я что-то не встречал городов-лентяев, но понимал, что понятие «труженик» обогащается, когда горожане с такой охотой и умением работают не только на фабриках и заводах, но и на улицах своего города...

Заметили детские коляски? Мамы зашли в магазин за молоком и безбоязненно оставили их на улице. Человеку на ней спокойно и удобно — вот вторая неожиданность торговой улицы. Ведь торговлю, магазин мы нередко ставим в ряд с такими понятиями, как сутолока, нервозность.

На улице несколько цветочных магазинов — отличных, продуманных в мелочах и в главном. Они невелики, зато в каждом великолепный выбор свежих, будто только что срезанных цветов.

— Эстетика улицы — это хорошо, — говорим мы собеседникам. — Но ведь это улица торговая, не сказались ли нововведения на эко-

емые главным художником города Вилисом Пуронасом, она и вовсе преобразилась. Будущим преподавателям рисования отдали глухой и скучный фасад — расписывайте, чтобы «зазвучал», чтобы влился в новый ритм улицы, подчеркнул ее теперешний характер. Пошли дизайнеры на один завод и на второй, рассказали об улице. И оказалось, что многие хотели бы принять участие в ее оформлении.

— Понимаете, горожане сами помогли сделать улицу такой, какой им хотелось бы ее видеть. Мы «аранжировали» предложения шяуляйцев, что-то подсказывали, всегда советовались. У кого теперь рука поднимется, чтобы наклеить на стене эмблему своей любимой футбольной команды? Кто бросит мимо мусорной корзины обертку от сигарет? — Вилис Пуронас говорит убежденно и имеет на то право: вся практика работы улицы-пассажа подтверждает его слова. — Гово-

СЛУЖИТЬ НАРОДУ

ЦК БКП, а на сессии Народного собрания переизбран Председателем Государственного совета НРБ.

Верному ученику Г. Димитрова и продолжателю его дела Т. Живкову принадлежат общеизвестные заслуги в формировании и проведении в жизнь генеральной линии партии. С его именем связаны разработка и реализация утверж-

денного апрельским (1956 год) пленумом курса социалистических завоеваний на болгарской земле, исторической Программы Болгарской коммунистической партии, принятой X съездом БКП, наметившей линию на построение в Болгарии развитого социалистического общества, а также принятие новой Конституции НРБ. Вклад Т. Живкова в построение социа-

лизма в НРБ отмечен многими правительственными наградами. Он удостоен высоких званий Героя Социалистического Труда и Героя Народной Республики Болгарии.

Мировая общественность отдает дань уважения Т. Живкову как неутомимому борцу за международную безопасность, упрочение сотрудничества между народами. Он лауреат международной Димитровской премии. Награжден «Золотой медалью мира» имени Ф. Жолио-Кюри.

Советские люди знают Т. Живкова как видного деятеля мирового коммунистического и рабочего движения, отдающего много сил и энергии благородному делу укрепления его единства, высоко ценят вклад Т. Живкова в укрепление сплоченности и могущества содружества стран социализма, его глубокую приверженность крепнущей братской дружбе наших партий и народов. Он награжден орденом Ленина, удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Ставшие доброй традицией встречи товарища Живкова с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым знаменуют собой важные вехи в развитии и углублении взаимодействия и всестороннего сотрудничества Советского Союза и Болгарии.

Вот уже более четверти века Т. Живков возглавляет Центральный Комитет БКП. Верность марксизму-ленинизму, идеям пролетарского интернационализма, целеустремленность, деловитость и кипучая энергия снискали ему глубокую признательность как в Болгарии, так и за ее пределами.

В день 70-летия советские люди шлют Т. Живкову сердечные поздравления, желают крепкого здоровья, новых свершений на пути строительства в НРБ зрелого социализма.

В. БОРИСОВ

номике, на удобствах для покупателя?

— Сейчас здесь делаются многие тысячи покупок ежедневно, — отвечает Янкаускас. — И на каждую расходуются минуты: магазинов много, есть дублеры (обувных магазинов — три); если в одном побольше покупателей, зайти в соседний. Не случайно же половина товарооборота городских промтоварных магазинов приходится на эту улицу.

Создали фасовочный цех — крупный, для всех продовольственных магазинов улицы. Даже в часы пик, средняя продолжительность затрачиваемого на покупку времени около шести минут.

Диспетчерская городского управления торговли строго и пристально следит за тем, чтобы не было перебоев с тем или иным товаром. Все, что есть на городских складах, есть и на прилавках магазинов торговой улицы (как, впрочем, и во всех других мага-

зинах города — мы в этом убедились). А уж о маневрах на самой улице и говорить не приходится, они стали обычным делом: в одном магазине какой-то товар раскуплен, а в соседнем он есть, тут же снарядят посыльного и привезут, пока не прислали контейнер с основных складов. На улице сложилась атмосфера доброго соревнования магазинов, которое удачно сочетается с дружеским их сотрудничеством.

...Мы уже прошли почти всю улицу: напротив и чуть наискосок бурлил субботним оживлением колхозный рынок, а рядом вход в столовую «Скалса». Попросили перевести это название.

— Пожалуй, одним словом тут не обойдешься. Скалса — целое понятие. Что-то вроде «не транжирь, будь экономным». У тебя мало времени? Ты сбережешь его, зайдя в эту столовую, поесть тут можно быстро. У тебя немного

денег? Иди в «Скалсу» — тут кормят сытно и недорого...

Опыт торговой улицы Шяуляя, опыт, начало которому положили руководители, группа депутатов городского Совета, удался, решено его развить. В буквальном смысле слова: улицу продолжат, торговому ведомству отдадут еще около тысячи метров. Подобную же создадут и в одном из новых микрорайонов Шяуляя. Уже есть торговый проспект еще в одном из городов республики, остались завершающие штрихи. В Министерстве торговли Литовской ССР доброжелательно и активно поддерживали начинание шяуляйцев, сказали им: вы молодцы! Но знайте, что есть немало и других вариантов развития торговли...

Такие намеки начальства шяуляйцы принимают с охотой, потому что они дают простор инициативе.

А добьешься ли современного уровня торговли без инициативы?

ВТОРЖЕНИЕ

Вторую неделю не смолкают артиллерийская канонада, грохот реактивных моторов и взрывы бомб в южных провинциях Анголы. Вторую неделю горят дома и льется кровь мирных жителей этой страны. Вторую неделю части Народных вооруженных сил освобождения Анголы (ФАПЛА) ведут ожесточенные оборонительные бои против вторгшихся с территории Намибии регулярных войск ЮАР.

А в ЮАР тем временем рассуждают о некоей «операции преследования», проводимой якобы в весьма ограниченных масштабах против партизан Народной организации Юго-Западной Африки (СВАПО). Командующий вооруженными силами Претории генерал К. Вилджонн заявляет даже о начале вывода войск ЮАР с территории Анголы, а представленные Анголой данные о масштабах вторжения называет смехотворными. Его заявление, равно как и аналогичные сообщения ряда средств массовой информации Запада, стало составным элементом кампании по дезинформации мировой общественности.

Но эта попытка явно не имеет успеха. Совершенно точно известно, что в смехотворной, как выразился генерал, акции принимают участие десятки боевых самолетов, сотни танков, тысячи солдат и офицеров ЮАР из состава сорокапятитысячного воинского контингента, сосредоточенного на территории Намибии у самых границ Анголы.

Попытка обосновать это вторжение как карательные меры в отношении бойцов СВАПО неприемлема сама по себе, а также потому, что призвана скрыть действительное положение вещей, которое состоит в том, что совершается прямая крупномасштабная агрессия против независимого государства.

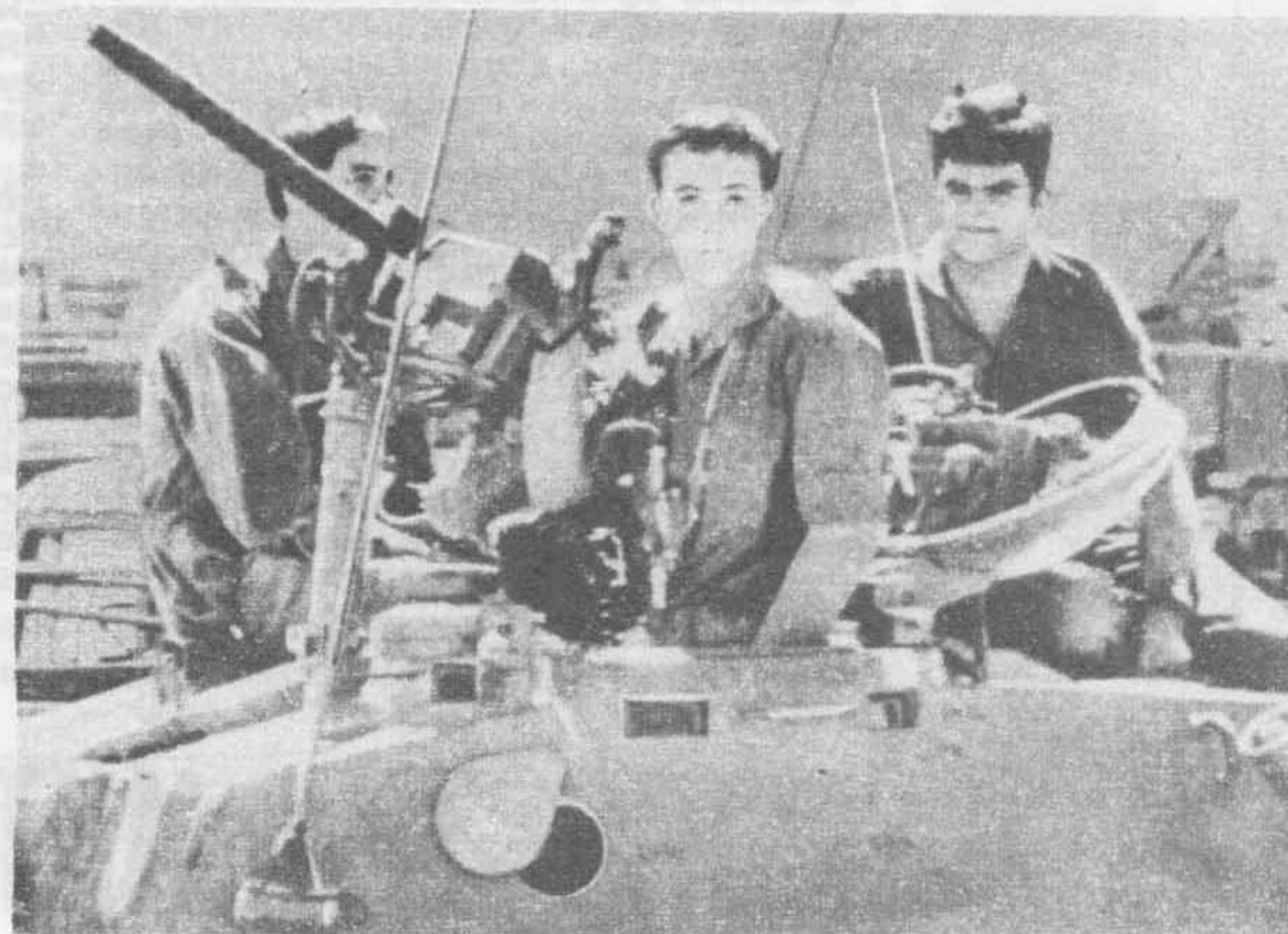
В своей агрессии режим Претории прямо или косвенно пользуется экономической, политической и военной поддержкой ряда стран НАТО, и прежде всего Соединенных Штатов Америки. Доказательств этому хватает. И последнее из них — вето, которое наложила делегация США 31 августа в Совете Безопасности ООН на резолюцию, осуждающую действия расистов.

Было бы неправомерно рассматривать агрессию ЮАР изолированно, в отрыве от замыслов американского империализма дестабилизировать положение в Анголе и ряде соседних государств. Вторжение на территорию независимой республики — это открытый вызов всей Африке.

Но агрессор не остается безнаказанным. Бойцы ФАПЛА с необычным мужеством и героизмом защищают рубежи своей родины, наносят войскам противника тяжелые потери в живой силе и технике. Крепнет международная солидарность с народом Анголы. Грозным предупреждением зарвавшегося агрессору прозвучало заявление правительства Кубы о готовности кубинских войск выполнить свой интернациональный долг, оказать помощь братскому ангольскому народу в отражении расистской агрессии. С гневным осуждением ЮАР выступил Всемирный Совет Мира; он призвал положить конец вторжению и заявил о своей полной солидарности с правительством и народом Анголы.

Солдаты ЮАР. Международные законы им не писаны...

А. СОКОЛОВ

МОСКВА

КНИГИ — МИРУ

1

Статистика утверждает: если в XVIII веке вышло примерно 1,6 миллиона книжных изданий, в XIX — 6,1 миллиона, то XX век подарит человечеству около 50 миллионов книжных новинок. Сейчас в мире ежегодно появляется не менее полумиллиона названий. Организаторам Московской международной книжной выставки-ярмарки 1981 года пришлось отбирать пятнадцать тысяч экспонатов из 160 тысяч книг и брошюр, изданных в СССР за прошедшие два года со времени прошлой, второй по счету ММКВЯ.

Ну, а гости, которые приехали в Москву из более чем 80 стран мира, постарались тоже привезти самое лучшее из безбрежного книжного моря последнего времени. Поскольку девиз выставки-ярмарки «Книга на службе мира и прогресса», мы надеемся, что зарубежными фирмами и книготорговыми организациями капиталистических стран отобраны книги, отражающие прогрессивные изменения в современном мире, что книги, которые они привезли в

Москву, рассказывают правду и о судьбах народов планеты.

Только в последнее время за рубежом опубликовано более пятидесяти книг видных деятелей КПСС и Советского государства. Примечательно, что в самый канун XXVI съезда КПСС издательство «Плениум» (США) выпустило сборник выступлений Л. И. Брежнева «Мир, разрядка, сотрудничество», а издательство «Пергамон-пресс-Франс» (Франция) стало продавать сборник документов «СССР сегодня и завтра».

Выставка-ярмарка открылась 2 сентября в павильоне межотраслевых выставок ВДНХ. Огромная площадь выставочных павильонов позволит разместить до 160 тысяч книг. Впервые заявки на участие поступили от издательских ассоциаций, фирм и организаций Иордании, Колумбии, Коста-Рики, Лесото, Никарагуа, Нигера, Судана, Туниса. Среди участников — практически все ведущие фирмы зарубежных стран. Их руководители понимают, что быть представленным на Московской выставке-ярмарке весьма выгодно и почетно. Недаром Ро-

берт Максвелл («Пергамон-пресс», Англия) заявил: «Мы резервировали на III Московской ярмарке большую площадь под свою экспозицию и собираемся заключить как можно больше экспортных и импортных контрактов. В успехе ярмарки я не сомневаюсь».

Для москвичей — посетителей ярмарки книжный форум станет настоящим праздником. Для них будут проведены «день книголюбия», различные дискуссии, встречи с писателями, учеными, театрализованные представления, продажа книг. Филателисты получают возможность произвести специальные гашения с эмблемой ММКВЯ. В Москву на выставку приехали известные путешественники — ученые Тур Хейердал и Б. Гржимек. Посетители смогут увидеть и выставку на лучший детский рисунок «На Земле и в космосе», в которой принимали участие дети многих стран мира.

Феликс МЕДВЕДЕВ
Фото А. Бочинина

Стенды с книгами издательств РСФСР.

БЕРДЯНСК

НОВОСЕЛЬЕ НА КОСЕ

2

На много километров прорезала Азовское море песчаная коса под Бердянском. И хоть город стоит на самом море, весь опоясан пляжами, бердянцы да и гости этого города предпочитают отдыхать, купаться и загорать на Косе. Она пишется тут с заглавной буквы, как географическое название.

Здесь пляжи на любой вкус: ребятишки плещутся на мелководье залива, а с другой стороны катит на Косу пенные валы море. Совсем недалеко от города и пионерские лагеря, и летние детские сады, и заводские пансионаты, палаточные городки туристов.

Недавно на Косе состоялось еще одно новоселье — торжественно открылась база отдыха «Колос» ордена Трудового Красного Знамени Первомайского завода сельскохозяйственных машин.

Светлое четырехэтажное здание, опоясанное лоджиями. К пляжу, что в сотне метров, ведут молодые посадки.

— Причем все здесь — и посадки, и благоустройство территории, и само здание — сделано и построено руками рабочих завода, — сказал на открытии его директор Владимир Александрович Сахаров.

Он же приветствовал и первых отдыхающих: мастера Лидию Ивановну Калиберду, экономиста Анатолия Ивановича Плотникова, ветерана завода, ныне уже пенсионера Ивана Артемьевича Панькова с внучкой Натальей и других.

— Я проработал на заводе тридцать три года, — говорит Паньков, — да и сейчас, когда надо, помогаю, чем могу. Вот мне и дали, как кадровому рабочему, путевку с семидесятипроцентной скидкой, а внучке, как члену семьи, — с пятидеся-

типроцентной. У нас прекрасный двухместный номер, все удобства.

Вот так. Все вроде бы хорошо, даже прекрасно. Если бы не одна огорчительная подробность: база отдыха рассчитана на 280 мест, а принять пока может только 150 человек. Все есть в номерах — и кровати, и матрацы, и умывальники, и необходимая мебель. Нет только постельного белья. И купить его в Бердянске негде. Может быть, министерства торговли и легкой промышленности Украины помогут рабочим старейшего в нашей стране завода сельскохозяйственных машин? Не только старейшего, но и одного из передовых в отрасли.

Е. ПЕТРОВ,
корреспондент пресс-центра
«Тракторосельхозмаша»

На снимке: так выглядит база отдыха «Колос».

УЗБЕКИСТАН

ЗЕМЛЯ, ТВОРИМАЯ ЗАНОВО

3

Как только целинный массив попадает здесь в зону освоения, желтое безмолвие усиливается преобразователей степи словно бы сдвигается с привычного места. Гулко гудят бульдозеры и скреперы, скрежет металл, превращая слежавшийся до каменной твердости грунт в мягкое поле.

Они очень зримы, перемены в степи Джизакской. Совсем недавно тут высились штабеля керамических дренажных труб, а теперь раскинулось изумрудное хлопковое поле. Там, где был котлован, поднялся многоэтажный жилой дом. Исчезла и грунтовая дорога, легло асфальтированное шоссе. Вот только деревья совхозного сада все еще по-ребячьски тонки.

О качестве работы людей, осваивающих степь, здесь судят главным образом по основной продукции узбекистанской целины — по хлопку. Эк-

заменаторы — хлопкоробы, которые прибывают на эту землю вслед за оросительной водой, несущейся в железобетонных лотках-акведуках. Многие мастера — выходцы из густонаселенной древнейшей Ферганской долины. Уж они-то знают цену каждому квадратному метру плодородной земли, каждой капле живой влаги. И когда перед новоселом открываются целинные просторы, он забывает об усталости, обретая как бы второе дыхание.

— А то и третье, — уверяет Максуда Фазылова, вожак комсомольско-молодежной хлопководческой бригады из совхоза «Прогресс» самого юного в Узбекистане Зарбдарского района. — Тем более что условия работы оказались лучше, чем мы предполагали, — поясняет она. — Нас поселили в полевых вагончиках, пока строился специальный поселок для механи-

заторов. А квартиры тут со всеми городскими удобствами.

За три года урожайности в бригаде Фазыловой поднялась с 21 центнера до 50.

— Так мы встретили XXVI съезд партии. А сейчас делаем все, чтобы в первом году одиннадцатой пятилетки получилось не меньше. Мы ведь не просто целинники, мы — ферганцы...

— С такой же душевной отдачей работают здесь и самаркандские мастера, — говорит первый секретарь Зарбдарского райкома партии Мустафакул Умурзаков. — Специалисты территориального управления «Джизакстепстрой» уже передали земледельцам совхоза более двух тысяч гектаров земли, по существу, сотворенной ими заново.

Н. АФАНАСЬЕВ

На снимке: идут планировочные работы на целине.

Фото Б. Юсупова

ЛАТВИЯ

4

ФАРФОР В РИЖСКОМ СТИЛЕ

Выставка изделий Рижского фарфорового завода приурочена к 140-летию предприятия, награжденного недавно орденом Дружбы народов. Сто сорок лет — срок немалый, и теперь выставочные образцы старого фарфора — продукция завода, построенного на окраине Риги русским промышленником Сидором Кузнецовым — считаются уже уникальными, музейными экспонатами. Сегодняшний тонкостенный, почти прозрачный фарфор отличается особой изысканностью колорита и декора, в основе которого лежат латышские национальные мотивы. Это современный рижский стиль, сформировавшийся за последние десятилетия.

Художники завода работают вместе, в одной творческой лаборатории. И все-таки у каждого мастера свой почерк. Зина Улсте, заслуженный деятель искусств республики, стремится к лаконизму в оформлении изделий, а роспись Майи Загребасовой особенно многокрасочна, живописна. Такова, например, серия ее настенных тарелок с изображением цветов.

Рижские мастера фарфора первыми в стране освоили новую технологию. Это дало простор поиску художников, изменило и, по сути дела, все производство.

Ныне предприятие выпускает 35 миллионов изделий в год, постоянно улучшается их качество. Резко увеличилась поставка в торговую сеть тонкостенной посуды — продукции с государственным Знаком качества.

Тонкость и блеск фарфора, изысканность форм, изящество рисунка... Праздничное, легкое настроение, которое возникает при взгляде на эту посуду, — тоже одна из черт рижского стиля.

Л. ПРОКОФЬЕВА

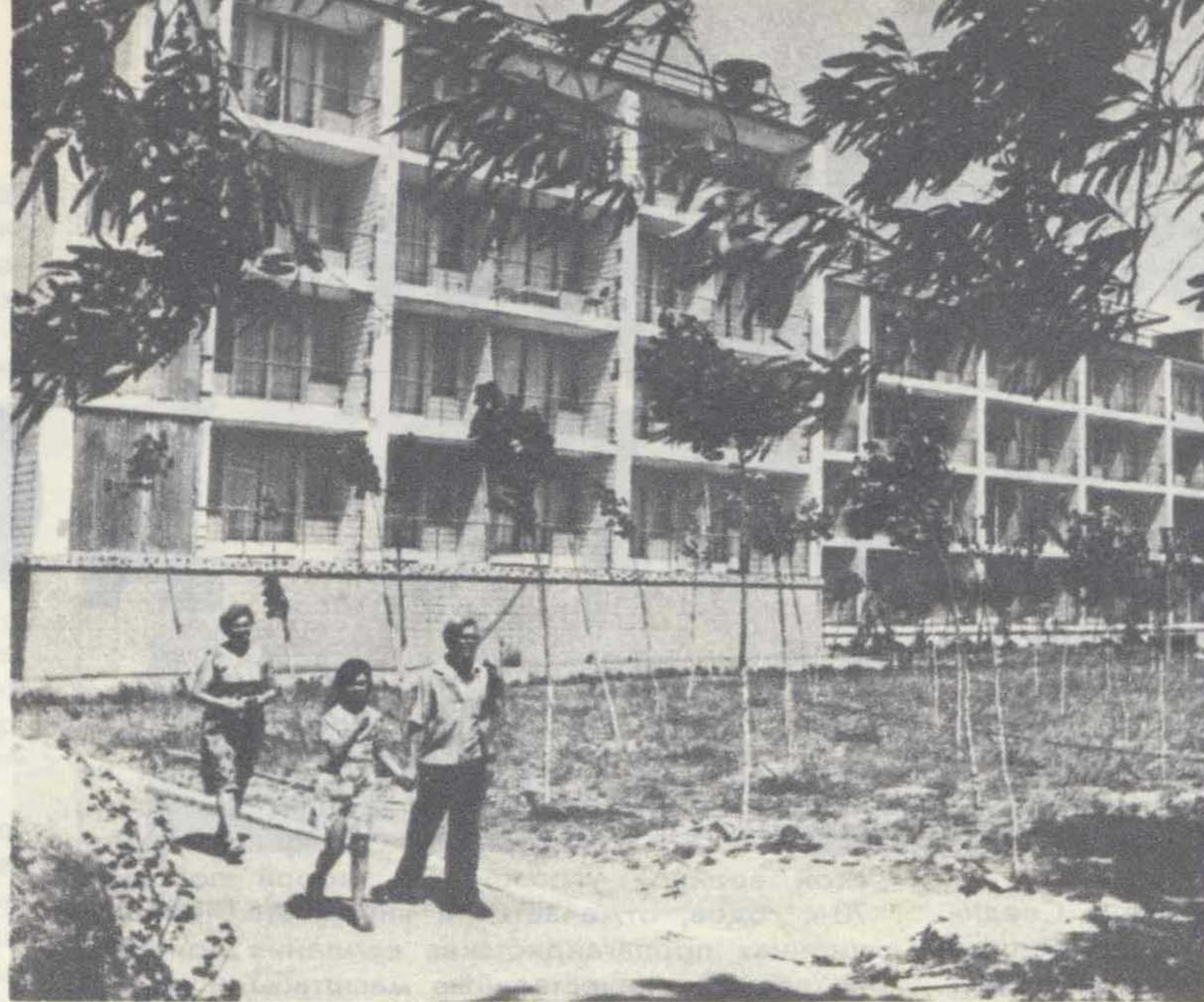
Фото Ю. Пойш

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

ПО СТРАНАМ СОВЕТСКОЙ

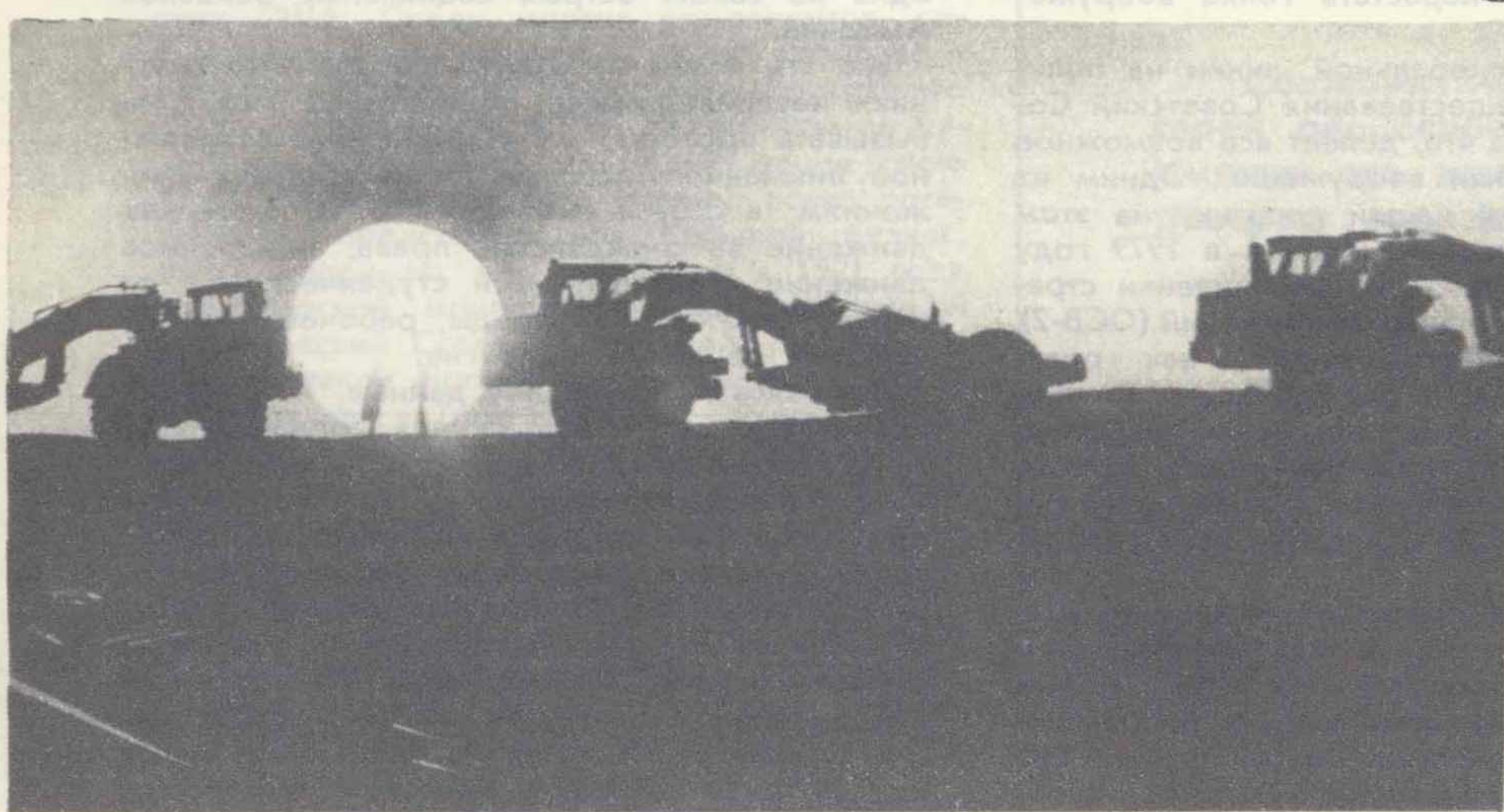

1

2

3

4

5

5 КРЫМСКАЯ ОБЛАСТЬ У СТЕН АКРОПОЛЯ

В Керчи остро осязаема история. Взираясь по тропинке и вершине горы Митридат, находишь кусочки чернолаковых чаш, искрящиеся на солнце белые крошки мрамора. Все они — следы канувшего в глубь веков Боспорского государства. В медленном разбеге девяти столетий вершилась судьба предшественника современной Керчи — древнего Пантикапея. Город, в свое время окруженный двумя рядами оборонительных стен, подарил нам свой акрополь, добраться к которому было не так просто.

Мы беседуем с начальником Боспорской археологической экспедиции Владимиром Петровичем Толстиковым. Экспедиция ежегодно снаряжается московским Музеем изобразительных искусств имени А. С. Пушкина и ведет систематические исследования Пантикапея. Ею открыт «новый» квартал древнего города на северном склоне горы Митридат с лабиринтом фундаментов, водосточков, колодцев и покрытых плитами дворики.

— Летом 1980 года работы велись на Центральном раскопе, — рассказывает Владимир Петрович. — В 1972 году здесь были начаты раскопки акрополя — верхнего города. В прошлом археологическом сезоне мы существенно продвинулись в изучении такого интереснейшего элемента конструкции акрополя, как северный фронт его обороны. Не вызывает сомнения, что основание стен и башен акрополя относится к концу III века до нашей эры. Акрополь был защищен мощной оборонительной стеной. Причем наиболее важные и уязвимые участки — углы башен и бастионы — были возведены на специально подтесанных для этих целей массивах материковой скалы.

В процессе раскопок в одной из

куртин (промежуток между двумя башнями) обнаружен пятнадцатиметровый коридор, заканчивающийся вылазкой калиткой.

Богатые трофеи принес археологам коридор, проходящий вдоль стены III века до нашей эры. Среди находок — редкие клейма на ручках амфор, изготовленных главным образом на острове Фасос и в древнегреческих городах, которые располагались на берегах Черного моря.

Обнаруженная у стены в материковом грунте хозяйственная яма явилась настоящей кладовой, откуда археологи буквально черпали керамику второй половины VI — начала V века до нашей эры. Эта яма подарила ученым крупные фрагменты чаш для вина — киликов. На их поверхности изображены воины с круглыми щитами, в шлемах с гребнями и перьями. Древний искусник оставил на глине изображения пляшущих сатиров. Особо интересен и фрагмент мраморной скульптуры, изображавшей, видимо, Геракла в львиной шкуре.

Хотя раскопки акрополя Пантикапея еще далеки от завершения, но все же позволяют сделать важные выводы по истории столицы Боспора. Работы, проведенные в летнем археологическом сезоне олимпийского года, подтвердили прежние датировки укреплений и существенно их уточнили. Открытия, сделанные профессиональными археологами и их помощниками — студентами Башкирского государственного университета, — закладывают основу создания археологического заповедника на горе Митридат.

Б. СЛУЧАНКО

На снимке: коридор Пантикапея. Справа — стена III века до н. э., за ней — хозяйственная яма. Фото Н. Сизоненко

НАХОДКА

VI МЕЖДУНАРОДНЫЙ

Неделю дальневосточный город Находка жил волнующими событиями проходившего здесь VI Международного семинара по проблемам сотрудничества в бассейне Тихого океана. Круг участников был весьма широк. Многие страны послали своих представителей в Советский Союз, чтобы за традиционным столом находкинского семинара молодые ученые и общественные деятели обсудили самые животрепещущие вопросы борьбы за разрядку и мир, охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов региона. За рабочим столом Дворца культуры моряков, где проходил семинар, находились представители Всемирного Совета Мира, Всемирной федерации демократической молодежи, Международного союза студентов, почетные гости семинара — Тур Хейердал, Свен Робинсон, Эндрю Гонсалес, Джими Митчел, председатель президиума Дальневосточного научного центра АН СССР, Герой Социалистического Труда академик Николай Алексеевич Шило и другие гости, приглашенные на молодежный форум.

Семь дней в одном зале работали люди с разным цветом кожи, разными политическими убеждениями, но объединенные заботой о судьбах мира.

Организаторы семинара, составив рабочую программу, предоставили участникам воз-

можность посетить комсомольские организации и предприятия города Находки. Один из маршрутов Тура Хейердала включал посещения биологической станции «Восток» Института биологии моря. Здесь знаменитый ученый и путешественник познакомился с молодым представителем науки Социалистической Республики Вьетнам Нгуен Так Аном.

Два человека, один — достигший вершин ученый с мировым именем, другой — делающий только первые шаги в большой науке, стояли на берегу бухты Прибойная близ Находки. Тур Хейердал говорил, что океан никогда не разъединял людей, наоборот, он сближал народы. «Составляя международный экипаж, я хотел доказать, что и в экстремальных условиях люди разных национальностей могут трудиться, могут жить».

Чтобы сближать народы, океану нужен мир — вот основной итог работы VI Международного семинара. Важно то, что в единогласно принятом участниками семинара заявлении говорится о глубоком понимании, с которым воспринят призыв к сохранению мира, к обеспечению права людей на жизнь, прозвучавший в обращении Верховного Совета СССР «К парламентам и народам мира».

В. КУЗНЕЦОВ,
соброр «Огонька»

ЗА ФАСАДОМ БЕЛОГО ДОМА

Владимир НИКОЛАЕВ

Как формируется внешняя политика Соединенных Штатов, какие факторы определяют ее? Этот вопрос сегодня более чем актуален. На него отвечает только что вышедшая книга «США: за фасадом глобальной политики». Она написана ученым-американистом А. Кокошиным. Есть у нее и подзаголовок: «Внутренние факторы формирования внешней политики американского империализма на пороге 80-х годов». Таким образом, уже обложка и титульный лист четко определяют главную задачу автора. К ее решению он подходит, руководствуясь следующим указанием В. И. Ленина: «Выделять «внешнюю политику» из политики вообще или тем более противопоставлять внешнюю политику внутренней есть в корне неправильная, немарксистская, ненаучная мысль». А. Кокошин исходит из того, что реалистическая оценка внешней политики империализма США невозможна без анализа расстановки классовых сил в стране, а также учета соотношения интересов правящего класса, с одной стороны, и других классов и социальных слоев — с другой. В то же время в книге также исследуется то значительное воздействие на внутренние закономерности американского общества, которое оказывают коренные изменения в соотношении сил на мировой арене. Такая проблематика и такой угол зрения не могут не привлечь внимания тех, кто интересуется современной Америкой, кого волнуют судьбы мира, разоружения, разрядки.

Автор начинает разговор с анализа изменений международных позиций США в 70-е годы, подчеркивает возросшую зависимость Соединенных Штатов от внешнего мира в результате значительного роста импорта нефти и других сырьевых материалов. Об этом убедительно говорит более чем двукратное увеличение роли внешней торговли и зарубежных инвестиций в экономике страны. Об этом же говорит рост уязвимости доллара в связи с колебаниями на мировом рынке. А. Кокошин справедливо считает, что эта возросшая зависимость США к концу 70-х годов не укладывается в рамки традиционных отношений Соединенных Штатов с другими странами, это новый феномен в американской истории.

В те же 70-е годы, пишет автор, произошли значительные изменения в соотношении сил между социализмом и капитализмом, и в первую очередь между Советским Союзом и Соединенными Штатами. В книге подробно анализируется рост мощи и влияния СССР и позиция США перед лицом мира социализма. В экономическом соревновании СССР—США происходит неуклонное упрочение советской экономики. Если в 1965 году объем промышленной продукции Советского Союза по отношению к Соединенным Штатам равнялся 62 процентам, то в 1976 году он был на уровне более 80 процентов. В момент образования Совета Экономической Взаимопомощи входившие в него страны давали 18 процентов мировой промышленной продукции, а в конце 70-х годов — примерно одну треть.

Успехи нашей страны и всего социалистического лагеря изменили баланс сил на международной арене. Советский Союз сумел в условиях навязанного ему империализмом военного противостояния добиться равенства, паритета с США в области стратегических вооружений. Как известно, именно это обстоятель-

ство стало серьезнейшей преградой на пути развязывания империализмом новой мировой войны. Но такое равенство, такой паритет не устраивает агрессивные американские круги, которые сотворили лживый миф о «советской военной угрозе». Во второй половине 70-х годов, отмечается в книге, эта провокационная пропагандистская кампания приобрела новые количественные масштабы и качественные отличия. Под этот вредоносный шум в США продолжает нарастать гонка вооружений.

Верный своей генеральной линии на политику мирного сосуществования Советский Союз, несмотря ни на что, делает все возможное для обуздания гонки вооружений. Одним из важных достижений нашей политики на этом пути явилось подписание в Вене в 1979 году СССР и США Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2). В книге рассказывается о том, как реакционные силы США, и прежде всего военно-промышленный комплекс, помешали ратификации этого договора в Соединенных Штатах, как они всячески противятся любым инициативам, направленным на обуздание гонки вооружений.

Немалый интерес представляет в книге анализ соотношения сил в капиталистическом мире, которое характеризуется дальнейшим обострением межгосударственных противоречий, и в первую очередь между тремя главными центрами империалистического соперничества — США, Западной Европой и Японией. В книге показано, как в 70-е годы произошло дальнейшее изменение соотношений сил в этом «треугольнике», опять-таки не в пользу США. Этот свой тезис автор подкрепляет богатыми фактическими данными из области промышленности и торговли. Большое внимание в книге уделено также позиции Соединенных Штатов по отношению к развивающимся странам, возрастанию роли этих стран в современном мире и влиянию этого процесса на политику США. Отмечая объективный характер ослабления международных позиций США, автор подчеркивает, что многие реальности нового международного положения далеко не всегда разумно учитываются правящими кругами страны. Он приходит к такому выводу: события 70-х годов и особенно 1980 года показали, что американский империализм не смирился со своими поражениями на международной арене и предпринимает отчаянные попытки для восстановления утраченных позиций.

В следующем разделе автор освещает роль внутренних социально-экономических проблем США и массовых общественно-политических движений в формировании внешней политики американского империализма. А. Кокошин пишет об особенностях внутриэкономического положения Соединенных Штатов на пороге 80-х годов, отмечает, что 70-е годы в экономике США по основным показателям заметно отличались в худшую сторону от предшествующего десятилетия. Растущая инфляция ныне является для американцев наиболее острым вопросом, фактором их повседневной жизни. Это положение также подробно излагается в книге и иллюстрируется последними фактическими данными. Отмечается и другая острейшая экономическая и социальная проблема современной Америки — энергетический кризис. Как известно, в 70-е годы страна была дважды, в 1973—1974 и 1979 годах, потрясена нехваткой бензина. Автор распутывает перед читателем сложный узел противоречий американской энергетики, показывает его связь с борьбой за власть в США между различными политическими группировками.

Говоря о социальных проблемах современ-

ной Америки, А. Кокошин подчеркивает социальное неравенство ее населения, на последних примерах он показывает, что сложившийся еще в прошлом веке огромный разрыв между верхушкой американского общества и остальной частью населения не уменьшается. Продолжает оставаться острым социальным злом расовая проблема. Затяжной характер приобрел в стране кризис городов. Частью этой проблемы является растущая преступность — одна из самых острых социальных болезней Америки.

Все эти и многие другие неизбежные спутники несправедливого общества не могут не вызывать протеста, и в книге уделяется должное внимание массовым общественным движениям в США в последние годы, таким, как движение за гражданские права, антивоенное движение, молодежное и студенческое, за охрану окружающей среды, рабочее и профсоюзное движение и другие.

Опираясь на последние данные, А. Кокошин использует их не только для создания картины современной Америки, но и для глубокого анализа проходящих в ней политических процессов. Так, например, он пишет, что среди всего комплекса внутренних факторов, влияющих на внешнюю политику американского империализма, одним из основных является борьба по вопросам очередности и соотношения внешних и внутренних задач государства. Эта борьба ведется как на уровне правящих кругов, так и на уровне массовом при участии различных общественно-политических организаций и движений. Хотя эта мысль автора и отражает повседневную американскую действительность, отражает типичное явление, лежащее, казалось бы, на поверхности, тем не менее при анализе американской политики в других работах мы не всегда обнаружим этот нужный и точно найденный важный узел.

Главной силой милитаризма и реакции во внутренней и внешней политике США автор называет военно-промышленный комплекс (ВПК), который с каждым годом набирает в Америке все большую мощь. Это обстоятельство, словно в зеркале, отражается в американском бюджете, где военные расходы заняли львиную его долю и продолжают нарастать, как снежный ком. Автор исследует зарождение такого чудовищного феномена, каким является ВПК, анализирует различные толкования этого термина и показывает, как ВПК стал в США «государством в государстве», приобрел самодовлеющую силу.

На фоне разгула американского милитаризма и реакции автор пишет о кризисе власти в США и его внешнеполитическом значении. В наиболее обобщенном виде, отмечает А. Кокошин, кризис этот проявляется в повышенной непоследовательности действий президента на международной арене, в большой подверженности их внутриполитическим конъюнктурным колебаниям, вызванным деятельностью противоборствующих монополистических группировок и т. п. Автор напоминает о ряде кризисов власти в новой и новейшей истории США, которые в конце концов привели к крупнейшему скандалу в американской политической летописи — уотергейтскому делу, оно до основания потрясло весь институт президентской власти и привело к удалению президента Никсона с его высокого поста. Многие страницы рецензируемой нами книги заняты научным анализом уотергейтского дела, в котором, как в капле воды, отразились главные непреодолимые противоречия политической жизни современной Америки. Хочется лишь раз подчеркнуть, что и при изложении этого скандала, внешне похожего на детектив, автор идет не по описательной, а по аналитической, исследовательской линии.

А. А. Кокошин. США: за фасадом глобальной политики. М., Издательство политической литературы, 1981, 368 стр.

Такой подход к изложению материала выгодно отличает эту работу, в которой обилие фактического материала является не самоцелью, а средством для аналитического разбора.

Кризис власти в США автор характеризует и на примере президентской власти и администрации Картера, а также на примере президентских выборов 1980 года. Он пишет об упадке двухпартийной системы в США, о все растущем безразличии избирателей к президентским выборам. Если эту тенденцию, отмечает А. Кокошин, экстраполировать в будущее, то в 2000 году президент США может быть избран всего лишь десятью процентами имеющих право голоса (Рейган, например, был избран в 1980 году 26 процентами избирателей).

В последней главе книги раскрывается механизм формирования и реализации внешнеполитического курса американского империализма. Этот механизм является ныне одним из наиболее сложных в государственном аппарате США, и показ его пружин, анализ его работы очень важен для понимания политики США. Среди многих компонентов, составляющих этот механизм, автор называет и неправительственные организации правящего класса, стоящие как бы за политическими кулисами, а на самом деле диктующие свою волю правительству. Это прежде всего организации, представляющие большой бизнес, такие, например, как созданный в 1921 году уолл-стритской монополистической верхушкой нью-йоркский Совет по внешним сношениям. Другой такой организацией правящей элиты США является Трехсторонняя комиссия, созданная по инициативе банкира Д. Рокфеллера. Примечательно, что в эту комиссию входят также представители Западной Европы и Японии.

Раскрывает автор и механизм внешнеполитического лоббизма в США, этого института по оказанию целенаправленного воздействия на правительственные органы, причем воздействия как в легальных, полулегальных, так и в совершенно незаконных формах. Наряду с другими примерами А. Кокошин отмечает, что наиболее ярко проявляют себя лоббистской силой по вопросам внешней политики сионистские организации. Он пишет: «Их воздействие не ограничивается американо-израильскими отношениями или ближневосточной проблемой, оно имеет гораздо более широкие и глубокие направления, чем у других подобных сил, лоббирующих по вопросам внешней политики. Деятельность американских сионистских организаций наносит немало вреда развитию двусторонних американо-советских отношений и оказывает негативное воздействие на внешнеполитический механизм США в целом».

В книге детально разбирается процесс формирования внешней политики США на высшем уровне государственной власти. Это тоже непростой механизм, он включает президента, его ближайших советников, верхушку разведки и Пентагона, а также другие компоненты. Сам процесс выработки внешнеполитического курса автор определяет как сложный и хаотичный. Дело в том, что тут сталкиваются при общей четкой классовой ориентации различные, подчас противоречащие друг другу в тактическом плане взгляды и интересы. Автор подчеркивает поистине огромную роль разведки и военных среди других ведомств при выработке американской внешней политики.

Работа А. Кокошина вышла в свет сегодня, когда международная обстановка серьезно осложнилась. Книга позволяет понять глубинные причины такого положения дел, разоблачает ложь и уловки буржуазной пропаганды. В то же время она не только обогащает наши знания, но и открывает перспективу дальнейшей борьбы за разрядку. Автор заключает книгу такими словами: «Ожесточенным атакам сил империализма на разрядку, принципы мирного сосуществования государств Советский Союз и все социалистическое содружество противопоставляют последовательную, принципиальную политику, направленную на сохранение и упрочение мира, свою готовность развивать отношения с Соединенными Штатами Америки на долговременной взаимовыгодной основе».

Геннадий Александрович Богомолов.

Фото А. Дроздова.

Социалистическое соревнование — творчество масс. По самой сути своей оно основано на высокой сознательности и инициативе людей. Именно эта инициатива помогает вскрывать и приводить в действие резервы производства, повышать эффективность и качество работы.

Л. И. БРЕЖНЕВ

МГНОВЕНЬЕ, ТЫ ПРЕКРАСНО

О. ПЕТРИЧЕНКО

Его появление в отделе кадров завода «Ленполиграфмаш» особых восторгов не вызвало: четыре класса образования и сорок пять (!) штампов предыдущих организаций в трудовой книжке не лучшая рекомендация для человека почти тридцати лет от роду. «Летун, конечно, типичный, — вздохнул начальник отдела кадров, листая документы, — однако...»

Однако заканчивался очередной квартал, станочники были нужны позарез, и на заявление о приеме легла положительная резолюция. На следующее утро новичок вышел на работу и, благополучно вписавшись в окружающую цеховую среду, тут же в ней затерялся, ничем особым себя не проявив. Впрочем, с нормой он справлялся вполне исправно, с дисциплиной ладил, охоты к дальнейшей перемене мест не проявлял, а посему в негласной табели о рангах единодушно был отнесен к разряду середнячков.

Гром грянул осенью 1973 года. Несказанно удивив многих, Г. А. Богомолов за 22 дня справился с производственной программой семи месяцев. Скептики еще качали головами, подозревая подвох или случайность, а рекорды следовали один за другим. За 2 года 8 месяцев, 2 года 4 месяца, 2 года 21 день, 1 год 11 месяцев — в таком, все убыстряющемся темпе, всегда первым среди станочников страны он выполняет свои пятилетние задания: четыре подряд! Выполняет, несмотря на постоянное их усложнение, на естественное ужесточение норм, все на том же весьма почтенном по возрасту станке, который верой и правдой служит ему уже шестнадцать лет.

Не только для посторонних, но и для соседей по участку ошеломляющий рывок Богомолова из тумана безвестности долгое время представлялся чем-то вроде очередной версии классического сюжета о гадком утенке.

Минувшие годы, конечно, прояснили многое. И все же, отправляясь к Богомолову в цех, я, честно говоря, ожидал увидеть нечто необычайное: сгусток энергии, ураган движений, раскаленный от напряжения станок. И здорово ошибся — в разгар смены Геннадий Александрович... мирно дремал на своем рабочем месте. Дремал в прямом смысле этого уютного слова, не обращая ни малейшего внимания на шум участка, при полном безразличии к такому необычайному, с моей точки зрения, факту со стороны окружающих. Ровно через пять минут он открыл глаза, встряхнулся и, как ни в чем не бывало, склонился над чертёжом. И неторопливо стал колдовать над тускло блеснувшим в руках кусочком стали, так и эдак прикидывая нечто с помощью штангенциркуля.

Естественно, что наш разговор начался с моего несколько недоуменного вопроса о пользе сна в рабочее время.

— Точнее, — поправил Геннадий Александрович, — о пользе краткого, но глубокого расслабления. Это нелегкое искусство, и овладеть им удалось лишь после основательного изучения курса аутотренинга, знакомства с некоторыми аспектами йоги. Если просто закрыть глаза, толку не будет, в лучшем случае действительно заснешь на потеху окружающим. Для человека, который хочет всю смену отработать в ровном высоком темпе, необходимо научиться в определенные моменты полностью отключаться от окружающей обстановки. Это важно для всей нервной системы, гарантия того, что ваша координация, ваше настроение будут неизменными на протяжении многих часов. В моем расписании предусмотрены два подобных «отключения» — в 10 и 14 часов. После них небольшая разминка — и неизменное ощущение свежести, как будто смена только что началась. Поддерживать свою форму подобным образом можно очень долго. Помню, как-то в силу производственной необходимости мне пришлось отработать сутки. Потом проанализировал — производительность в первые и последние часы этого вынужденного марафона была практически одинаковой.

...Чего греха таить, отправляясь к новатору-станочнику за опытом, все мы идем обычно по проторенной дорожке привычных представлений, заранее зная, что ключ к его успехам всегда сугубо материален, лежит в сфере техники, хитроумных изобретений. Но у Богомолова на сей счет своя точка зрения.

...Однажды после смены он взял ведерко с краской, кисть и внес существенную поправку в общецеховой дизайн. Наутро его станок выглядел как одинокий цыпленок в весеннем

лесу: яркое желтое пятнышко на фоне зеленых стен.

Нельзя сказать, что новацию одобрили: Геннадию Александровичу пришлось поломать немало копий, доказывая, что именно при этом цвете именно его глаза утомляются меньше всего. Да и наука советует чаще менять цвета оборудования, подбирая наиболее приятные, относящиеся к средней части спектра. С наукой соглашались, с Богомолыным — нет: мол, что это будет, если каждый вздумает своевольничать, нарушая утвержденный стандарт, считаясь лишь со своим индивидуальным вкусом.

Баталии продолжались довольно долго, но в итоге победил Богомолынов. Таких побед было одержано великое множество. Они стоили нервов, но Богомолынов последовательно гнул свою линию, жадно выискивая во всех отраслях знаний рецепты управления самым сложным из созданных природой устройств — собственным организмом.

Известно, например, что он, организм, просыпается задолго до того, как мы открываем глаза, — команды, родившиеся в глубинах мозга, убыстряют движение сердца, ток крови, заботливо приспособивая нас к стремительному ритму наступающего дня. Ну, а если вот так же, задолго до смены, настраивать себя на определенный темп? И Геннадий Александрович, едва переступив порог дома (20 минут на метро и еще 20 пешком до завода), мысленно включает станок, репетирует будущие движения обработки первой на нынешний день партии деталей.

Эта вроде бы чисто теоретическая разминка оказалась весьма полезной: Богомолынову удалось полностью ликвидировать неизбежную в начале любого дела раскочку, сразу же включаться в привычный для себя высокий темп работы.

Кстати, ритм ей задает... сердце. Не часы, не метроном, не количество деталей или еще какая-нибудь условная единица, а самый естественный, природой дарованный нам хронометр. Встретив в трудах одного из физиологов упоминание о том, что наиболее благоприятным для любого вида человеческой деятельности является ритм нашего сердца, Богомолынов занялся собственными наблюдениями, статистикой и установил, что действительно, при 80—85 движениях в минуту утомляемость снижается примерно на 20 процентов.

Подобных открытий, приемов, находок — не знаю, как лучше именовать результаты постоянного поиска этого необычного человека, — в арсенале Геннадия Александровича предостаточно. О них еще пойдет речь, а меня, честно говоря, сразу и остро заинтересовало другое: обстоятельства, пробудившие вдруг вчерашнего середнячка к иной — решительной, жадной до знаний жизни.

— Вдруг на свете ничего не бывает, — усмехнулся Геннадий Александрович. — Меня никогда не привлекало тихое, спокойное существование. Другое дело, что искал я свое место в жизни долго — был и книгоношей, и в хоре пел, и в театре пантомимы выступал, немало разных заводских специальностей перепробовал. Но искал не материальной выгоды — интереса. Не сразу понял, что изменять надо не внешние обстоятельства, а прежде всего себя самого. И очень кстати встретился (в книгах, разумеется) с двумя замечательными людьми — известным советским специалистом по рациональной организации и культуре производства Алексеем Капитоновичем Гастевым и профессором Александром Александровичем Любимцевым. И тот и другой, образно говоря, учат боготворить мгновение...

Вот именно! «Эта странная жизнь» Любимцева — вовсе не странная, наоборот, самая естественная и порядочная. Она проникнута глубоким уважением к каждой дарованной нам минуте, стремлением употребить ее на благо общества. В этом — проявление высочайшей культуры человека, истинного сознания своего долга перед Родиной. Ведь ни одну кроху времени не переживешь заново — потрачена, значит, потрачена. Вопрос — как? На что? И когда я впервые задумался над этим вопросом, ответ был неутешителен: не минуты — часы, жизнь уходила впустую.

По примеру Любимцева я стал учиться экономить время. По советам Гастева стал ор-

ганизовывать свой труд. На переделку самого себя ушло лет девять, так что рывок 1973 года — лишь первый результат весьма кропотливой предварительной работы.

— Приходилось слышать утверждения, что вы открыли чуть ли не новые принципы увеличения производительности труда станочника.

— Ну, это слишком громко сказано. Давай-те лучше попробуем разобраться, каким, собственно, образом можно добиться этого самого увеличения? Если очень упрощенно, то основных путей два, но они тесно взаимосвязаны. Один — изобретательство. Дали задачу, придумай приспособление, чтобы облегчить, ускорить его выполнение. Минусы: на каждую деталь рацпредложений не напаешься, да и действует оно сравнительно недолго — норму тебе вскоре, естественно, ужесточат. То есть здесь повышение производительности труда временное или, если хотите, волнообразное — от удачи до удачи.

Другой путь — интенсификация труда за счет более рационального использования возможностей нашего тела: все, что поручено, надо делать в несколько раз быстрее. Подчеркиваю — не чуть быстрее, а в несколько раз... Помните чаплинские «Новые времена», сумасшедший конвейер? Там гротеск, но именно этим примером меня поначалу упрекали чаще всего: мол, что же вы хотите — и у нас нечто подобное внедрить? Есть выверенные наукой, практикой нормативы, ими и надо руководствоваться, изменяя их в разумных пределах. С моей же точки зрения, нормативы эти отстали от жизни лет на тридцать и рассчитаны на людей «ленивых и любопытных».

— Для утверждения подобной точки зрения нужны веские доказательства.

— Извольте! Возьмем спорт. Было время, когда прыжок в высоту на 2 метра 10 сантиметров казался фантастикой. Ныне этот результат достигнут многими. Что же произошло? Земное притяжение вроде не уменьшилось. Изменились спортсмены, точнее, методики их тренировок, акцент, сделанный на выявление резервов организма. Именно здесь были открыты «залежи» таких богатств, о существовании которых мы, пожалуй, и не подозревали. Механические секундомеры безнадежно устарели — в спорте счет идет на сотые, тысячные доли секунды. А на производстве? Невозможно представить стайера, отлучившегося с трассы перекурить или сгонять партию-другую в домино. А на работе подобное сплошь и рядом увидишь. И никого, заметьте, не удивляет, что многие успевают и перекурить не раз и сменное задание перевыполнить. Так на кого, спрашивается, подобные нормы рассчитаны?

— Правомерно ли подобное сравнение? Ведь любая спортивная дистанция требует пусть большого, но все же временного напряжения, а работа — дистанция на всю жизнь. Хватит ли сил у организма, если постоянно заставлять его действовать в режиме предельных нагрузок?

— Ну, до предела нам еще ох как далеко. Ученые утверждают, что возможности своего мозга человек использует всего на пять — десять процентов, а физические — едва ли наполовину. Наша усталость в большинстве случаев следствие плохо организованной работы: внезапных рывков, остановок, суетливых, непродуманных движений. Посмотришь на интеллект — разве что дым не идет, до того старается. Кругом уважительно качают головой — труженик! А по мне — человек силы и здоровье гробит зря. Не случайно на Руси издавна красивой работой почиталась работа экономичная — хороший плотник гвоздь в доску вбивает одним ударом.

...После первой встречи с Богомолыным я несколько раз приходил в цех без его ведома и незаметно, подолгу наблюдал за работой Геннадия Александровича со стороны. Благо стены на участке стеклянные, видно все отлично.

А что видно — объяснить не мог. Ну, работает человек себе потихоньку, не спешит, не нервничает — это заметно. Не курит. Аккуратно так похаживает меж двух станков, поглядывает, чтобы ни один впустую не крутился. Сосед подойдет посоветоваться, соседом занимается, мастер чертеж принесет — с мастером о чем-то подолгу толкует. А смена кончилась: у кого 100, у кого 120, а у него под 300 процентов.

И все же, приглядевшись внимательнее, начал замечать в оборудовании рабочего места Богомолынова кое-что непривычное: приделанные к станине большие металлические карманы; неизвестного назначения педаль; из толстой

проволоки скрученную петлю; зеркальце наподобие автомобильного.

Явно не свое привычное место занимали и наручные часы «Слава», но тут я сообразил сразу, — для человека, постоянно считающего время, куда удобнее, чтобы они висели перед глазами: вскидывать каждый раз левую руку, чтобы освободить их из-под манжеты рубашки, — занятие довольно надоедливое, вроде комара отгоняешь.

Быстро убедили в своих преимуществах и устройства тумбочки: рыться в ней Богомолынов не приходилось — закрепленный в ложементе инструмент он доставал, почти не глядя, быстро повернув к себе нужную секцию.

Карманы на станине и вовсе удивили своей разумностью, логичностью: действительно, зачем делать два-три шага в одну сторону, чтобы взять заготовки, потом еще столько же в другую, чтобы положить готовую деталь на стеллаж, когда и то и другое можно держать под рукой, в этих самых кармашках?

Зеркальце, педаль, петля оказались орешками покрупнее. Тут уж пришлось обратиться за подсказкой к коллегам Геннадия Александровича. Объяснения последовали более чем неожиданные. Выяснилось, например, что с помощью зеркальца при обработке некоторых деталей Богомолынов экономит... до пяти тысяч поворотов головы за смену.

Столь же изящными по замыслу, простыми и эффективными оказались и все остальные приспособления, превратившие обычный станок фрезеровщика в некий универсальный обрабатывающий центр.

Однако приспособления-то простейшие. И этим, как ни странно, объясняется некий психологический барьер, достаточно долго мешавший многим всерьез воспринимать «систему» Богомолынова. «В самом деле, — рассуждали они, — зеркальце, тумбочка, какие-то проволоочки — ну что это такое в эпоху НТР? Несolidно!»

Что ж, в активе Богомолынова есть и весьма серьезные изобретения, отмеченные медалями ВДНХ. С их помощью были досрочно выполнены две его первые пятилетки. А три последние уложились в каких-то шесть лет именно за счет подобных «мелочей»!

Разумеется, они — всего лишь подспорье. Но чтобы понять их подлинную стоимость, суммарную мощь, надо вернуться к тем далеким шестидесятым годам, когда Богомолынов впервые серьезно задумался о подлинной стоимости времени и, как следствие, обратился за опытом к спорту.

Так вот, заинтересовавшись поисками, что ведут спортсмены, тренеры, он всерьез взялся за изучение анатомии, физиологии, психологии, стараясь понять, как устроен, действует человеческий организм, отчего вообще устают мышцы, можно ли приучить их к длительным нагрузкам, какой режим для этого наиболее оптимален?..

— Возможно, мои «открытия» вызовут улыбку у специалистов, — говорит Геннадий Александрович, — но я был поражен, узнав, что не только сила — главное для штангиста, что здесь выигрывает тот, у кого реакция, техника лучше. И на марафонской дистанции первым к финишу приходит тот, чей стиль бега наиболее экономичен. В общем, какой вид спорта ни возьми, побеждает в нем атлет, добившийся максимальной рациональности движений. А значит — человек думающий, сумевший изучить возможности своего тела, подчинить их высокой цели.

Высокая цель открылась и для самого Богомолынова. Сначала он не думал о рекордах, просто его поразили скрытая мощь, гармония, совершенство изумительного творения природы — человеческого тела. Богомолынов зачастил в Эрмитаж, подолгу простаивая перед античными статуями, серьезно увлекся балетом. Казалось бы, как далеко все это от реальности заводского цеха! Но кто сказал, что работа слесаря, токаря не может быть столь же красивой и движения рабочих не могут быть столь же отточены, как и в балете?

От частого и порой неуместного упоминания как-то обесцветилось само выражение «красивая работа». А что это, собственно, такое? На этот вопрос и попытался ответить Богомолынов. И пришел к известному уже нам выводу: красиво — значит рационально.

Потом, много лет спустя, его пригласят на премьеру документального фильма, рассказывающего о нем. А рядом будет сидеть всемирно известная советская балерина, о которой тоже сделали фильм и показывали его в этот же вечер. И когда для зрителей настала пора задавать им вопросы, именно это суховатое утверждение Богомолынова вызовет спор. И решит его балерина своей безоговорочной поддержкой точки зрения фрезеровщика.

Но это все в будущем. А сначала была тяжелая черновая работа. С чего она началась?

— Как я уже говорил — с хронометража. Я разбил смену на 28 тысяч секунд и тщательно подсчитал, на что они тратятся. Так обнаружился первый резерв: около трех часов (!)

АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ КИРИЛЕНКО
К 75-летию со дня рождения.

Фото И. Филатова.

Л. Бродская. НАД ДНЕПРОМ.

уходило на суету — бегал «выбивать» нужный инструмент, затачивал его, получал и уточнял чертежи, ругался с мастером из-за отсутствия заданий, заготовок и т. п. Раньше относился к этому спокойно: жизнь есть жизнь, издержки неизбежны. Но когда воочию убедился, во что они обходятся, — взбунтовался. Пришлось пойти на множество конфликтов, но зато сейчас знаю свои задания на много дней вперед, соответственно заранее готовлю инструмент, оснастку. Только не подумайте, что это моя личная заслуга и именно мне создали какие-то особые, «оранжерейные» условия. Улучшение организации производства было общей целью всего коллентива цеха, и сейчас все станочники трудятся в совершенно равных условиях.

— Однако большинство все же солидно отстает от вас.

— Мало улучшить общую организацию труда, надо в первую очередь организовать себя. И для начала использовать давно и широко известные рекомендации НОТ, убеждающие, что любую работу предпочтительнее делать двумя руками; точные движения лучше выполнять сидя; в горизонтальной плоскости скорость рук быстрее, чем в вертикальной, и т. п. Их множество, подобных рекомендаций, и все проверено опытом.

Применяя эти рекомендации, тщательно продумывая все микропроцессы, снажем, при обработке пазов, удалось сократить время на обработку заготовки с 1,11 минуты по норме до 0,384 минуты. Аналогично подхожу и к любому заданию вообще: сначала раскладываю его на простейшие составляющие движения, затем смотрю, какие из них и как можно делать быстрее, а от каких и вовсе отказаться за ненужностью. Так было, в частности, с зеркальцем. Казалось бы, ерунда, а попробуйте просто так, эксперимент ради, пять тысяч раз подряд повернуть голову, уверяю, шея потом будет ныть долго.

— Экономия движений — это понятно. Но что значит «делать их быстрее»?

— Это значит внимательно изучать траекторию движения рук, всего тела, добиваясь плавности, изящества каждого жеста, стараясь, чтобы операции последовательно переходили одна в другую, чтобы ни одна мышца не подвергалась насильно-внезапным рывкам, действовала в оптимальном, экономичном режиме. Убежден, что всем станочникам надо знать анатомию так же, как математику, технологию. Это, кстати, поможет избежать некоторых явных профессиональных заболеваний. Ведь нередко бывает так: чуть заболит у человека рука, плечо, он спешит к врачу, записывается на длительные и зачастую бесполезные процедуры, врач лечит растяжение или простуду, в то время как исправлять надо осанку: пациент не сумел найти для работы оптимального положения и вот расплачивается неведомо откуда взявшейся болью. Сначала такое бывало и со мной, но сейчас, слава богу, уже лет десять к врачу не обращался — незачем.

...От 20 до 40 тысяч движений совершает за смену «среднестатистический» фрезеровщик. Богомолов научился выигрывать сотые, тысячные доли секунды на каждом. Их сумма и есть фундамент его рекордов, а ежедневное сокрушение вчерашних достижений — высшее удовольствие, которое получает он от работы.

Нередко его называют рабочим интеллигентом. А ведь так оно и есть! В утверждение этого позволю сослаться на мнение писателя Даниила Гранина, давно и хорошо знающего Геннадия Александровича. Размышляя о культуре личности, он писал:

«Жизнь одарила меня разными знакомствами с людьми высокой культуры... Геннадий Александрович Богомолов рассказывал мне о своей коллекции, о водяных знаках на марках: «В Англии было двадцать два знака, сейчас их двадцать семь, в Румынии их тридцать». Он показывал мне штемпеля на марках, рассказывал про надпечатки. Потом поведал о бумаге, какая используется на эти цели.

То были тонкости, о которых я знать не знал, хотя когда-то в детстве увлекся филателией... Филателия, да еще на таком уровне, казалась мне всегда увлечением людей интеллигентных профессий... Профессия же у него самая что ни на есть рабочая — он фрезеровщик. Он лауреат Государственной премии СССР, орденосец. Но почему-то не хочется мне употреблять слово «знаменитый». Гораздо важнее другое — он фрезеровщик талантливый.

...Разносторонняя культура его и отношение к работе, вдумчивое, любовное, дополняют друг друга. Филателия требовала знания истории, искусства, географии, также и терпения, аккуратности, систематичности. Богомолов знает много. Какое-нибудь изображение, скажем, Цезаря на марке заставляло его читать книгу о Цезаре... Он может, например, просидеть вечер в мемориальной квартире Пушкина на довольно специальном разговоре о пушкинской прозе».

Добавим, что среднюю школу Геннадий Александрович окончил экстерном, а в некоторых, наиболее заинтересовавших его дисциплинах пошел значительно дальше.

Важно отметить и следующее обстоятельство: как никто другой ценя деловую минуту, он тем не менее охотно тратит свое время на общественную деятельность. Богомолов —

член художественного совета киностудии «Ленфильм», член совета содействия экономическому и социальному развитию Петроградского района, он активист нескольких общественных организаций. Причем, в каждой из них он отнюдь не «свадебный генерал» — участник страстный, заинтересованный, ни в чем не терпящий формализма.

...Есть ли у Богомолова ученики? Вопрос, в основе которого нередко лежит сомнение: можно ли повторить в учениках такого учителя? «А зачем повторять?» — резонно спрашивает Геннадий Александрович. И решительно выступает против предложений некоторых специалистов по эргономике сделать его методику обязательной для каждого станочника: разобрав, изучив ее детально, внедрить приказом. «Толку от этого не будет», — утверждает он. — Приказ, обязаловка убьют главное — творчество. Человек должен захотеть себя переделать, ну а то, что это никогда не поздно, доступно каждому, лишней раз доказывает мой пример».

Мне кажется, что именно в этом доказательстве едва ли не основная ценность эксперимента Богомолова. Геннадий Александрович и в самом деле не выделяется какими-либо физическими или другими данными: человек как человек. Среднего роста, аккуратный, неторопливый, он тем не менее за обычные восемь часов спокойно зарабатывает примерно 700 рублей в месяц. Обеспечивая себя материально, Богомолов вместе с тем имеет достаточно времени для удовлетворения своих духовных потребностей, для любимой рыбалки, дальних лесных походов.

В своей педагогике Богомолов руководствуется древней мудростью: «Ученик — это не сосуд, который надо наполнить, а факел, который надо зажечь». Исходя из нее, он часто и увлекательно выступает в ПТУ, в Ленинградском Доме научно-технической пропаганды, ведет специальную школу — дважды в месяц отдает своим группам (по 40—50 человек) полный рабочий день, читая лекции, объясняя непосредственно у станка суть своей системы.

Безусловно, есть у него и последователи. Прежде всего на родном «Ленполиграфмаше» — коллективе необычайно творческом, умеющем и поддержать и воспитать талант. В том же цехе ярко зажглась звезда другого новатора — А. И. Ярцева, ненамного отстающего сейчас от Богомолова, азартно устремившись вслед за лидерами токаря Алексей Антоненко, шлифовщик Леонтий Шепшилей и другие. Немало писем приходит к Богомолову и из других городов. И что важно — не только от станочников. Как подтвердила жизнь, методика ленинградца равно хороша для всех специальностей, требующих тщательного ручного труда.

И все же... И все же следует признать, что широкого распространения богомоловская система еще не получила. Возможно, в силу чисто психологических причин: усовершенствовать технику изобретательством куда привычнее и проще, нежели хоть в чем-то изменить, усовершенствовать себя.

Однако уверен: путь, избранный Богомоловым, — путь, по которому пойдут многие. Ибо он продиктован самой логикой развития нашего производства, движущей силой которого были, есть и будут революционеры и мечтатели.

...Однажды, отвечая на вопрос журналиста о том, каким он видит рабочего будущего, Геннадий Александрович написал:

«Лет через пятьдесят рабочих в привычном нам понимании этого слова не будет. Рабочий станет исследователем, инженерные знания которого достигнут более высокого уровня, чем сейчас. Каждую свою идею этот специалист нового типа будет воплощать, стоя непосредственно у станка или управляя выпуском нужных ему узлов и деталей, которые станут изготавливать автоматы. Каждый из таких рабочих будет яркой индивидуальностью и в работе и в жизни. Сочетание этих индивидуальностей в коллективе позволит поднять технику и технологию на такой уровень, о котором мы сегодня не можем и мечтать».

Своим трудом, своей жизнью Геннадий Александрович доказывает, что рабочий такого типа — это реальность уже наших дней.

бережливость: разные аспекты

ЧТОБ СОХРАНИЛОСЬ КАЖДОЕ ЗЕРНО

Зерно надо беречь. От непогоды, от недобросовестных и бесхозяйственных людей, от амбарных вредителей. И... от разговоров. В страдную пору (и перед страдой и после нее) в разных инстанциях ведутся долгие, многоступенчатые разговоры о том, как избежать потерь зерна при погрузке, перевозках, разгрузке, хранении. Многие, конечно, на селе и на дорогах предпринимается, и все же нерешенные проблемы продолжают «поедать» зерно. И заслонов до сих пор нету. Хотя давно и точно известно, как и где их поставить.

Колхозы и совхозы продают урожай государству. Потом получают из государственных закромов фуражное зерно или комбикорм. Прибывают на станцию в адрес хозяйств вагоны, а из села приезжают автомашины. И начинается выгрузка. Чаще всего вручную (лопатами), иногда без мешков, прямо в кузова. Как тут не быть потерям! А других-то способов взять сыпучий груз нет. Подолгу простаивают вагоны под примитивной разгрузкой. Двое суток сверх нормы, например, 12 и 13 августа, простояли на станции Сморгонь девять вагонов с зерном кукурузы, которая поступила в адрес местного комбикормового завода. В Столбцах тоже в августе двое суток сверх нормы простояли под разгрузкой пять вагонов зерна, поступившего в адрес местного спиртзавода. А ведь вагонов в стране не хватает! И если задержали вагоны в Сморгони и в Столбцах, значит, где-то другое зерно пролежало в ожидании транспортировки больше, чем допустимо. Значит, потери.

Начальник грузовой службы Белорусской железной дороги Леонид Антонович Тимошко говорит так:

— Есть постановление, согласно которому фуражное зерно нужно разгружать только на элеваторах и хлебоприемных пунктах, потому что они оснащены специальными механизмами, и тут потери времени сокращены до минимума. Надо сделать так, чтобы адрес у прибывшего зерна был один-единственный — это значительно ускорит оборот вагонов и намного сократит потери ценнейшего продукта. А пока вся сложность в том, что предприятия и службы Министерства заготовок не хотят брать на себя дополнительную ношу, то есть не хотят принимать зерно, поступающее в адрес тех, кто не входит в систему этого министерства. Хлеб у нас один, это — народное достояние, а вот разные ведомства делают его по-разному, и только из-за этого потери не изжиты, хотя слов и бумаг горы.

Итак, одна из причин потерь известна — ведомственная разобщенность. Министерство заготовок не принимает «чужое» зерно на свои механизированные, специально оборудованные элеваторы и хлебоприемные пункты. Но ведь и колхозы, и совхозы, и предприятия Минпищепрома — все они наши, государственные.

А. ЩЕРБАКОВ, собкор «Огонька»

ДРАЧУНЫ

Михаил АЛЕКСЕЕВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

XI

Открытие новой школы было приурочено к началу учебного года. Торжества по этому случаю, которых на селе ждали с большим нетерпением, для нас, учеников, в значительной степени омрачились тем, что совпали с уходом старых учителей на пенсию. Хорошо еще, что мы узнали об этом лишь в день празднеств, а не раньше; в последнем случае вряд ли бы мы: я, Ванька Жуков, Миша Тверсков и Петенька Денисов-Утопленник — несколько ночей кряду затратили на изготовление лозунгов и плакатов, развешенных теперь внутри школы и при входе в нее, скорее всего, у нас опустились бы руки, нам не хватило бы душевного заряда для исполнения такой работы.

Иван Павлович и Мария Ивановна несли преподавательское свое бремя в захудалой сельской школе почти полвека, и уход на пенсию для них являлся вполне логичным и естественным: по непреложным и непрекращаемым «уложениям», составленным премудрым законодателем-природой на все времена, всё сущее на земле должно в свой срок уйти со сцены, освободив место свежим, неистраченным, животворящим силам. Это можно понять, но с этим нелегко примириться, человеку, во всяком случае: для него такой момент невероятно тягостен и страшно болезнен, ибо трудно, даже невозможно без душевных терзаний, без длинного до бесконечности ряда бессонных ночей вдруг осознать то, что образ жизни, усвоенный тобою на протяжении многих лет настолько, что ты не мог и помыслить о каком-либо ином, в один час должен был решительно перемениться, выбросить тебя из привычной колеи, и все, что ни есть вокруг тебя, все, во что ты верил безраздельно, все, чему ты служил и в чем полагал свое единственное призвание и видел себя не последним винтиком, все это пойдет своим порядком, но только уж без твоего деятельного участия.

День открытия школы-семилетки, которому независимо от погоды надлежало быть светлым и праздничным, и был таковым, но только не для учащихся и, конечно же, не для Ивана Павловича и его верной и постоянной напарницы по тяжелой упряжке Марьи Ивановны. Правда, их усадили за длинный, покрытый кумачовой материей стол вместе с представителем района, новым директором, местными руководителями и другими почетными гостями; они слышали в свой адрес много добрых, по большей части душевных слов, перед ними лежали Почетные грамоты и новенькие раковины наушников для слушания радиопередач, было что-то еще в коробках, перехваченных голубыми шелковыми лентами, но все это, по-видимому, не только не веселило, не приободряло стариков, но наполняло еще большей жгучей горечью; в их глазах устойчиво держалась поселившаяся еще накануне торжеств глубокая, неизбывная печаль.

Помнится, мне было боязно встречаться с этими глазами, будто по моей вине проис-

ходило все это. Минутами казалось, что так оно и есть, что пенсия — это лишь удобный предлог, чтобы отстранить Ивана Павловича и Марию Ивановну от школы, что истинная причина в другом, в том, наверное, что им припомнили наше побоище прямо перед школой, вставили в строку и бойкот, примененный учителем как мера взыскания в отношении заглавных драчунов, и рукоприкладство; ворохнулось в моей голове и больно отдалось в сердце слово «эсер», брошенное недавно Ворониным в Ивана Павловича, в чем-то провинившегося перед этим злым гением села; я видел, как вся кровь сперва кинулась в лицо старого учителя, а потом отхлынула, и лицо «помучило», сделалось похожим на только что выбеленный холст. Круглые глаза учителя вспыхнули, длинные усы задергались, но он прикусил их концы, взял себя в руки и промолчал, а теперь вот сидел рядом с тем же Ворониным, который только что отговорил свою речь и, уверенный совершенно в том, что она была самой яркой и значительной, смотрел в битком набитый зал победительно и строго.

Учеников же больше всего интересовал новый, а точнее сказать, первый директор нашей новой красавицы школы. Его представили залу сейчас же вслед за тем, как отблагодарили и отметили заслуги прежних учителей. Это был Михаил Федотович Панчехин. Вполне возможно, что уставившиеся на него своими выжидательными, настороженными глазами люди не очень-то возрадовались его пришествию: для них, очевидно, было бы лучше, ежели б директором стал Виктор Иванович Наумов, сын Ивана Павловича и Марии Ивановны, немало сделавший для оснащения школы крайне дефицитными учебными пособиями. Меня же малость примиряло с Панчехиным то, что он, как и арендатор Кауфман, внешним своим обликом удивительно напоминал возлюбленного моей душе Муратова. Такой же громадный рост, такие же орлиные глазницы, такой же громоподобный голосина, от которого дрожали стены, едва Панчехин отверзал уста. Новый директор, по моим понятиям, был воплощением власти, данной ему как от бога, то есть от самой природы, так и от районных начальников, обнаруживших в этом человеке качества, единственно необходимые для управления новым учебным заведением, которым начальники эти, судя по всему, шибко гордились — да и как было не гордиться!

Когда все из президиума выговорились и очередь дошла до директора, которому полагалось подвести черту выступающим, Михаил Федотович смущенно крикнул, отчего все в зале вздрогнуло, и неожиданно для слушателей вместо себя поднял свою жену — совсем крошечную рядом с ним, тоненькую женщину с необыкновенно большими и выразительными на болезненно-бледном лице глазами. Речь ее была непривычно складной, короткой и поэтому, наверно, хорошо запомнившейся:

— Михаил Федотович и я счастливы, что вы доверили нам этот храм. — Она широко улыбнулась, окинула ясным взглядом стены, окна, потолок зала и всех сидящих в нем и, покрывшись легким, чуть проступившим румянцем от волнения, продолжала: — Мы понимаем, что ноша не будет легкой, как не была она легкой у наших дорогих предшественников, но мы и не мыслим нести ее одни. Вы, родители и ваши дети, надеюсь, будете вместе с нами делить по ровну как школьные радости, так и огорчения, которых, подозреваю, будет не меньше. Итак, дорогие товарищи, мы очень рассчитываем на вашу помощь... и на вашу тоже! — С последними словами она подошла

сперва к Марии Ивановне, потом к Ивану Павловичу и расцеловалась с ними, к вящей нашей радости.

Тогда же мы узнали, что зовут эту маленькую женщину Надеждой Николаевной, что она будет у нас завучем, одновременно вести уроки русского языка и литературы в пятом классе, в моем, стало быть, классе. Немного позже мы поймем, что все, что касается вопросов обучения, будет держаться на ней, и только на ней одной. Ну, а что Михаил Федотович? Так же скоро нам стало ясно, что учитель из него (он вел историю), как бы сказать поосторожней, не бог весть какой, может быть, даже никакой не учитель, но по административной линии едва ли сыщется ему равный хоть в районе, хоть во всем крае. В первые же дни занятий мы обнаружили в Панчехине еще одно достоинство: необыкновенно и счастливо дополнявшее то, о котором только что сказано. Но о нем — чуть ниже.

Фамилия Надежды Николаевны была Чижинькова, и это меня удивило: жена Панчехина, она и сама должна быть Панчехиной, так вроде бы полагалось. На мой вопрос, почему учительница не взяла фамилию мужа, отец мой ответил как-то неуверенно:

— Кто ж ее знает, сынок. По закону человек имеет право взять себе любую фамилию.

Такое не укладывалось в моей голове. Видя, что я мало удовлетворен папаниным ответом, на помощь ко мне поспешил заглянувший к нам по какому-то делу Федот Михайлович Ефремов, доморощенный наш философ. Сооружая «козью ножку», сляпывая языком краешки газетной бумаги, чтобы залепить «золотую жилку», он выложил без малейших колебаний:

— Эт, Михайла, она с умыслом. Хитрая, видать, баба, предусмотрительная. Бросит она энтова Чехина... иль как там его?.. Вот увидите, убежит, и как была при родительским фамилием, так при нем и останется. Ить она, сердешная, при таком верзиле сущий ребенок, дитя малое. Мыслимо ли, што б он... она то есть... — вспомнив, что он говорит все это мальчишке, Федот не довел своей мысли до конца, оборвал речь у опасного порога — вернулся поскорее к тому, с чего начал: — Чохин — у, черт, никак не вспомню, как его там!.. — не ноне, так завтра окажется вдовцом при живой жене — это как пить дать! Начхать ей на него!

Федот ошибся. Панчехин и Чижинькова были образцовыми супругами. «Сущий ребенок», как окрестил самонадеянный мужик Надежду Николаевну, прямо на глазах учеников начал преображаться. Глубокие большие глаза сделались еще выразительнее и глубже и все чаще обращались не на нас, а куда-то в себя. Были моменты, когда учительница останавливалась посреди класса, в проходе между партами, растерянная, к чему-то прислушивалась и быстро уходила за дверь, оставив нас в крайнем недоумении. Потом возвращалась, смущенно улыбаясь, сияющая, со следами слез на щеках и ресницах; щеки ее в такие минуты покрывались красными пятнами, и требовалось какое-то время, чтобы учительница оправилась от волнения и спокойно продолжила урок. Месяца через полтора она вовсе перестала появляться в классе, находилась в мало понятном нам «декретном отпуску», длившемся ползими; потом мы услышали в директорской жилой половине ребеночий писк, а немного спустя увидели в руках Катьки Лесновой, приладившейся нырять в эту самую половину, живого кукленка, таравившего на нас из-под отороченного кисей шлычка черные бусинки чрезвычайно

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—35.

любопытных глазенок. С той поры во время перемен ученицы старшего класса нянчили и тутушкили директорского мальпша, появившегося у него почему-то поздно: Михаилу Федотовичу и Надежде Николаевне было за тридцать.

Сама Надежда Николаевна, стесняясь учеников, лишь изредка выходила в зал из своих жилых комнат, находящихся в одном из отсеков школы, сооруженной Муратовым на вырост, рассчитанной даже не на семь, а на десять классов, так что несколько комнат пустовало, чем и воспользовалась семья директора, поселившись под одной крышей с учебными помещениями.

А за несколько дней до занятий Михаил Федотович осуществил операцию, в результате которой вся школа вырядилась изнут-

ри в весенне-летние, ликующие зеленые цвета из огромных фикусов в кадках и из множества других декоративных растений, помещенных в разного размера глиняных горшках, деревянных ящиках, кошелках, корзинках, сплетенных из ивовых прутьев и липового лыка. Фикусы и другая растительность, называемые в нашем селе единым словом «цветы», еще совсем недавно принадлежали домам раскулаченных и затем растащены по своим избам теми, которые по этой причине не покинули родных гнездовий. Идею собрать «цветы» подобрал директору Петр Ксенофонович Одинок, по-прежнему исполнявший на селе две должности: учителя по труду в школе и фининспектора от райфо. По служебной не-

обходимости Петр Ксенофонович чуть ли не всякий день наведывался во все избы села и потому отлично знал, кто погрел руки возле очагов репрессированных, кто не остановился перед тем, чтобы с разной утварью не утащить к себе и фикус или другой какой-нибудь цветок, которым обычно облагораживает свое жилье селянин. Изучив хорошенько список, положенный перед его глазами Одинок, Панчехин собрал в учительской ребят из пятого класса и поставил перед ними боевую задачу: в один день обойти все село, отобрать награбленное и доставить в школу.

К вечеру приказание было исполнено — цветы оказались в школе. Бойцы при осуществлении операции понесли лишь незначительные потери. Янька Рубцов и Минька Архипов, например, получивши в каком-то доме по сочной затрещине, немедленно покинули поле боя и убежали домой; я и Ванька Жуков (нам досталась изба Катьки Дубовки) отделались тем, что наслушались от разъяренной бабы таких словосочетаний, каких отродясь не слыхивали да уж, видно, никогда и не услышим более; бранясь, Катерина напирала на то, что фикус она забрала в доме Якова Крутякова на законном основании, что всю свою молодую жизнь батрачила на него, схлопотала даже грыжу, возясь с его скотиной, но мы не внимали ее доводам, потому что должны были выполнить приказ; хорошо, что рук своих Дубовка не пускала в дело, не то нам пришлось бы совсем худо. Кряхтя и пытая, мы вынесли из ее хижины довольно-таки увесистую кадку с фикусом на улицу и погрузили в ожидавшую нас телегу (в рождественскую ночь, обходя дворы и славя Христа, мы и сами видели этот фикус в избе Якова Крутякова); у Катьки Лесновой, не пожелавшей отставать от нас, мальчишек, какая-то злая тетка вырвала клочок волос и ободрала ногтями щеку, но и Леснова не дрогнула, не отступилась — схватила с подоконника чугунок с буйно цветущей геранью и притащила его в школу, водрузив в своем классе (кстати сказать, единственном, который выходил окнами на церковную площадь. Теперь только, когда школа открылась, стало очевидным, что тревоги атеистов-безбожников были напрасными: на площади оставались лишь фундамент от церкви да обнесенная оградкой могила попадьи, сама же церковь была нынешним летом разобрана, перевезена в Баланду, где из нее и из нескольких других церквей, разделивших участь нашей, возвели первый в районе кинотеатр); на Гриньке Музыкине оказалась разодранной рубаха, на Мише Тверском — штаны.

Вот этим и ограничивались потери, которые, конечно же, не шли ни в какое сравнение с приобретением: кадки с фикусами — а их набралось до десятка, — поставленные вдоль стен по всему залу¹, необыкновенно украсили его, оказали даже дисциплинирующее воздействие на учеников, которые в первые дни занятий боялись устраивать «кучу малу» во время перемен. Впрочем, такое продолжалось недолго. Через какую-нибудь неделю перемены, малые и большие, вернули себе прежние права, «кучи малы» воздвигались посреди зала едва ли не до самого потолка, длинный коридор позволял затевать даже чехарду и другие шумные игры; фикусы успели уже потерять по несколько ветвей и с ними заодно еще большее количество тяжелых своих, лоснящихся листьев, — в конце концов они были унесены в учительскую и в жилые комнаты директора.

Первый же урок, проведенный Михаилом Федотовичем в пятом классе, приоткрыл завесу над тем, почему в торжественный день директор отказался от выступления: Панчехин страшнейшим образом заикался, разговаривал с учениками как-то нараспев, мучительно краснея и обливаясь потом, будто подымал невероятную тяжесть. По этой причине он не читал лекций, а едва войдя в

¹ Длинный коридор, в котором проходили как школьные, так и иные собрания, потому и назывался залом.

класс и поздоровавшись, велел нам открыть учебник по истории и отметить страницы, которые мы должны были прочесть дома, а на следующем уроке рассказать о прочитанном. Такое положение вещей как нельзя лучше устраивало нас, поскольку кому-то из Наркомата народного образования пришла дичайшая мысль ввести во всех школах групповой метод обучения, по которому класс разбивался на две-три группы во главе со старшим — им обычно назначался самый способный ученик, — он-то и готовил все уроки; оценка, полученная «бригадой», распространялась на всю группу. Я, например, был под началом у моего двоюродного племянника Кольки Маслова, мальчишки одинаково шустрого как в учебе, так и в озорстве; лишь по странной случайности малый этот был в стороне от драчунов: видно, строгий батя держал сына в ежовых рукавицах. Теперь треть класса пребывала в полной зависимости от Кольки: не угоди ему как-нибудь — не подготовится Колька к занятиям, и вся группа получит «неуд». Такого, однако, ни разу не случилось: чернявенький этот хлопец не подвел нас. Может быть, потому, что был очень самолюбив, может быть, и потому, что кто-то в столице спохватился, понял, что «групповой метод» едва ли сделает Республику Советов страной сплошной грамотности, и отменил его где-то на рубеже последней четверти, к немалому огорчению учеников, которым так хорошо и вольготно жилось за спиной успевающего товарища.

На домашнее задание у Михаила Федотовича уходило не более пяти минут, а остальное время мы разучивали новые революционные песни, благо класс находился на отшибе и наши репетиции не мешали другим. Сам Панчехин, перестав заикаться (потому-то и разговаривал нараспев), давил на наши уши, на стены, на окна, на потолок, на трепетавшую в страхе господнем герань своей рыкающей октавой, а ломкие ребячьи и девчоночьи голосишки сперва неуверенно, робко карабкались по ней, а осмелев, вились вокруг нее повилкой, прибавляя и прибавляя нам духу. В конце первого же часа, на три четверти отданного песни, выявились солисты. Из ребят это был Гринька Музыкин, из девчонок — Шура Одиноква, она же Щука. На другой день Гринька был поставлен Михаилом Федотовичем рядом с собою. Панчехин прорычал:

— Д..д...давай, Гррриш-ш-ша, з..з..запевай!

Синежилое лицо Гриньки напряглось, вытянулось как-то, рацы, выпуклые, наглазые его глаза выдвинулись из орбит еще больше, увлажнились, но солист молчал — лишь губы, опаленные внутренним зноем от сильного волнения, беззвучно, беспомощно шевелились. Гринька явно нуждался в подмоге. Поняв это, Михаил Федотович громыхнул:

Слезам залит мир безбрежный...

Гринька подхватил звонким, прерывающимся, смахивающим от этой перебивки на козлячий тенорком. На тонкой шее напряжились, задрожали, завибрировали, подобно струнам на балалайке, синие жилы, и казалось, что они вот-вот оборвутся и из них брызнет освобожденная кровь. Припев, который схватывался одновременно всем классом, потому что особенно нам нравился, предоставлял юному солисту небольшой передых. Мы же давали полную волю и своим голосовым связкам и легким:

Лейся вдаль, наш напев,

Мчись кругом!

Над миром наше знамя ре-е-ет,—

тут, чтобы вынести вверх, поднять следующую строку, наших силенок не хватало, но им сейчас же приходил на помощь державшийся всегда на подхвате панчехинский басина:

Оно горит и ярко рдеет,

То наша кровь го-о-орит огнем,—

получивши мощную поддержку, мы подымали последнюю строку до невозможной высоты:

То кровь рабочего на нем!

Охваченные уже и сами этим огнем, нагретые им чуть ли не до кипения, мы не замечали, как за большими окнами нашего класса, на улице, собиралась толпа мужиков, баб и девчат, заскучавших, похоже, оттого, что церковь порушена и что не было теперь спевки при ней, собиравших все лучшие голоса, какие только были на селе. В толпе выделялась высоченная фигура Федора Яжонкова, и ростом, и обликом и, главное, голосом смахивающего на своего знаменитого тезку и тоже волгара. Федор вместе со своим отцом, теперь уж стариком, пели на крыльцах, когда люди всем селом собирались послушать именно их да еще Марию Сквиорцову, одаренную природой совершенно дивным голосом: для большинства моих односельчан церковь была не чем иным, как сельской оперой, хотя сами они и не осознавали этого. Стоило только из широко разверстых уст отца и сына Яжонковых вырваться «Волною морскою», прихожане замирали в счастливом страхе, цепенели, чувствуя озноб во всем теле; в такую минуту им казалось, что за спиною вырастают крылья, как у тех вон ангелов, нарисованных на высоченном потолке голубую с позолотой краскою, что и сами они того и гляди оторвутся от пола и вознесутся в поднебесье прямо к тем ангелам и херувимам; у многих на глазах появлялись слезы умиления, исторгнутые чудным песнопением.

Теперь, когда в четвертый раз (для закрепления в нашей памяти) Панчехин затянул «Слезам залит мир безбрежный», с улицы навстречу его голосу плеснул медно-звучный бас Федора Яжонкова: «Лейся вдаль, наш напев, мчись кругом-о-ом». Мария Сквиорцова, певшая всегда на крыльцах вместе с Яжонковыми, и сейчас оказалась рядом с Федором. И ее соловьиное, серебряное горлышко не удержалось, затрепетало, задрожало; сладкие, трогательные звуки полились к нам:

Над миром наше знамя реет,
Оно горит и ярко рдеет,—

окна испуганно зароптали, задрожали, когда мы опять всем классом, опершись на надежный фундамент директорского всемогущего баса, подхватили:

То наша кровь горит огнем,
То кровь рабочего на нем!

Отдельные ребячьи голоса были потоплены в общем хоре. Лишь Гринькин как-то еще прорывался наружу, — так прорывается струйка живого родничка над ровным, катящимся в одном направлении потоком, да гудели, словно стопудовые колокола, басы Панчехина и Яжонкова, да вился ласточкою вокруг них высокий до беспредельности, небесный голос Марии Сквиорцовой.

На следующем уроке истории с таким же воодушевлением мы разучили песню про паровоз, который летит вперед и остановится лишь в коммуне; потом — про Щорса, про его отряд, про то, как был ранен красный командир и как его несли на руках бойцы; а затем, наскоро отметив в учебнике задание на дом, Михаил Федотович, явно довольный, что избавился от необходимого, но в общем-то скучного для него дела, сразу же взревел:

Мы красная ка-ва-ле-рия,

И про нас

Былинники речисты-и-и

Ведут рассказ...

И эта песня страшно понравилась, и она вместе с другими была вынесена на улицу и покатила из конца в конец, будоража моих земляков. А Панчехин был неистощим, это был уже не человек для нас, а песенник в обличье человеческого. «Сотня юных бойцов из буденновских войск» тоже была услышана от него, как и множество других песен, послуживших нам впоследствии среди всего прочего и напутствием и благословением перед тяжелой дорогой, заготовленной для нас, родившихся на рубеже великой революции и сразу же вслед за нею, новейшей историей.

Что же касается историй древней и средней, то и о них мы узнали самое необходимое из учебников, которым беззаветно доверял и перепоручил нас, своих воспитанников, Михаил Федотович Панчехин.

XII

Зима не поскупилась на снега и морозы, быстро накинута на село горностаеву шубу; в одну неделю все переменяла до неузнаваемости. Соломенные крыши изб, вчера еще бурые, неряшливые, растрепанные, непричесанные, издырявленные воробьиными гнездами и кошачьими норами, сейчас выглядели округло-гладенькими, покатыми, похожими на большие сахарные головы настолько, что их хотелось лизнуть. В безветрие дымы, подымавшиеся из труб по утрам и вечерам, бросали на них синие тени и, как бы не желая расставаться с человеческим жильем, медлительно подымались вверх, курчавились там и, соединившись, напоминали верхушки только что распустившихся деревьев в лесу. Белыми были и хребтины коров, овец, других животных, выпущенных из хлевов на средину двора к привезенным на дровнях кормам — соломе и мякине, такими же были бороды даже у молодых мужиков, вышедших за порог дома. Сгладились неровности на проселочных и лесных дорогах, кочки и выбоины сперва смерзлись, а потом утопились в снегу и не мешали скольжению полозьев.

Но это в тихую погоду. А когда сорвавшийся с Гаевской или Чаадаевской горы презлющий северный или северо-восточный ветер подымет снега от земли и закружит их над крышами домов, амбаров, хлевов и сараев, дымы, не находя места, мечутся над трубой и вокруг нее, свиваются в жгуты, устремляются вниз и носятся вместе со снежной заматью по двору, точно бабы-яги на своих метлах. Беда, ежели кто окажется в такую непогоду где-то на степной дороге: непременно сообразится с пути, заблудится и в один час покроется белым саваном вместе с лошастью и всей упряжкой (редкая зима обходилась без этого), разве лишь часть дуги останется снаружи и укажет разыскивающим место гибели несчастного путника и его коня.

В прежние зимы, когда подымется метель, во всех церквях звонили колокола, они были вроде маяков, указывавших людям дорогу до ближайших селений. Иван Морозов, бывало, не покидал своего поста на колокольне целыми сутками, посылая во все четыре стороны в равные промежутки времени благовестимый голос самого большого колокола.

Теперь же село безмолвствовало, вьюга бесновалась, завывала в трубах, свистела в расщелинах ставен, в дырявых плетнях, заборах и воротах, распевала на все лады в узких проулках, а в полях хозяйничала так, что закручивала снега в огромные вихри, унося их в заоблачные выси; ни дорог, ни оврагов, ни овинов и копен, ни кустика степного — ничего не увидишь, кроме слепящего мельтешения жестких белых снежинок, застилавших все и вся перед твоими как бы задернувшимися вдруг бельмом глазами; что ночь, что день — один черт, все равно ничегошеньки не увидишь.

В такую-то гиблую пору дядя Иван лежал на печи, беспокойно ворочался, кричал, вздыхал и, не имея возможности что-либо предпринять, бормотал про себя: «Вот разыгралась, шалава! Свету вольного не видать. А ить кто-нибудь счас в дороге, в поле, — каково там человеку!» Может быть, в эту минуту здорово икалось братьям Кириллу и Алексею Зубановым из Панчиревки, верховодившим недавно во время снятия колоколов: немалое количество чертей командировал к ним сильно огневавшийся звонарь. Дай им волю, рассуждал сам с собою дядя Иван, они не то што колокола, они и голову с тебя стащут, у них рука не дрогнет, и куды только власть глядят! Натворят эти рассукины сыны таких делов, что потом век будешь разбираться — не разберешься!..

Продолжение следует.

ПОЛЯРНЫЙ ПРОМЕТЕЙ

Юван ШЕСТАЛОВ

НАШ ОГОНЬ

В звездном звоне ликованием
Рассыпаются зарницы,
Это Севера сиянием
Наше небо золотится.
Это Севера сияние,
Это наших дум боренье,
По таежной глухомани
Скачут красные олени.
И над хмурой тайгой
Поднял мой народ навеки
Бесконечно дорогое —
Жажу песни в человеке.
Наш огонь,
Богатство наше,
Наших древних песен пламя,
Вот оно, сверкая, пляшет
Над лесами,
Над горами...
Все уйдем мы. Но куда
Север наш стоит могучий,
Будет пламенное чудо
Прожигать немые тучи.
Это чудо мы подарим
Тем, кто станет доброй вестью,
Тем, кто будет благодарен
Нашей памяти за песню.
Пусть он чуткими губами
Прикоснется к полной чаше,

Мы подарим нашу память,
Наше солнце,
Сердце наше...

Если в жизни встретишь друга —
засияет в сердце свет,
словно ты, в тайге блуждая,
вдруг увидел верный след.

Стихнет ветер, солнце встанет,
будет радостней идти,
если встретишь человека
настоящего в пути.

Если в жизни друга встретишь —
засияет в жизни свет,
потому что лучше друга
ничего на свете нет.

На большой Земле пусть каждый
друга сможет обрести,
человечеству к победам
будет радостней идти!

Перевел с манси
В. ШОШИН.

Женщина, женщина! Думаю я о тебе.

С чем я сравню тебя?
Может быть, с полной луною?
Думаю я, о, как мало воспета ты мною,

Женщина, женщина!
Ты ведь светильник в судьбе.
Ночью полярной мороз обжигает и мрак,
Ночью полярной луна — настоящий светильник

Для запоздавших в пути.
В мраке ночи могильной
Эта луна — как надежда,
как радостный знак.

Девочка! Словно светильник
родителям ты.
Вот над снегами застывшими вновь
серебрится,

Снова сверкает луна.
Будто сказок страницы,
Тундра открыла
простор неземной красоты.

Женщина, в зрелые годы
твой свет еще ярче

Путь озаряет,
И взгляд твой горит еще жарче.

Женщина, женщина! Думаю я о тебе,
Ты и седая, усталая, в старости — светишь.
Ты для родных — негасимая радость на свете,
Ты как светильник в пути — и в труде, и в судьбе.

Перевела с манси
Н. КАРПОВА.

Он идет, полярный Прометей,
По снегам, по топям, и по льдам,
И по стуже, жгущей до костей,
И по ночи черным погребам.

Меховая куртка и унты
Крепки у добытчика огня.
Звезды он срывает с высоты,
Каскою о небосвод звеня.

Буровые двинулись вперед —
То стальные ноги у него.
Каждый нефтяной трубопровод —
Руки необъятные его.

Слышишь, как шагает Прометей,
Как шаги железные гремят?
Искры у него из-под бровей
Над промерзшей тундрой летят!

Волнами расходится кругом
Свет в полярной ненасытной мгле,
Согревая каждый-каждый дом,
Все живое на Большой земле.

Говорят, уже однажды нес
Этот славный вечный Прометей
Пламя, что до самых поднял звезд
Он рукой могучею своей.

Говорят, Вселенная тогда
Вздрогнула, свершая вечный круг:
Пламя Прометея, как звезда,
Рядом с Солнцем засияло вдруг.

Он пылал, как сердце, тот огонь,
Извлеченный из крошечной мглы,

И, боясь приблизиться,
Лишь стон
Издавали черные орлы.

Он сжигал неверие людей
В торжество величья своего!
Вот идет полярный Прометей,
И вокруг — сиянье
От него!

ПЕСНЯ ОЛЕНОВОДА

Еще до того, как проснется заря
И звездное стадо утонет в рассвете,
Я, выйдя из чума, скажу:
«Ой-ра-ра!» —
И тундра, как эхо, мне сразу ответит.
Собака протягивает мне:
«Ав-ав-ав»,

А лыжи мои проскрипят:
«Сив-сив-сива»,
И снегом пахнет, словно запахом трав,
И тундра проснется и глянет счастливо.

Олени свой ягель в снегу теребят
И весело так головою мотают,
Что сыплется с белых рогов звездопад,
Когда они синее небо бодают.

Снега мне: «Хор-хор», ну, а тундра: «Щор-щор».
И видно, как дышат морозно олени,
И светит поземка, как белый костер,
И важенкам дым обжигает колени.

Я с тысячей снежных оленей пою
Огромную песню — и где бы я ни был,
Я счастлив, что слушают песню мою
И ветер, и тундра, и звездное небо.

Перевел с манси А. АКВИЛЕВ.

ДЕТЕКТИВ БЕЗ ДЕТЕКТИВА

Сюжет повести «Кража» Владимира Чванова, много лет проработавшего в уголовном розыске, несложен. В квартире портного совершена кража. Кое-что преступники унесли, кое-что испортили и скрылись, не оставив следов. Но отсутствие следов — это тоже следы, говорит один из героев повести. Начинается расследование, в поле зрения автора, в

Владимир Чванов. Кража. М., «Молодая гвардия», 1981, 144 стр.

поле зрения читателя попадают все новые и новые люди со своими судьбами, бедами, надеждами. Но вот нечто удивительное — преступниками оказываются не те, кого ищет капитан Солдатов. Более того, виновных хочется по-человечески пожалеть. Нет-нет, автор не оправдывает их, не пытается вызвать в читателе сочувствие к их непутевой воровской жизни. Дело в другом. Владимир Чванов не осуждает их огульно, раз и навсегда, не стремится заклеить их посылками, пометками. Каждый раз в судьбе того или иного героя обнаруживается нечто такое, что действительно заслуживает сочувствия. Вот, например, какие слова говорит Солдатов задержанному преступнику, вина которого доказана и которого ждут в недалеком будущем суд, осуждение, колония: «— А вам не приходило в голову, Шахов, что больше всего вы крали у самого себя? Сначала три года, потом пять, и сейчас новый срок... Вам сколько сейчас? Тридцать шесть?.. Какие же деньги, вещи, кошелек сравняются с годами собственной жизни? Старая истина, Шахов, преступления себя не оккупают. Неужели не понятно?». Кстати, мотив кражи проходит

через всю повесть — от ее названия до последней страницы, и чаще всего речь идет не о краже денег или какого другого добра. Крадут у самих себя годы (как в случае с Шаховым), ослепленные эгоизмом, крадут счастье у близких, а то и попросту отказывают близким в праве на свое собственное, личное счастье — такие вот кражи куда больнее и необратимее, нежели разбитая ваза или переплавленное кому-то на зубные коронки обручальное колечко.

Читая повесть «Кража», невольно сопоставляешь ее героев с людьми, которых знаешь, которых понимал давно или понял только сейчас и суть поступков которых вдруг неожиданно раскрылась перед тобой. Читаешь, и тот ореол значительности, недоступности, скрывавший ранее от тебя недалекость, корыстливость этих людей, исчезает, и ты видишь, как не прочь они поживиться чьим-то временем, чьими-то надеждами, использовать чью-то слабость.

В этом, думается, заложен нравственный заряд повести Владимира Чванова, в этом ее воспитательное значение.

Заканчивается повесть эпизодом, в котором к начальнику уголовного розыска приходит близкий Шахову человек — красавица с коротенькими цепкими пальчиками — и топчет, топчет Шахова, увеличивая срок, который ему

придется отбывать, на годы и годы. И все ради того, чтобы вернуть ей кое-какие вещицы, в которых она видит смысл своего существования. Именно существование. Ничего не попишешь, для вора Шахова краденое барахло было менее важно, чем любовь. А для его бывшей подруги Шахов служил лишь инструментом, с помощью которого она могла себе это барахло добывать. Случается и так...

«Рассказ Медвецкой удручал Солдатова. Он почувствовал глущую тоску: ему было жаль Шахова. Он слушал ее, изредка кивая головой как бы в знак понимания, а сам думал о Шахове, о его нескладной, горькой жизни, которую он после освобождения из колонии полностью отдал вот этой женщине, сидящей сейчас перед ним. Не в том ли причина преступлений Шахова, что вовремя не получил помощи от единственно близкого человека...»

Этим вот словами автора, может быть, несколько назидательными, хочется и закончить. Думаю, прямота эта закономерна, поскольку за ней стоит не привыкшийся литературный прием, а глубокое знание автором тех своеобразных людей, о которых он пишет. В этом ценность для нас книги Владимира Чванова.

В. ПРОНИН

«ТЫ БУДЕШЬ ВЕКОМ СЧ

Станислав ЛЕСНЕВСКИЙ

В Отчете ЦК КПСС XXVI съезду партии высоко оцениваются заслуги советского искусства в том, что «духовная жизнь советского общества становится все более многообразной и богатой», и отмечается, что «в советском искусстве поднимается новая приливная волна. В последние годы — причем во всех республиках — появилось немало талантливых произведений. Это относится к литературе и театру, кино и музыке, живописи и скульптуре».

Мы вправе отнести эти слова и к советской поэзии, в которой во всех республиках активно и плодотворно работают «хорошие и разные» талантливые мастера нескольких поколений — от славных ветеранов до молодых поэтов, родившихся через десятилетие после Победы.

Заседание комиссии VII съезда писателей СССР, посвященное теме «Поэзия 70-х годов: социальный, нравственный и воспитательный пафос», известный советский поэт Сергей Наровчатов открыл вступительным словом, в котором сказал об определяющем, ведущем значении традиций Владимира Маяковского: «Он первый преобразовал русскую поэзию в советскую, первый возвысил советскую поэзию до вершин мировой. На весь земной шар прокатился его рокошущий бас, славящий отечество Ленина и Октября».

Поэтическое новаторство Владимира Маяковского нередко противопоставляется классичности, традиционализму. Но разве не являлись новаторами Александр Блок и Сергей Есенин? Великие зачинатели советской поэзии — сыны дерзкой эпохи; они мечтали о небывалом и творили небывалое, а потому достойно продолжили традиции классиков русской поэзии. Взаимосвязи поэтических традиций неизмеримо шире обычных представлений.

Традиции Маяковского основаны и подхвачены не маленькой группой формально близких друг другу поэтов. Нет, это могучая волна революционной энергии, которая подняла и вдохновила зачинателей многонациональной советской поэзии. И среди них — Павло Тычина и Михась Чарот, Галaktion Табидзе и Егеше Чаренц, Александр Чак и Лев Квитко, Сайфи Кудаш и Али Шогенцуков, Хамза Хаким-заде Ниязи и Сакен Сейфуллин, Сулейман Рустам и Виктор Савин, Мишии Сеспель и Хади Такташ, Гамзат Цадаса и Платон Ойунский. Сегодня нам нельзя не вспомнить с благодарностью тех, кто первыми на разных языках воспеи «державный шаг» победившего народа.

Вглядываясь в процесс развития советской поэзии, можно прийти к выводу, что в ней постоянно взаимодействуют классические традиции, коренящиеся в истоках национальных литератур, в основном «золотом фонде» поэтической культуры каждого народа, и мощные импульсы обновления арсенала поэзии, поднявшиеся в на-

чале нашего века, в преддверии революции и особенно в эпоху Октября. Такую закономерность можно проследить и на судьбах отдельных поэтов. Разумеется, этот процесс взаимодействия традиций и новаторства, классики и обновления протекает всякий раз индивидуально, неповторимо. И все же определенная закономерность есть.

Александр Блок, Владимир Маяковский и Сергей Есенин определили главные стилистические направления русской советской поэзии.

«Проблема национальной поэзии», — сказал на VII съезде писателей СССР Сергей Наровчатов, — тесно связана с именем Сергея Есенина. Если великий Александр Блок знаменует для нас своими «Двенадцатью» переход русской классической поэзии в классическую советскую, а Владимир Маяковский, объединив в своих стихах восславление мира, труда и дружбы народов, торжественно утвердил становление советской поэзии, дав выход трем ее главным потокам, — Сергей Есенин обозначает собой Советскую Русь. Великий Октябрь настолько сблизил народы нашей Отчизны, что для всего Советского Союза стали близкими украинец Владимир Сосюра, белорус Петрусь Бровка, армянин Егеше Чаренц, грузин Тициан Табидзе, узбек Хамза Хаким-заде, казах Сакен Сейфуллин. Но даже среди этих великих творцов стиха трудно назвать поэта, который заслужил бы такую всеобщую любовь, как Сергей Есенин. Перед другими поэтами преклоняются, венчают избранными венцами, учатся у них мудрой науке жизни. А его именно любят — нежно, самозабвенно, без оглядки... Сергей Есенин трижды велик тем и там, где он воспевае Русь Советскую».

В свое время Александр Твардовский (в статье «Поэзия Михаила Исаковского») цитировал статью Марины Цветаевой «Эпос и лирика современной России», где говорилось, что «блоковский-есенинское место до сих пор в России «вакантно». Певучее начало России, расстроенное по небольшим и недогловечным ручейкам, должно обрести единое русло, единое горло».

Значение «блоковский-есенинского» начала в русской советской поэзии шестидесятых — семидесятых годов неизменно возрастало, как и влияние классических традиций, завещанных минувшим веком. В то же время «маяковский» начало оставалось глубочайшей основой гражданственности нашей поэзии. И в этом смысле «блоковский», «маяковский» и «есенинский» оказываются внутренне родственными революционными истоками советской поэзии.

Наше общество вступило в эпоху развитого социализма — со стремительной научно-технической революцией, массовым ростом гражданской и патриотической активности народа, громадным качественным усложнением и количественным расширением культурной жизни, всеобщим подъемом личного самосознания. Это общество, в котором искусство, литература, поэзия становятся достоянием миллионов. Велико значение поэзии в том, что называют воспитанием чувств. Эмоциональное доверие народа к слову поэзии обеспечено трудами ее истинных мастеров. Советская поэзия — страстная хранительница народной памяти и народных идеалов в современном мире, подверженном непрерывным из-

менениям и тревоге за будущее человечества.

Мы ни на минуту не забываем о международной атмосфере, в которой советская поэзия выступает перед всем миром как вдохновенный полпред миролюбивой миссии социализма. Семидесятые годы принесли людям надежды на мир. Но в эти же годы небо вновь стали затягивать тучи военной опасности. Испытанию подвергаются и способности человечества защитить жизнь на земле, и тысячелетние ценности гуманизма, и главное условие существования культуры — природа. Таков единый узел проблем современности. Поэзия откликается на эти проблемы не только тематически, но и структурно, всем своим строем, «музыкой».

И в стремлении отстоять жизнь, добро, человечность, воплотить и утвердить духовный мир героя нашего времени, действующего в эпоху необычайно сложную и вместе грандиозную, советская поэзия опирается на непреходящие основы народной нравственности, революционного подвижничества, коммунистических идеалов.

Советская поэзия семидесятых годов, продолжая сделанное в минувшие славные десятилетия, развивалась под знаком разностороннего наследования исторических традиций, духовной культуры многонационального советского народа. Здесь и углубление в национальные самобытные истоки поэзии, и возвращение к классическим традициям творчества, и обновление фольклорных мотивов, и пристальное изучение опыта народа — опыта трудового, ратного, нравственного.

Происходит это в каждой из национальных литератур своеобразно. Но основная тенденция совпадает: волны, идущие от традиций, встречаются и взаимодействуют с импульсами современности. Вместе с устремлением в глубины культурно-исторической памяти поэтический язык отзывается на магнитное поле социальной жизни эпохи.

Так, например, в латышской поэзии этот процесс связан с подъемом интереса к народным стихам — дайнам, которые собирал фольклорист и астроном Кришьян Барон. Великая поэзия Яниса Райниса опирается на дайны. Один из современных латышских поэтов и знаток дайн Янис Петерс, пишет: «И кого бы мы ныне ни назвали из наших поэтов — Мирдзу Кемпе, Арvida Скалбе, Ояра Вацетиса, Иманта Зиедониса, Визму Белшевиц, Мариса Чаклайса, Иманта Аузиня, Витаута Людена, Мару Мисиню, — в творчестве каждого из них ощущаются дыхание дайн, ее лаконичность, ее этика и эстетика...» Но все дело в том, что перед нами не архаисты и не стилизаторы, а современные поэты социалистической Латвии, советские поэты, живущие одной жизнью со всеми народами нашей страны, мыслящие на уровне мировой культуры и мировых проб-

лем. И вот это сочетание создало латышскую советскую поэзию.

В свое время Самед Вургун совершил подлинный переворот в азербайджанской советской поэзии, вырвав ее из тисков средневековой архаики и приобщив к страстям и думам социалистического XX века. Сегодня мы видим здесь повышенное тяготение к национальной классике, традиционным поэтическим средствам, но это происходит одновременно с распространением свободного стиха, интеллектуальным насыщением поэзии, стилистическими поисками. Сулейман Рустам и Мирварид Дильбазы, О. Сарывелли и Нигяр Рафибейли, Джабир Новруз и Фикрет Годжа, Гусейн Гусейнзаде и Бахтияр Вагабзаде, другие талантливые мастера создавали и создают современную азербайджанскую поэзию, гибкую и многообразную в индивидуальных воплощениях, масштабную по гуманистической проблематике, активно гражданственную.

Русская советская поэзия шестидесятых — семидесятых годов пережила, условно говоря, две поэтические волны. Первую из них критики окрестили «громкой», или «эстрадной», и связали главным образом с именами Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Роберта Рождественского. Вторая волна была названа, как известно, «тихой», и противопоставлялась «громкой». «Звучат все громче тихие стихи...» — сказал тогда Леонид Завальнюк.

Недавно критик Вадим Кожин составил интересную антологию (вышла в издательстве «Детская литература»), которая знакомит читателей с лучшими стихами двенадцати поэтов: Алексея Прасолова, Николая Рубцова, Владимира Соколова, Анатолия Передереева, Станислава Куняева, Глеба Горбовского, Анатолия Жигулина, Алексея Решетова, Олега Чухонцева, Василия Казанцева, Юрия Кузнецова, Эдуарда Балашова. Большинство этих талантливых поэтов как раз и причислялось к «тихим», во всяком случае, все они противопоставлялись «громкому», «эстрадному» направлению поэзии (критик Инна Ростовцева тонко заметила, что сборник познакомил нас с незримым диалогом поэтов).

Не станем бранить случайные термины за неточность и неясность — присмотримся к существу дела. Поэтическая волна, именуемая «громкой», связывалась в критике с традициями Маяковского, новаторской поэзией двадцатых годов. Но ведь ни Маяковский, ни продолжатели его традиций, если вдуматься, если вчитаться, не чужды русской поэтической классике — Державину, Жуковскому, Пушкину, Бородинскому, Лермонтову, Некрасову, Тютчеву, Фету, Блоку... Только здесь не все на поверхности. А «тихая» поэзия, если в нее вслушаться и вчитаться, вовсе не так тиха, напротив, драматична и страстна. Конечно, мы говорим о подлинных поэтах, а не об эпигонах.

Николай Рубцов и Алексей Прасолов, безвременно ушедшие от нас, оставили живое поэтическое наследие. Голос Николая Рубцова

АСТЬЯ И ДОБРА...»

продолжает звенеть неподдельной любовью к Родине: «С каждой избою и тучею, с громом, готовым упасть, чувствую самую жгучую, самую смертную связь». Рубцов, по его собственному признанию, испытал особенно сильное воздействие Тютчева, Блока, Есенина. Интересовал Рубцова и Хлебников. «Певучее начало России» обрело в Рубцове новое русло. Но это русло никак не было отъединено от тревог, конфликтов и скоростей нашего громкого века. Поэзия Николая Рубцова и поэзия Алексея Прасолова, каждая по-своему, отождествлялись с научно-технической революцией и с духовно-нравственными исканиями современников. И эта поэзия, безусловно, неотъемлемая часть традиций поэзии революции. Разумеется, не в смысле канонического повторения, а в смысле наследования.

Истинный лирик, «лирик по складу своей души, по самой строчечной сути», Владимир Соколов предупреждал тех, кто решил всерьез вернуться к классике:

Учись ваянию, ваятель,
Цена классический пример.
Ты понимаешь, как создатель,
Что нужен вкус и глазомер.
Но опасайся! Слишком ведам,
Оберегая твой резец,
Ведет к обманчивым победам
Неповторимый образец.

Плодотворное обращение к классике невозможно вне современности и через голову поэзии революции, поэзии начала века, двадцатых годов. Чтение поэтических книг за последние десять — пятнадцать лет убеждает, что под знаком исторической памяти, классических традиций и национальных корней развивается так или иначе вся наша поэзия во всех ее стилевых течениях.

На VII съезде писателей СССР прозвучало беспокойство за состояние лирической поэзии, и прежде всего за ее общественную активность.

Лирика в наименьшей мере поддается тематической классификации: в лирике подчас главное то, чему «нет имени». Или это имена вечных начал, преломленные резко индивидуально. «Три вечных вопроса смущали покой: кем был я? кем буду? и кто я такой?» — сказал латышский поэт Фрицис Барда. Но, по сути, лирика — одно из самых социальных искусств. А «в эпохи бурь и тревог», по словам Блока, «нежнейшие и интимнейшие стремления души поэта также преисполняются бурей и тревогой».

Мы помним, что Маяковский сказал: «Это время — трудновато для пера». Речь идет о трудностях духовных и внутренних. Труднее дается непосредственная исповедальность, «психологический срез», то есть основа лиризма. Традиционное солнце лирики — любовь — теперь лишь одна из тем, а не оправдание смысла жизни и поэзии. Лирика вооружается интеллектуальной ассоциативностью вместо прямого горения и откровения; поэзия, профессионализируясь, становится нередко искусством самосохранения, а не самоотдачи.

Падает искусство одного стихотворения, а затем и искусство поэтической книги, сборника стихов, ибо поэзия часто мыслится и осуществляется как непрерывное поддержание читательского интереса разными средствами интеллектуального или эмоционального общения, но не как полное худож-

ническое самопожертвование, не как жизненный поступок, выливающийся в прозрение-произведение.

Мы обрели беспредельную свободу поэтической формы, сломали границы между жанрами, раскрепостили стих, но утратили радость артистического владения классическим каноном, растеряли многообразие традиционной поэтики.

Все реже экономия художественных средств — в том числе и в поэме (несмотря на большие успехи в этом жанре). Нельзя не сказать вообще о диспропорции количества и качества в поэзии — не в пользу качества. Это проявляется во всех единицах измерения: количество строк, количество книг, количество авторов (кстати, никто не любит длинных перечней, но все замечают отсутствие своего имени в том или ином перечислении, хотя назвать всех решительно невозможно). «Будь я самым отчаянным стихолюбом, но зачем мне сотни книжек стихов, вышедших за тот же отчетный период?» — воскликнул Александр Твардовский.

На VII съезде писателей СССР украинский поэт Борис Олейник говорил: «Выходят книги, в которых за исключением нескольких вещей — сплошь грамотная имитация известных стереотипов, элементарная усредненность чувств и мыслей, как правило — информация, легко добытая с верхнего пласта реальности...»

Спросим себя: многие ли из стихотворений наших поэтов отделились от книг и пошли с людьми — в память, в сердце, в душе? Многие ли звучат вслух? Не остались ли они «искусством для искусства»? Этот простой вопрос и прямой ответ на него будут лучшей самокритикой, без которой, как известно, нет творчества. Язык лирики необходим нашим современникам. Поэзия творится для людей.

Современная лирика иногда достигает значительных результатов, идя не по пути непосредственного самовыражения, а опираясь на лирико-эпические средства фольклора, народной мифологии. Но удача на этом пути приходит не к стилизаторам, а к творцам самостоятельного и современного художественного мира. Такова самобытная песенно-легендарная поэзия Николая Тряпкина, о которой сказал Юрий Кузнецов: «Николай Тряпкин близок к фольклору и этнографической среде, но близок, как летящая птица. Он не вязнет, а парит. Оттого в его стихах всегда возникает ощущение ликующего полета... Бытовые подробности в его стихах отзываются певучим эхом. Они дышат как живые. Поэт владеет своим материалом таинственно, не прилагая видимых усилий, как Емеля из сказки, у которого и печь сама ходит, и топор сам рубит. Но это уже не быт, а национальная стихия».

Во многом эта характеристика, на мой взгляд, приложима и к поэзии самого Юрия Кузнецова, сказывающего словно бы космическую сказку, в которой национальная стихия — как летящая живая птица в небе современности. Точнее же сказать, лирический герой поэта — и обыкновенный человек и сказочный богатырь. Таков, по мысли Ю. Кузнецова, русский советский человек, который живет и действует в «большом времени».

Великий Октябрь призвал все народы «на братский пир труда и мира». Более полувека назад Владимир Маяковский радовался перспективам расцвета нацио-

нальных культур советских народов: «Используй, кто был безязык и гол, свободу советской власти. Ищите свой корень и свой глагол, во тьму филологии влезте». И вот мы свидетели и участники творческого содружества нескольких десятков национальных литератур, национальных поэзий — от многовековых до недавно родившихся и укрепившихся под советским солнцем.

«Свобода крылья распростерла», — писал Сергей Есенин:

И каждый в племени своем,
Своим мотивом и наречьем,
Мы всяк
По-своему поем,
Поддавшись чувствам
Человечьим...

«Чувство семьи единой» — так называется знаменитое стихотворение Павло Тычины:

То не язык, не просто звуки,
Не слов блуждающие льдины,
В них слышен труд, и пот,
и муки —
Живой союз семьи единой.

Блок вскоре после революции записывал: «Быть вне политики»? С какой же это стати? Это значит — бояться политики, прятаться от нее, замыкаться в эстетизм и индивидуализм...» Следовал решительный вывод автора «Двенадцати» и «Скифов»: «Нет, мы не можем быть «вне политики», потому что мы предадим этим музыку, которую можно услышать только тогда, когда мы перестанем прятаться от чего бы то ни было». Таков завет основоположников советской многонациональной поэзии.

Огонь великой поэзии вечен. Поэзия жива мечтой о будущем, достойном человека. В речи на торжественном заседании в Тбилиси, посвященном 60-летию Грузинской ССР и Коммунистической партии Грузии, Леонид Ильич Брежнев привел слова поэта, чтобы подчеркнуть значение борьбы за мир во всем мире: «Великий Руставели более восьми веков назад сказал: «Не гордитесь, люди, силой! Бросьте глупую забаву!.. Ведь довольно малой искры, чтоб большую сжечь дубраву!» Хорошо бы прислушаться к этому мудрому призыву, последовать ему людям во всех странах, на всех континентах сегодня, когда уже виден порог третьего тысячелетия нашей эры!»

Советская поэзия борется за мир и прямыми лирико-публицистическими строками и всей своей «музыкой», всем своим могучим и вольным дыханием интернационального братства.

Выражением нашей общей веры и надежды звучат за два десятилетия до XXI века слова армянского советского поэта Геворга Эмина:

Двадцатый век!
Мне очень дорога
Твоя борьба,
Размах
И жажда света.
Ты будешь веком
Счастья и добра,
Двадцатый век,
Я верю в это!

МОСКОВСКИЕ ПРЕДАНИЯ

Новая книга Владимира Муравьева «Московские литературные предания и были» охватывает широкий исторический фон, повествуя о создании знаменитых литературных произведений и знакомит читателя с малоизвестными эпизодами из жизни крупнейших писателей. Хронология книги — от 1147 года (времени первого упоминания в летописях о Москве) до 1919 года, в котором происходит действие обнаруженных автором неизвестных рассказов Артема Веселого о Ленине. И, как обещает название, все главы книги так или иначе связаны с Москвой — ее историей, своеобразным фольклором, ее жителями.

Вл. Муравьев начинает с самого первого предания о Москве, рассказывающего, как основался город. При этом автор предлагает нашему вниманию различные варианты древних сказаний, описывающих данное событие. Интересны также примечания к этой главе, скажем, история происхождения слова «Москва». Все знают, что столица наша названа так по имени реки, на берегах которой она расположена. А откуда произошло название реки? На этот счет существует множество гипотез, выдвинутых в свое время разными учеными; и исследователь, сопоставляя их, обсуждает с читателем, какая из этих гипотез наиболее правдоподобна.

Так же увлекательно рассматривает Вл. Муравьев этимологию названий многих московских улиц. А кому не интересна родословная таких чисто московских выражений, как «во всю ивановскую», «долгий ящик», «у черта на куличиках», «собачья радость», или пословиц, передающих колорит старой Москвы.

Внимание читателей, несомненно, привлекут и рассказ о Н. М. Карамзине, история крепостных актеров графа Шереметева, подробности создания тургеневского «Муму», эпизоды из жизни Н. Д. Фонвизиной (Апухтиной), возможно, послужившей прототипом Татьяны из «Евгения Онегина». Своеобразный литературный быт старой Москвы отразился в творчестве лубочных писателей, которым посвящен один из разделов книги. Среди них встречаются талантливые самоучки — выходцы из крестьянской среды, как, например, поэт А. Разоренов, напечатанный в 1890 году собственное «продолжение» и «окончание» «Евгения Онегина». Любопытное сочинение это — ценное свидетельство народного восприятия великого творения Пушкина.

Завершают «Московские литературные предания и были» две новеллы о том, как создавались тексты революционных песен «Варшавянка» и «Смело, товарищи, в ногу!», стихотворение В. Брюсова «Каменщик». В этих главах Вл. Муравьев вновь предстает перед нами вдумчивым исследователем, идущим по следу редкой книги, забытого документа и умеющим в увлекательной форме поделиться своими открытиями с читателем.

Г. ПОПОВ

Вл. Муравьев. Московские литературные предания и были. М., «Московский рабочий», 1981, 352 стр.

**Н. КРЫЛОВА,
фото И. ТУНКЕЛЯ,
специальные
корреспонденты «Огонька»**

СТРЕКОЗА И ПАРОХОД

По коричневато-зеленой воде скользит тень вертолета, похожая на большую стрекозу. Нигде я не видела такого множества стрекоз, как здесь, в дельте Дуная. Раздолье тут для всякой водной жизни: бесчисленные рукава, протоки, поросшие камышом островки кишат утками, цаплями, пеликанами. И даже красавцы лебеди живут здесь.

Вертолет, набрав высоту, пересекает четкую, как на школьной карте, линию. По одной стороне ее вода мутно-коричневая, по другой — цвета морской волны. Она и есть морская. Это Черное море. А коричневая — Дунай. Здесь кончается река и начинается море.

То место, над которым кружит наш вертолет, недавно стало обозначаться на картах кружком с

новую палубу. Вся она заставлена лихтерами. Каждый такой плавучий контейнер берет до тысячи тонн груза — это почти два десятка товарных вагонов.

Пахнет морем — от водорослей, которыми обросли днища плавучих контейнеров. Пробую отковырнуть крошечную кремовую ракушечку.

— Хотите сувенир с Меконга? — спрашивает молодой человек в каске и коричневом комбинезоне. Это Валерий Чертков, второй грузовой механик. На груди у него небольшой ящичек с кнопками. Он нажимает их, и обросшая водорослями машина послушно привстает и начинает двигаться к корме, которая напоминает камеру шлюза, только без торцевой стенки. «Дно» ее поднимается, и на эту платформу въезжают два лихтера. Сверху, с пульта управления, мне хорошо видно, как платформа опускается на воду. Счет идет на минуты.

— «Звенигород», можете подойти! — передает по радиотелефону первый электромеханик А. С. Лялкин. Это команда буксиру. Вот лихтеры уже на плавучем, и буксир тут же забирает их. Вся разгрузка занимает немногим больше полусуток. Такие темпы невозможны ни в одном порту мира.

Лихтеровоз — царство автоматики, ЭВМ. Приведу только один пример. Представьте, что в лодке двое — один на носу, второй на корме. Если последний прыгнет, лодка «клевнет» носом — центр тяжести переместится. Этого не происходит с лихтеровозом, когда он разгружается, — действует специальная балластировочная система, которая автоматически удерживает судно в строго горизонтальном положении. Чтобы командовать всей

действиям капитана. Помните, параграф первый морского устава что гласит?

Взрыв хохота заглушает его слова. Сегодня здесь, в салоне капитана, настроение приподнятое: Владимира Федоровича поздравляют с наградой — орденом «Знак Почета». Морские истории так и сыплются.

— Вот стояли мы на рейде... — начинает Столбовский.

— На «Юлиусе Фучике»? — спрашиваю я.

— Нет, он не стоит, «Юлиус Фучик» ходит! — возражает капитан.

В этих его словах — вся суть лихтеровозной системы.

Особенно эффективна она на стыке река — море. Плавучие контейнеры, которые «Фучик» выгружал в устье Дуная, повезут вверх по реке грузы с берегов Индийского океана: кабель из Бомбея — для СССР, кофе из Вьетнама — в Братиславу, керамику — в Венгрию. А в это время лихтеровоз будет уже в пути. Он доставит во Вьетнам венгерские автопокрышки, болгарские удобрения, промтовары из Чехословакии. Вверх по Меконгу в Кампучию пойдет доставленный «Фучиком» лихтер с тканями, мылом и другими товарами из Советского Союза...

реке. Потом по Черному морю пошла руда из Херсона, Николаева, потом вышли в Средиземное море.

Рос с годами поток грузов, росло мастерство моряков-дунайцев. Они первыми на Дунае начали плавить без лоцманов, первыми применили метод толкания, стали водить большегрузные караваны.

— Если сказать коротко, чем мы занимаемся, — подытоживает Виктор Васильевич, — то это экспорт услуг. Услуг по перевозке грузов и пассажиров. Наши суда заходят в 150 портов более сорока стран.

— Какие это грузы? — От иголки до атомного реактора. Еще одна особенность нашего парохозяйства — большой поток грузов на баржах. В устье Дуная их приходится перегружать на морские суда. Трудоемко и долго. Вот и придумали лихтеровозную систему.

В 1978 году четыре страны — СССР, Болгария, Венгрия, Чехословакия — создали международное хозяйственное предприятие «Интерлихтер». На общие средства были куплены двести барж-лихтеровозов, а для Советского Союза построены на финской верфи «Валмет» два лихтеровоза, которые «Интерлихтер» арендует. Они совершают регулярные рейсы

НА ДУНАЙСКОЙ ВОЛНЕ

надписью — порт Усть-Дунайск. Собственно, порта в нашем привычном представлении еще нет. Есть залив, соединенный с рекой каналом. Два ряда буев уходят от залива к морю — по этой дороге приходят в Усть-Дунайск морские суда. На старом теплоходе «Коперация», том самом, что ходил когда-то к берегам Антарктиды, а теперь стоит здесь на приколе, размещается управление порта.

Рождение Усть-Дунайска связано с появлением судов нового типа — лихтеровозов. Это флагманы Советского Дунайского парохозяйства. Их два: «Тибор Самуэли» — он сейчас где-то у берегов Индии, а второй — «Юлиус Фучик» — вот он, под нами. С вертолета хорошо видны масштабы этого гиганта длиной 270 метров.

Что нужно обычному кораблю? Вода, чтобы плавать, и причал, чтобы разгружаться. Суда сейчас строят большие и быстроходные, а вот портовое хозяйство во многих странах еще отстаёт, и приходится подолгу — иногда месяц и больше — ждать разгрузки. А лихтеровозу причал не нужен. Он может разгружаться и брать груз, не заходя в порт. «Юлиус Фучик» сам, без портовых кранов, без докеров, поднимает к себе на палубу прямо с воды 26 огромных железных коробок с грузом — лихтеров. Это баржи длиной около сорока метров. По реке их водит обычный буксир, а по морю перевозит на себе вот такие судно.

НА БОРТУ «ЮЛИУСА ФУЧИКА»

Первое впечатление — здесь очень легко потеряться. Длина судна — как три футбольных поля. Лифт поднимает нас на верх-

этой сложной техникой, нужно много знать и уметь. Из пятидесяти человек команды «Юлиуса Фучика» почти половина — с инженерными дипломами. Экипаж в основном молодой — средний возраст 30 лет, но стаж работы в море солидный. У многих знакомство с кораблем началось еще до подъема флага, в Финляндии, где судно строилось.

А капитан Владимир Федорович Столбовский, опытный морской капитан, прежде чем подняться на мостик «Юлиуса Фучика», руководил в Дунайском парохозяйстве управлением лихтеровозной системы, в Америку ездил изучать тонкости этого дела.

Не представляю его за письменным столом: быстрый, подвижный — «если бы я не был моряком, стал бы геологом или шофером на дальних рейсах», — острый на язык, с юмором.

— Параграф первый морского устава знаете? — Лицо Столбовского непроницаемо серьезно, а в глазах — чертики. — «Капитан всегда прав. А в тех случаях, когда он не прав, автоматически вступает в действие параграф первый».

...Тогда, в Бискайе, капитану было не до шуток. Теплоход «Рышканы» попал в циклон. От сильнейшей качки груз в трюме — шестиметровые стальные бруссы — сместился, металл пошел на борт. В шторм — это верная гибель судна. И капитан отдал команду: «Варить!» В трюме спустились электросварщики и стали приваривать груз к полу, к бортам. Трое суток при 10-балльном шторме варили. Вистояли.

— Сначала получил выговор, — смеется Столбовский, — за то, что сунулся в океан в такую погоду. А потом комиссия признала: судно спасено благодаря правильным

СТОЛИЦА ДУНАЙСКИХ МОРЕХОДОВ

Более трети всех перевозок по Дунаю выполняют суда Советского Дунайского парохозяйства. Его штаб-квартира здесь, в Измаиле, на проспекте Суворова.

Мы в кабинете начальника парохозяйства Виктора Васильевича Пилипенко. Из окон видны силуэты портовых кранов, а совсем рядом на постаменте бронекатер № 134 Краснознаменной Дунайской военной флотилии, участвовавшей в освобождении придунайских стран от фашизма.

— В Измаиле 83 тысячи жителей, четверть из них так или иначе связана с морем, — говорит Виктор Васильевич.

— Но ведь Дунай — река...

— В том-то и особенность нашего парохозяйства. Это уникальное судоходное предприятие Министерства морского флота СССР. Мы осуществляем перевозки и по реке и по морю. Наше парохозяйство располагает самым большим и совершенным транспортным флотом на Дунае. А начиналось все с нескольких трофейных барж — парохозяйство создано в 1944 году. Тогда здесь не было своих специалистов, много работало иностранцев, особенно лоцманов. В начале 50-х годов возили грузы только по

Усть-Дунайск — Карачи — Бомбей — Пенанг — Сингапур — Хошимин. Расстояние больше шести с половиной тысяч миль.

С первого же года предприятие рентабельно. Появилась возможность быстро и без перевалки доставлять грузы с Дуная в Юго-Восточную Азию.

— У нас в стране Дунайское парохозяйство единственное, где есть лихтеровозы. Сегодня эта наша главная гордость и забота, — сказал в заключение В. В. Пилипенко.

ВСЕ ФЛАГИ В ГОСТИ

Рени в переводе со старославянского означает пристань. Это небольшой городок в нескольких километрах от границы с Румынией — самый крупный порт на Дунае по объему перерабатываемых грузов.

Вместе с заместителем начальника порта Валерием Иосифовичем Вертинским мы идем между штабелями ящиков, труб, леса. «Сделано в СССР», — стоит на металлоконструкциях, и штамп места назначения: — Югославия, металлургический комбинат Смедерево.

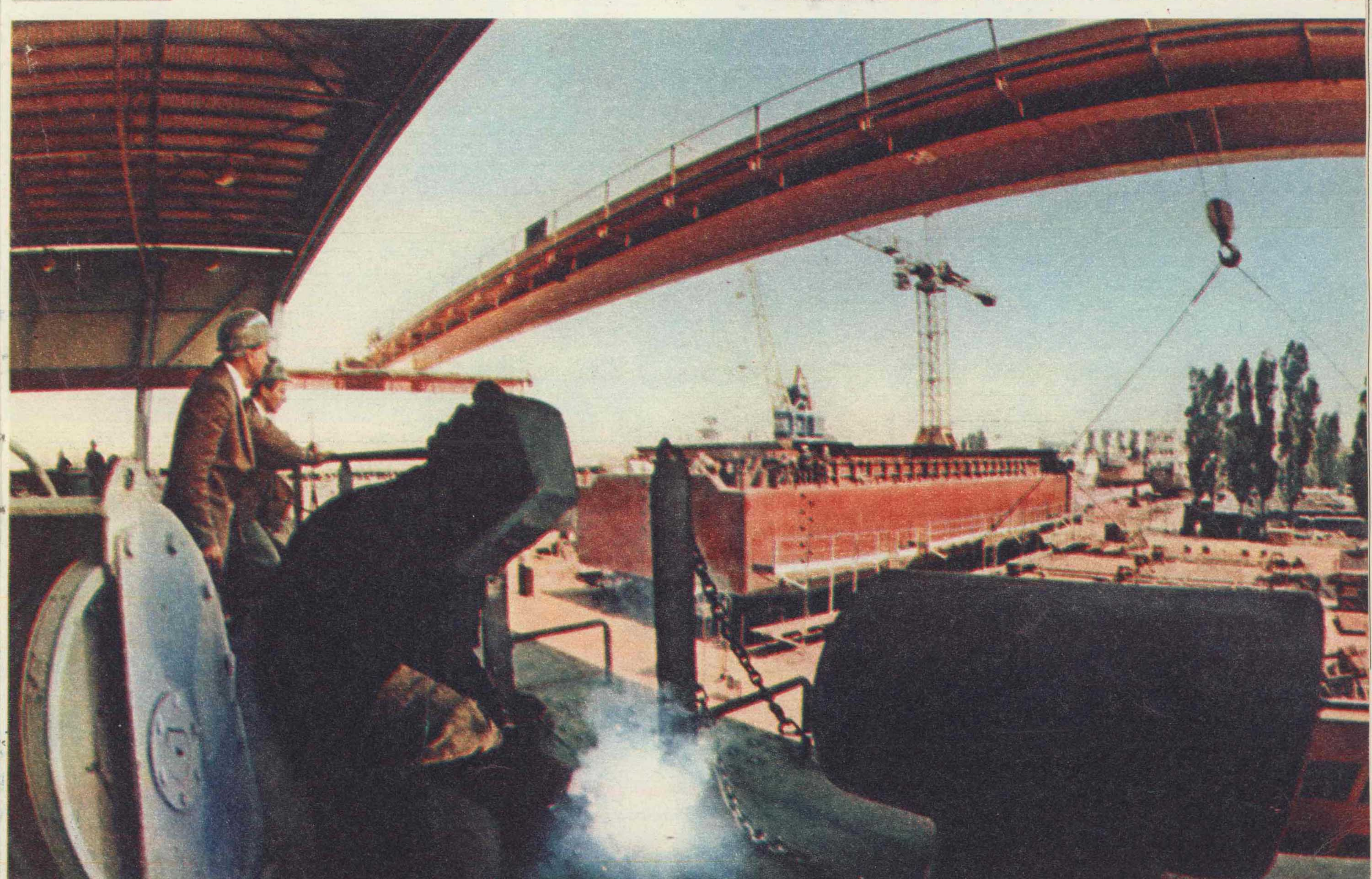
НРБ. Порт Козлодуй. II очередь. Отправитель — «Атомэнергоэкспорт, СССР» — читаю на ящиках.

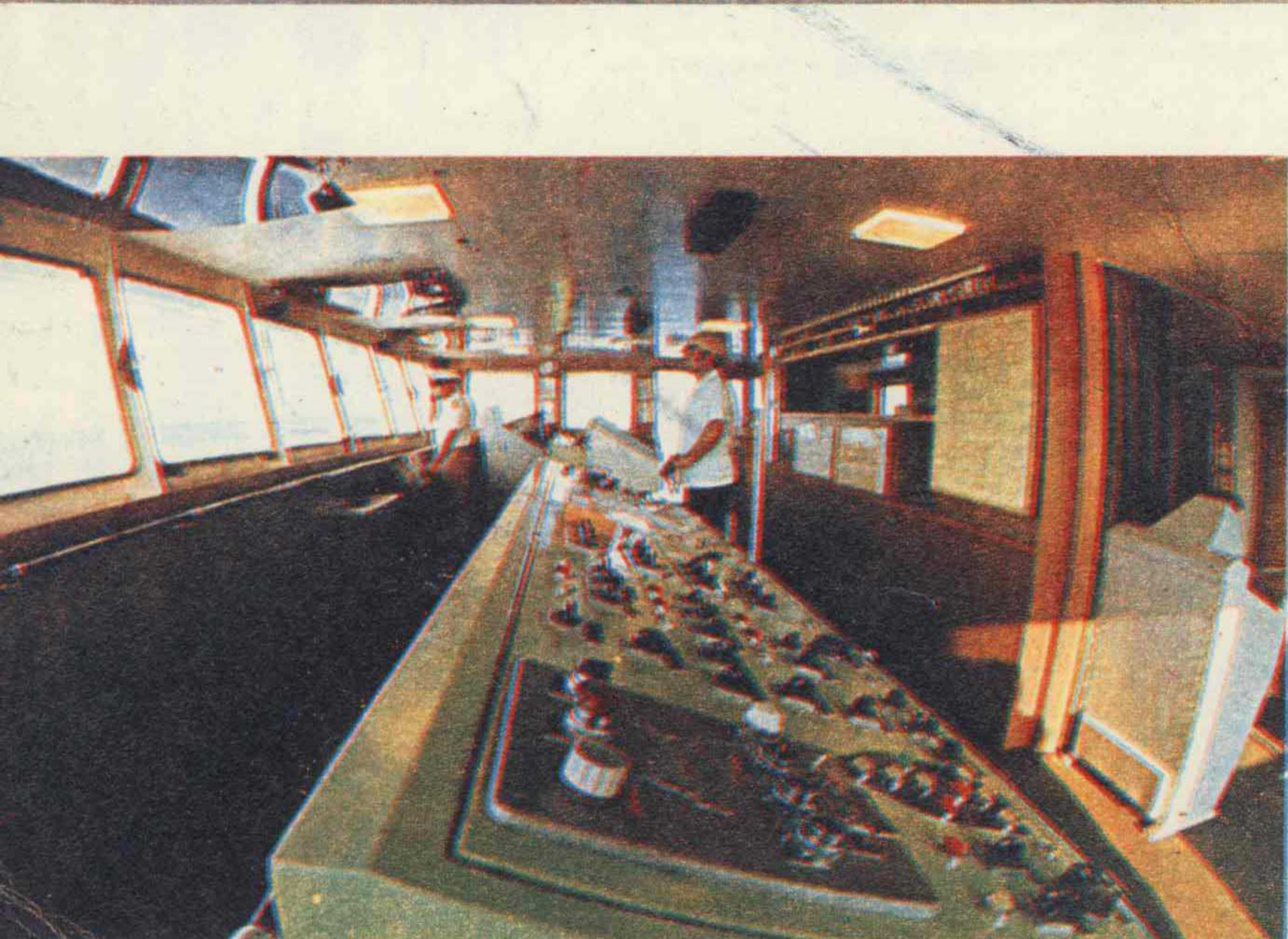
— И вся первая очередь через нас прошла, — поясняет Валерий Иосифович. — И для Джердапа тоже.

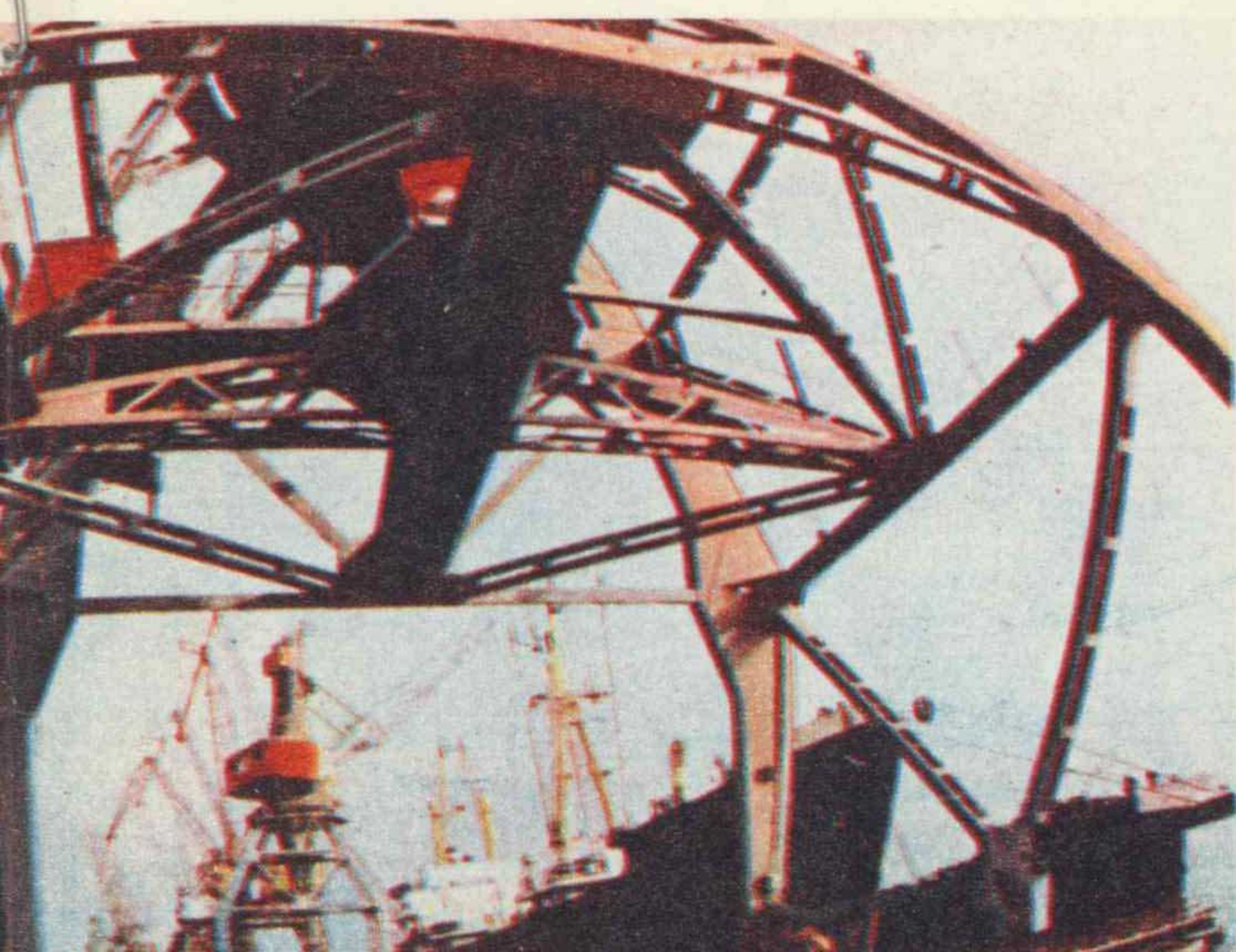
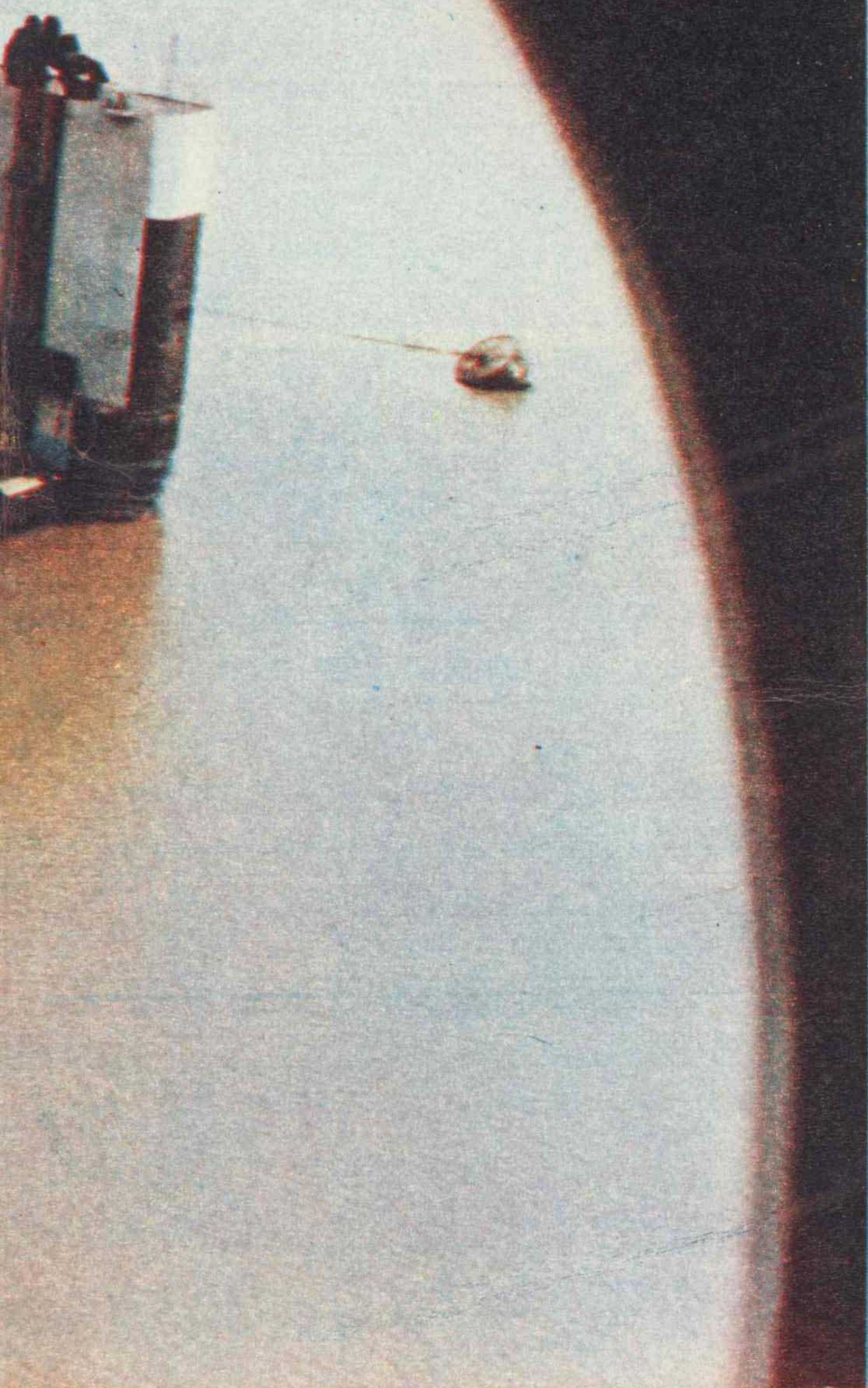
Джердап — это гидроэнергетический комплекс у Железных ворот на границе между Румынией

Владимир Федорович Столбовский — капитан лихтеровоза «Юлиус Фучик» * Здесь, в Килие, строят плавучие контейнеры-лихтеры.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Порт Усть-Дунайск. Разгрузка окончена * Пульт управления на капитанском мостике * Начальник Советского Дунайского парохозяйства Виктор Васильевич Пилипенко * Анфилада кранов у причалов Измаила * Валерий Чертков — второй грузовой механик «Юлиуса Фучика».

и Югославией, построенный совместно двумя странами при широком экономическом и техническом содействии Советского Союза. В 1982 году пойдет оборудование для второй очереди.

— Сегодня под обработкой шестнадцать единиц, — говорит Вертинский, — из них две морские: «Герма Прайд» — норвежец, пришел из Испании, и «Малеа» — панамец.

Идем дальше. «Кёрёш» — белые буквы на черном борту. И два флага рядом — венгерский и наш. Капитан приглашает нас на судно.

— Гачаи Балаж, — представляет он, — я по-русски плохо говорю. Якорное устройство, судовые механизмы — это знаю, а другое — плохо.

В каюте капитана на стене пейзаж с рекой. Ее именем названо судно, построено оно в Польше, проект советский. Порт приписки — Будапешт.

— Но фактически Рени, — говорит капитан, — здесь бываем раз в месяц, получаем горячее, продукты. Это мне как второй дом.

Вместе с капитаном поднимаемся на мостик. Плавающий кран перегружает с баржи на «Кёрёш» стальной профиль. В трюме снуют болгарские автопогрузчики.

— Металл с Чепеля, — объясняет капитан, — повезем в Сирию. А сюда мы привезли фосфат из Алжира. Дальше он на баржах пойдет.

Мы прощаемся с капитаном и спускаемся на причал. Пахнет сосной — это болгары грузят лес из Коми. Еще несколько шагов, и ушам становится больно от металлического звона: выгружают связки труб большого диаметра, которые пришли из Чехословакии.

Осмотр порта мы продолжали с борта катера. Проходим мимо каравана барж с грузовиками — в Болгарию пойдут. На берегу ждет отправки целое стадо разноцветных «жигулей». Рени — одна из основных перевалочных баз, через которые они идут на экспорт.

Вот прямо из трюма грузятся в вагоны зерно, прибывшее из Румынии. Баржи, баржи! Бесконечное количество. Это особенность ренийского порта — обилие малотоннажных судов. В год здесь обрабатывают шесть с половиной тысяч барж. И в городе бывает 36 тысяч иностранных моряков в год!

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

В порту Измаил мы были свидетелями торжества: заместитель начальника пароходства А. А. Шапошников вручал экипажу буксир-толкача «Прага» вымпел за победу в соревновании.

«Прага» — это типичный дунайский работяга. Вот уже пятнадцать лет водит он караваны барж вверх и вниз по реке. Последний рейс — в Линц. Руду, уголь возили. Были в караване и лихтеры с тканями, коврами из Индии. Построено судно на Обудайской верфи в Будапеште. Владелец — СССР. Команда 19 человек — экипаж коммунистического труда.

Капитан Виктор Павлович Агафонов показал мне грамоту Союза чехословацко-советской дружбы. Экипаж «Праги» дружит с сельскохозяйственным кооперативом недалеко от Комарно. В гости туда ездят, урожай помогают убирать.

— Вот за этим столом в апреле мы подписали договор о соревновании, — говорит боцман Олег Васильевич Калинин. — Хозяйство у них очень хорошее. Знаете, сколько там дает наша пшеница «юбилейная»? — Он называет точные цифры. И сколько молока надоил дояр по имени Ондрей, он тоже знает.

Ближайший рейс «Праги» — на Болгарию поведут смешанный ка-

раван из советских и болгарских барж.

О таких караванах мне подробно рассказывал Цветан Янков, представляющий в Измаиле «Дунайтранс».

— Это советско-болгарское товарищество, да-да, так и запишите, именно товарищество! У «Дунайтранса» нет ни общей собственности, ни капитала, — объяснял товарищ Янков. — Раньше как было? Ваши буксиры водили свои баржи, мы — свои. Судам приходилось ждать, пока караван сформируется. Теперь «Дунайтранс» оперативно собирает информацию, где какие советские и болгарские баржи готовы к отправке, какие буксиры могут их взять. И вместе с Дунайским пароходством мы принимаем решение. Например, сегодня приходит ваш буксир «Москва». У него только две баржи, а в Рени четыре болгарские уже готовы. Вот он их и возьмет. Выгода — общая. Нет простоя ни судов, ни грузов.

...Со Стефаном Стефановым мы познакомились в Измаиле, в интэрклубе моряков. По виду ему, старшему помощнику капитана на буксире «Русе», не дашь тридцати лет. Уже восемь лет он плавает по Дунаю. Сегодня «Русе» пришел в Измаил с очередным караваном.

— Что привезли?

— Наши, болгарские сенокосилки. Завода имени Димитрова в Русе.

— А откуда что возите?

— Уголь, руду, металл. Да, еще грузы для атомной станции в Козлодуй возили.

Разговор переходит с одного на другое. Поговорили о фильме «Барьер», о белых ночах в Ленинграде. Оказывается, Стефан там гостил у друзей.

— В сорок четвертом году, меня тогда еще на свете не было, — рассказывает он, — мой отец жил в Балчике. Неподалеку стоял советский авиаполк. Тогда и появился у отца друг-ленинградец. Теперь дружба эта перешла уже ко второму поколению наших семей.

Я слушаю Стефана и думаю: вот она, живая связь времен! Некогда здесь, в Измаиле, учительствовал Христо Ботев, болгарский поэт и революционер. Там, где он высадился на берегу Дуная с отрядом патриотов, чтобы поднять восстание против османских поработителей, работает сегодня атомная станция. И болгарский парень, отец которого в сорок четвертом обнял солдата со звездочкой на пилотке, возит для нее грузы по Дунаю.

Измаил — город русской воинской славы. «Не было крепости крепче, не бывало обороны отчаяннее обороны Измаила, но Измаил взят», — писал в своем донесении Суворов без малого два века назад. От крепости до наших дней ничего не сохранилось, кроме старинной мечети, где размещается диорама «Штурм Измаила». Экскурсоводы рассказывают о героизме солдат Суворова, а сам полководец, встав в стремени, застыл в бронзе на проспекте, который носит его имя. «Потомство мое, прошу брать мой пример — до последнего дыхания быть верным Отечеству».

Классик уйгурской литературы дооктябрьского периода, Билал Назым жил и творил в трагическое для судеб его народа время. Это был XIX век, в течение которого уйгуры неоднократно поднимали восстания против иноземного порабощения, и после каждого из них китайские каратели оставляли пирамиды из черепов казненных, угоняли в плен тысячи людей. Наиболее крупные вехи истории уйгурского народа этого времени нашли свое отражение в таких художественных произведениях Билала Назыма, как «Повествование о Назугум», «Чанмуза Юсупхан» и «Война мусульман против китайцев».

Помимо прозаических полотен, Билал Назым создал десятки лирических стихотворений. Предлагаем вниманию читателей газели Билала Назыма в переводе члена-корреспондента АПН СССР Мурата Хамраева.

Билал НАЗЫМ

* * *

Говорят, что превратился я в хранилище печали,
Говорят, что я любовь свою теперь найду едва ли,
Говорят, на небосклоне не увижу больше солнца,
Говорят, она ушла навек и больше не вернется.
Говорят... Но вы, друзья, не верьте этим разговорам —
Что бы там ни говорили, наша сущность остается.
Пыль с годами вся осядет — и сверкнет алмаз нетленный.
Кто был кто среди нас, потомство в этом точно разберется.
Милая ушла... Да, это больно, грустно и обидно.
Вновь скитаться мне за нею год и два еще придется.
Ну, а в то, что не взойдет на небосклоне утром солнце,
Вы не верьте! Ложь все это! В том Билал Назым клянется!

* * *

Вольный ветер, знойным летом, и осеннюю порой,
И зимою, и весною ты летаешь над землей.
С облаками ты резвишься и беседуешь с луной,
Все ты видишь, все ты знаешь, так услышь же голос мой.
Я прошу тебя, о ветер, из далекой стороны
От моей любимой вести принеси ко мне домой,
Где ее нога ступала, там песчинку подхвати,
Подари ее Билалу — то подарок дорогой,
Принеси один хоть волос с головы ее, друг мой,
Будет мне он талисманом, с ним пойду на смертный бой.
И еще подай мне, ветер, кубок сладкого вина —
Его выпью, как лекарство, может, выпьешь ты со мной?
Вольный ветер, слышишь голос — это плачу я, Билал, —
Жду привет моей любимой. Жду и летом и зимой.

* * *

О красавица, наверно, хочешь ты меня убить,
Видно, мало тех мучений, что пришлось мне пережить.
Одного лишь только взгляда мне достаточно, поверь,
Чтоб ко мне явилась радость, чтоб счастливым мог я быть.
И за тем прекрасным взглядом я без устали иду.
И ничто, поверь, не в силах тут меня остановить.
Хоть за скалы ты уходишь, хоть гора прикроет путь —
Я пойду, нет скал на свете, чтоб любовь могли закрыть.
За тобой всю жизнь шагаю и хочу тебя спросить:
Что, моих страданий мало? Хочешь сердце погубить?
Не боюсь я мук, страданий, даже ада не боюсь,
Одолею все преграды, если суждено мне жить.
Одолеет все преграды в поисках любви Билал,
Хоть казни его иль милуй, он перед тобой стоит.

* * *

Соловей запел от счастья, юный лик твой увидав.
Он его за розу принял и, по-моему, был прав.
Коль Ширин, Узра и Лейла повстречались бы с тобой,
То к тебе б пошли в служанки, красоту твою признав.
Пред тобой я, словно сокол, что безудержно летит
Камнем вниз из поднебесья, свою жертву увидав.
Только ты совсем не жертва, жертва я в твоих руках —
Трепещу, как жалкий заяц, в когти к хищнику попав.
Только страх умчался разом, разлетелся в пух и прах.
Вместо цепких лап на шее руки нежные узнав.
И тогда Билал счастливый песню звонкую запел,
Наконец впервые в жизни дорогую повстречав.

* * *

О любимая, меня, скитальца, не вини ни в чем.
Лишь лицо твоё увижу, забываю отчий дом.
Лишь услышу голос твой, и сердце прыгает в груди,
Как у селезня, который должен встретиться с орлом.
Лишь глаза твои увижу, превращаюсь в мотылька,
Что в безумии играет с полыхающим огнем.
Лучше б я тебя не видел и не слышал голос твой,
Век бы прожил свой спокойно и не ведал бы о том,
• Что на свете есть любовь, и счастье есть, и горе есть,
• Есть большой и сложный мир, и проживают люди в нем.

Измаил. Памятник А. В. Суворову * Народный духовой оркестр Дома культуры имени Шевченко * Фрагмент диорамы «Штурм Измаила».

У Р А Г А Н

Семен ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

Ровно в 16.00 часов Млынского и Алиева принял начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба Наркомата обороны генерал-лейтенант Свиридов. Сухощавый, с сединой в висках, он поднялся им навстречу, представил находящихся тут же начальника разведупра НКВД СССР комиссара второго ранга Беркутова и руководителя партизанского движения в Белоруссии Пономаренко.

— Ну, товарищ майор, докладывайте состояние вверенного вам полка и ваши намерения на действия в тылу врага, если они у вас проработаны.

— В соответствии с установками Генштаба и приказа штаба Западного фронта, — четко начал свой доклад Млынский, — нами сформирован полк особого назначения для выполнения специальных заданий в тылу противника. В составе полка три разведывательно-диверсионных батальона, рота ПТР, медсанроты и службы тылового обеспечения. Личным составом полк укомплектован по штатному расписанию. Вооружен и экипирован по нормам десантных частей Наркомата обороны. В настоящее время личный состав полка проходит боевую, политическую и специальную подготовку. Моральный дух воинов полка высок. Два батальона полка готовы к выполнению любого вашего приказа.

Выслушав рапорт майора Млынского, генерал Свиридов сказал:

— Тяжелая обстановка на фронте вам известна. Фашисты, несмотря на огромные потери, лихорадочно рвутся к Москве. Остановить их, а затем отбросить — наша общая задача. В этих целях Государственный Комитет Обороны поручил всем нам усилить удары по тылам врага. Ваш полк призван эту задачу выполнять. Вы боевой командир, имеете опыт партизанской войны. Доложите о ваших соображениях.

— Первый батальон нашего полка в количестве 700 человек укомплектован красноармейцами, командирами и политработниками, имеющими опыт боевых действий в тылу противника. Второй батальон целиком состоит из пограничников, сражавшихся с фашистами на границе. При отходе на восток все они попали в окружение врага, но с боями прорывали его и вышли на Большую землю с оружием и знаменем части. Бывалые, боевые воины.

— Сейчас все они обеспечены теплым обмундированием. Рвутся в бой. Просят отправить их на фронт, — добавил Алиев.

— Мы с комиссаром считаем, что первый и второй батальоны к действиям в тылу противника готовы. Что касается третьего батальона, хотя он и укомплектован в основном коммунистами и комсомольцами, к бою еще не готов. Батальон нуждается в дополнительной специальной подготовке. Полагаю, на это потребуется три-четыре месяца.

— Ну, столько времени противник нам не дает, — заметил Свиридов. — Но доучить личный состав батальона, конечно, придется. Возможные сроки на это уточним.

— Разрешите доложить наши предложения по боевым действиям в тылу врага первого и второго батальона?

— Давайте, давайте, — заявил Пономаренко. — Интересно узнать, что вы надумали.

Млынский подошел к висевшей на стене большой карте Западного и Калининского фронтов с нанесенной на ней оперативной обстановкой, взял указку.

— Вот тут, — продолжил он свой доклад, указав место на карте, — на расстоянии 200—250 километров от линии фронта, в глубоком тылу немецких войск, в лесах, на стыке границ Белоруссии и Смоленской области, активно действуют партизанский отряд «Смерть фашизму» и разведгруппа НКВД СССР «Пламя».

— Совершенно верно, — подтвердил Пономаренко.

— «Центр» сообщил нам недавно, что в десяти километрах от основной базы отряда «Смерть фашизму» партизаны подобрали площадку для приема наших парашютистов. Сообщили координаты.

— Исходя из них мы с комиссаром просим вас, товарищи, разрешить нам в ближайшие дни выбросить на эту площадку передовую группу разведчиков-парашютистов, человек 25—30, для быстрой подготовки полевого аэродрома, на который мы перебросим второй батальон полка. Им командует после гибели Боярского капитан Хват.

— Почему не первый? — спросил Свиридов.

— Первый я прошу разрешить лично мне и комиссару Алиеву перебросить в тыл противника через линию фронта. Мы на лыжах будем двигаться к нашей базе, попутно уничтожая важные объекты и живую силу врага.

— Это заманчиво, но очень опасно. Сейчас на фронте и в прифронтовой полосе у немцев большая плотность войск, везде понатыкано множество вспомогательных частей, — отозвался Свиридов.

— Это верно, но с учетом предстоящего контрнаступления наших войск на Калининском фронте, в ненастную погоду, соблюдая предосторожность, ночью, я думаю, можно пройти на стыках воинских частей, — вставил Млынский.

— Наши партизаны все время ходят через линию фронта, правда, небольшими группами, — добавил Пономаренко.

— Товарищ майор, а как быть с третьим батальоном? — спросил Свиридов.

— Как я уже докладывал, третий батальон для действий в тылу противника еще нами не подготовлен. К тому же в настоящее время года в тылу врага легче действовать небольшими подразделениями, вот и партизаны так действуют, как сказал товарищ Пономаренко, их легче укрывать и прокормить. Поэтому мы с комиссаром считаем, что, когда соединится первый батальон со вторым, на нашей новой базе из них следует создать отряд особого назначения и приступить к выполнению задания. К весне мы расширим основную базу, создадим запасную. Зазеленеют леса, и в них в это время можно будет надежно укрывать не только полки, но и целые дивизии. К этому времени наш третий батальон закончит боевую и специальную подготовку, и мы с удовольствием примем его. У меня все, — проговорил Млынский.

Одобрительно кивнув, Свиридов предложил Млынскому сесть и обратился к Алиеву:

— Ну, а что дополнит нам комиссар?

— Добавлю, что морально-политическое состояние полка высокое. Все командиры, политработники и красноармейцы с нетерпением ждут, когда их перебросят в тыл противника. Да чего греха таить? Мы с майором разделяем их нетерпение.

И когда Алиев сел, слова попросил молчавший до сих пор комиссар 2-го ранга Беркутов:

— Третий батальон для дальнейшей боевой подготовки личного состава я предлагаю передать в формируемую дивизию особого назначения НКВД. А когда майору Млынскому потребуются резервы, мы ему не откажем. Поможем.

— Ну что же, дельное предложение. Согласимся с ним, — заявил Свиридов. — Итак, подведем итоги. План вывода за линию фронта отряда особого назначения в составе двух батальонов и приданных им служб утвердим. Сроки начала операции уточнит наше руководство и сообщит командованию фронта.

— Разрешите дополнение? — обратился к Свиридову Беркутов. — Следует дать указание разведгруппе «Пламя», действующей в тылу врага под командованием старшего лейтенанта Дьяюра, и нашему резиденту капитану Афанасьеву, работающему в районе дислокации тыловых служб армии фон Хорна, свои действия координировать с майором Млынским.

— Так и поступим, — согласился генерал Свиридов. — Командиром сводного отряда предлагаю назначить майора Млынского, комиссаром товарища Алиева. Как, товарищи?

— Только так, — подтвердил Беркутов. Кивнул в знак согласия и Пономаренко и добавил:

— Соответствующие указания от штаба партизанского движения командирам партизанских отрядов этой зоны о заброске в тыл врага сводного отряда Млынского будут даны немедленно.

Прощаясь с Млынским и Алиевым, Свиридов сказал:

— Заявку на самолеты, средства связи, в том числе и агентурные радиостанции, сдайте в ГРУ. Все детали переброски батальонов за линию фронта обсудите и согласуйте с хозяйством комиссара 2-го ранга Беркутова и штабом партизанского движения. Вопросы есть?

— Никак нет, товарищ генерал. Спасибо за доверие и помощь, — поблагодарил Млынский.

Решив все дела в отделах разведывательного управления, Млынский и Алиев уже к вечеру вышли из здания. Прошли мимо затемненных, неузнаваемо преобразившихся павильонов Сельскохозяйственной выставки к стоянке автомашин. Дул пронзительный ветер. Млынский и Алиев шли молча, поглубже натянув ушанки, подняв воротники.

Вернувшись в гостиницу, они застали в номере Алиева всех своих друзей, которые их терпеливо ждали.

— Ну, товарищи начальники, судя по вашим лицам, видно, что доклад прошел успешно, — помогая Млынскому снимать полушубок, сказала Наташа.

— Не то слово, бери выше, — поправил Наташу Алиев.

— Все прошло отлично, — подтвердил Млынский.

— Ну, раз так, не грешно и выпить. Верно я говорю, Иван Петрович? — спросил Бондаренко.

— По-моему, предложение лейтенанта Бондаренко вполне дельное, — растирая замерзшие руки и усаживаясь за стол, подтвердил Млынский. — Испокон веков на Руси говорили: кончил дело, гуляй смело. Что касается меня, то я — за!

Наташа взглянула на Гульнару и тихо спросила:

— А вино еще есть? То, что вы поставили днем на стол, мы потихоньку почти все выпили.

Гульнара засмеялась, нагнулась к большой сумке, вынула оттуда две бутылки и поставила их на стол.

— Угощайтесь. Это тоже довоенное, настоящее шемахинское.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—35.

Подняв наполненный Бондаренко стакан, Млынский торжественно произнес:

— Дорогие друзья! Скоро мы снова уйдем в тыл врага. Будем бить его нещадно. Это — наше дело. А Гульнара и Октай вернутся к себе домой, помогать всем нам громить врага. Выпьем за грядущую победу!

— За нашу победу, — поднимая стакан с вином, присоединился к тосту Млынского Алиев. К нему подбежал Октай, выкрикнул:

— Папа, я тоже пойду с тобой!

— Сынок, ты еще маленький, — успокоил сына Алиев. — Ты должен маме помогать и ее оберегать.

Гульнара украдкой вытерла платком набежавшие слезы. Алиев нежно погладил ее плечо.

— Выпьем и за Гульнару, за такую красивую, замечательную жену нашего боевого комиссара, и в ее лице за всех тружеников тыла, которые вместе с Красной Армией и партизанами куют нашу будущую великую победу.

Сказав это, Млынский до дна осушил стакан с вином. Выпили, глядя на Гульнару, и все остальные.

ФОН ХОРН ПРОСИТ ПОДКРЕПЛЕНИЕ

Начальник штаба ударной армии генерал-лейтенант Кемпе вошел на командный пункт в тот момент, когда командующий генерал-полковник фон Хорн стоял навтыжку у аппарата прямой связи, сияя от радости, и заканчивал разговор с фюрером.

— Мой фюрер! — услышал Кемпе и весь обратился в слух. — Сердечно благодарю вас за поздравление по случаю прорыва моих войск и захвата плацдарма на восточном берегу канала Москва — Волга. Ваше внимание ко мне — это огромная честь для всей нашей армии. Я сделаю все, чтобы неукоснительно выполнить ваш приказ о расширении плацдарма.

— Желаю удачи! — Послышались частые гудки — фюрер положил трубку.

— Эрих, слышал?! Сам Гитлер поздравил меня!

— Значит, быть вам скоро фельдмаршалом. Фон Хорн улыбнулся:

— До этого нам еще нужно взять Москву. Я думаю, этой ночью нам следует перебраться на ту сторону канала 17-ю мотодивизию и танковый полк, чтобы на рассвете завязать бои за расширение плацдарма.

— Господин командующий! Я должен вас огорчить, только что стало известно, что нашего плацдарма больше нет.

Фон Хорн вздрогнул.

— Как это нет? — тихо произнес он. — Я бросил туда свой лучший танковый полк, два батальона альпийских стрелков, артиллерию, дивизион реактивных минометов. Где же они?! Лицо командующего приобретало бордовый цвет, как это случалось всегда, когда он волновался или сердился.

— Господин командующий! Сегодня утром в район между Дмитровом и Икшинским водохранилищем вошли передовые части и резервы 1-й ударной армии под командованием генерал-лейтенанта Кузнецова. Взаимодействуя с войсками генерала Ермакова, они атаковали наши войска, находившиеся на плацдарме. После тяжелого, напряженного боя наши танки были сожжены, артиллерия, в том числе и реактивные установки, уничтожена. Остатки горных стрелков и вспомогательных частей с боями отошли обратно на левый берег канала.

— Что вы такое говорите, Эрих! Позор! Как я об этом доложу фюреру?..

Фон Хорн схватил сигару. Руки его дрожали. Кемпе услужливо чиркнул зажигалкой.

— Кемпе, мы должны немедленно вернуть утерянный плацдарм. Чего бы это нам ни стоило. Это не только мой приказ. Это повеление фюрера. Мы должны напрячь все силы. Наступает решающий момент!

— Это невозможно, господин командующий. — Почему?

— Русские вводят в бой все новые и новые войска. Они стоят насмерть, и этим их солдаты отличаются от наших. Для того, чтобы прорвать оборону русских, нам необходимо пере-

группировать войска, создать мощный броневой кулак, обеспечить надежное авиационное прикрытие.

Фон Хорн резко оборвал начальника штаба: — Кемпе, вы отлично знаете, что перегруппировка войск сейчас невозможна. Используйте имеющиеся резервы.

— Они на исходе. Кроме того, этих сил совершенно недостаточно.

Фон Хорн заложил руки за спину, прошелся несколько раз по блиндажу, остановился возле висевшей на стене карты. Он лихорадочно обдумывал, с какого участка фронта снять части, чтобы собрать их в мощную ударную группу и бросить на прорыв обороны противника. Потушил и бросил сигару в пепельницу, резко повернулся к начальнику штаба, проговорил:

— Я думаю, что нам нужно срочно просить командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала фон Бока выделить в наше распоряжение хотя бы еще одну моторизованную или танковую дивизию. Подготовьте по этому вопросу радиограмму.

— Господин командующий, фельдмаршал фон Бок опередил нас. Сегодня он разослал циркулярную телеграмму всем командующим армиями группы «Центр». Вот посмотрите. — Кемпе вынул из папки телеграмму и передал фон Хорну.

Фон Хорн взял телеграмму, сел за стол.

Документ командования. Особой важности. 16.11.41 г.

Командующему ударной армией генерал-полковнику фон Хорну.

Копия:

Второй армии,
четвертой армии,
девятой армии,
второй танковой армии.

1. На фронте протяженностью более 900 километров группа армий в настоящее время располагает в качестве резерва одной дивизией, которая ограничена в своих действиях. В силу этого армиям следует обходиться без каких бы то ни было резервов.

2. Боевые действия на широком фронте зача-

стую приводят к значительному расчленению соединений. В последнее время это случается слишком часто. Прошу командующих армиями это явление пресекать.

3. Считаю целесообразным использовать в бою пехотные дивизии, занимающиеся прокладкой дорог. Для строительства дорог привлечь личный состав моторизованных соединений, действующих за линией фронта.

Генерал-фельдмаршал фон Бок.

Фон Хорн, прочитав телеграмму, возмущенно произнес:

— Без дополнительных резервов!

— Трудно поверить, что группа армий «Центр» имеет в резерве только одну дивизию, — усомнился Кемпе.

— Я отлично знаю этого хитреца. Фельдмаршал хочет, чтобы армии добивались поставленных целей наличными силами, а резервы придерживает для достижения стратегических целей. Поскольку наша армия наступает на направлении главного удара, немедленно подготовьте письмо фельдмаршалу с просьбой подкрепить нас резервами. Только хорошо обоснуйте.

— Будет исполнено, — ответил Кемпе и вышел из командного пункта.

В ТЫЛ ВРАГА

Млынский и Алиев возвращались в полк в приподнятом настроении. Возле штаба их встречали капитаны Смирнов и Хват, а также приехавшие раньше лейтенант Бондаренко, мичман Вакуленчук, медсестра Зина и другие.

— Товарищ майор, по вашему лицу видно, что все вопросы решены положительно, — пожимая майору руку, проговорил Смирнов, окинув радостным взглядом прибывших из Москвы.

— А как же иначе? — улыбаясь, ответил Млынский.

— Фашисты из кожи лезут, чтоб взять Москву. Слыхали сообщение Совинформбюро, с каким героизмом и самопожертвованием панфиловцы и другие защитники столицы отбивают яростные атаки врага? — спросил Алиев.

— Они-то крепко дают фрицам по мордам, а мы прохлаждаемся, — вместо ответа отозвался связной Млынского сержант Ерофеев.

— Не горюй, Ерофеич! Скоро и мы вступим в дело, — проговорил Млынский.

— Значит, конец отдыху, намаялись, — раздался радостный голос Ерофеича; вокруг Млынского и Алиева уже собрались бойцы.

— Для кого конец, а для кого и нет, — ответил Млынский, строго взглянув на сержанта. Ерофеич расстроился, принимая слова майора на свой счет, спросил у Вакуленчука:

— Неужели меня из-за пожилого возраста не возьмут?

— Возьмут — не возьмут. Нечего гадать, да поменьше языком молоть надо!

Сержант не обиделся, добродушно сказал:

— Мичман! Будь другом, при удобном случае замолви словечко майору, чтобы меня с собой взял. В тылу у фрицев я ему вот так буду нужен. — И он провел ладонью по горлу. — Сам хорошо знаешь, старый конь борозды не испортит.

— Не переживай, старина, я думаю, майор такого бывалого и расторопного сержанта возьмет с удовольствием. Ну, а ежели этого не случится, я заберу тебя в нашу разведроту. Хотя для разведки ты действительно староват, а вот при штабе и кухне тебе находиться в самый раз.

— Рано ты, мичман, меня в кашевары списываешь! — рассердился на это Ерофеич. — Серость твоя заговорила. Семилетка не дает тебе мыслить, как говорит майор, масштабно. А может, майору есть резон послать меня в разведку в город нелегально? Маненько подучить, и я могу вам в разведке быть незаменимым человеком. По моему разумению, для такого дела главное — голова, а потом все остальное. — Ерофеич резко повернулся и пошел.

Слухи о предстоящем уходе в тыл врага поползли по ротам и батальонам, на второй день об этом с радостью уже говорили все.

— Гасан Алиевич! Может, нам вечером собрать всех командиров и политработников полка и, чтобы не было кривотолков, откро-

венно с ними поговорить? — предложил Млынский комиссару.

— Разумно, Иван Петрович, — поддержал его Алиев.

Вечером в клубе собрали командиров и политработников полка. Млынский, Алиев и Смирнов поднялись на сцену, сели за накрытый красной скатертью стол. Когда в зале воцарилась тишина, поднялся Млынский.

— Товарищи! Разговор у нас с вами будет короткий. Все вы читали передовую газеты «Правда» за 27 ноября об обстановке под Москвой. Ярче, чем там написано, я не скажу, поэтому позвольте зачитать небольшую выдержку из нее: «Мужественное сопротивление частей Красной Армии задержало разбег фашистских полчищ... Они не мчатся вперед, как бывало, а ползут, обильной кровью поливая каждый свой шаг. Но они все же ползут! Значит, надо удешевить стойкость защитников Москвы... Надо во что бы то ни стало сорвать разбойничий план Гитлера... Этого ждет вся наша страна. Под Москвой должен начаться разгром врага!»

Для того, чтоб оказать помощь защитникам Москвы в соответствии с приказом Верховного Главнокомандующего, активизированы боевые действия Красной Армии на других фронтах и партизанских отрядов в тылу врага.

Наш час настал! Согласно приказу командования, мы должны снова перейти к активным боевым операциям.

— Давно пора! — послышалось из зала. — И так засиделись!

— Тише, товарищи, тише! — Млынский продолжал: — Завтра ночью нами будет выброшена на парашютах в район действия партизанского отряда «Смерть фашизму» передовая группа в количестве 30 человек во главе с командиром разведроты старшим лейтенантом Горшковым, лейтенантом Расуловым и мичманом Вакуленчуком. Их задача: с помощью партизанского отряда подобрать базу и подготовить в течение трех дней полевой аэродром для посадки самолетов «Ли-2». Как только он будет готов, мы самолетами перебросим в тыл врага батальон под командованием капитана Хвата. В связи с тем, что времени для переброски первого и второго батальонов в тыл врага осталось очень мало, прошу вас еще раз лично проверить готовность ваших подразделений к перебазированию. Особое внимание обратите на сохранность в тайне предстоящих действий.

В ту же минуту к микрофону подошел комиссар Алиев. Вглядываясь в лица сидевших в зале, он заговорил:

— Дорогие товарищи! Сегодня, когда фашистские полчища рвутся к Москве, когда на полях сражений решается судьба нашего государства и всего советского народа, нам с вами оказана великая честь с оружием в руках громить тылы фашистских войск. Не давать противнику подбрасывать под Москву резервы, боевую технику, боеприпасы, горючее и продовольствие. Защищать наших людей, оказавшихся на временно оккупированных территориях, не давать их вывозить на работы и в лагеря в Германию. Мы — мирные люди, войны не хотели. Но теперь, когда фашисты стирают с лица земли наши города и села, безжалостно разрушают фабрики и заводы, памятники культуры, детские сады и больницы, у Красной Армии, партизан и всего советского народа есть только один выход — разгромить фашизм. Победа или смерть — другого нам не дано. На прошедших в ротах и батальонах партийных собраниях коммунисты заявили, что все образцово будут выполнять задания командования, не жалея своих сил и жизни. Я глубоко убежден, что так будут воевать и беспартийные.

— Только так! — хором отозвались из зала.

— Нашим девизом в тылу врага должны стать слова: кровь за кровь! Смерть за смерть! Мы будем сражаться с фашистами до тех пор, пока не уничтожим их разбойничье государство и не водрузим Знамя Победы над рейхстагом! — закончил под аплодисменты присутствующих комиссар.

— Если вопросов нет, не будем терять времени, — закончил Млынский.

Возбужденные, радостные, оживленно разговаривая между собой, выходили командиры и политработники из клуба.

На второй день с утра до позднего вечера первый и второй батальоны готовили свои подразделения к переброске в тыл противника. Придирчиво осматривали вооружение, обмундирование, неприкосновенный паек каждого красноармейца. Проверяли на надежность противотанковые ружья, минометы, станковые и ручные пулеметы. Пересчитывали и упаковывали в ящики мины, гранаты, сигнальные ракеты, взрывчатку, детонаторы, цинки с патронами, бикфордов шнур. Укладывали в небольшие контейнеры радиостанции, сухие батареи и запасные части. Получали на складах выпущенное по табелю продовольствие.

На третьи сутки сборов после того, как было получено сообщение о подготовке группой Горшкова и партизанами полевого аэродрома, в 22.00 часа командир 2-го батальона капитан Хват в валенках, новой ушанке, затянутый скрипучими ремнями поверх белого, как снег, полушубка, с пистолетом на поясе и автоматом ППШ на груди явился в штаб полка.

— Товарищ майор! Второй батальон введенного вам полка полностью подготовлен к переброске в тыл противника для выполнения специального задания. Разрешите следовать на аэродром?

Млынский, взглянув на часы, ответил:

— Разрешаю! Не теряйте времени, быстрее грузите имущество и сажают людей в самолеты. Учтите, в прифронтовой полосе круглосуточно действуют гитлеровские истребители. Поэтому наши самолеты должны успеть вернуться до наступления рассвета.

— Вас понял. Разрешите идти?

— Идите. Мы с комиссаром вас проводим.

— Может, не стоит, товарищ майор? У вас и так дел невпроворот. — Но, увидев строгий, сердитый взгляд майора, Хват направился к двери.

Когда погрузка имущества и посадка личного состава 2-го батальона была закончена, Млынский по очереди крепко обнял капитана Хвата и комиссара Светлова и трижды по русскому обычаю расцеловал.

У самолета Хват остановился, обернулся:

— Иван Петрович! До скорой встречи в тылу врага! — Млынский помахал ему рукой.

Бортмеханик захлопнул дверь, взревели моторы. В небо взвилась зеленая ракета. Самолеты, увеличивая разбег, один за другим взлетели в морозное звездное небо.

Как только самолеты скрылись, Млынский и Алиев направились в полк.

— Ну, теперь наш черед, — сказал Млынский. — Завтра я попрошу дать разрешение на переброску первого батальона.

— Иван Петрович! Может, все же еще недельку подождать, пока второй батальон подготовит для нас базу? А то в лесу при сорокаградусном морозе можно людей обморозить.

Млынский посмотрел на Алиева.

— Ты, пожалуй, прав, Гасан. К этому времени и наши раненые товарищи, что вернулись из госпиталя, окрепнут.

— А это очень важно, учитывая, что ночные переходы будут тяжелые.

— Убедил, убедил. Я согласен с тобой. А сейчас давай-ка подремлем, а то у меня глаза слипаются, — проговорил Млынский и, подняв воротник полушубка, откинулся назад на сиденье.

Алиев потушил сигарету, закрыл глаза, задумался. Почему-то вспомнились великолепная широкая, утопающая в зелени набережная Баку, горбатые волны седого Каспия, бьющие в прибрежные камни. Сидящие на скамейках женщины, прохладный морской, пахнущий йодом и водорослями воздух, ажурные станканчики армуди с ароматным чаем в чайных вдоль берега, детишки на трехколесных велосипедах, с радостным визгом обгоняющие друг друга. И среди гуляющих Гульнара с Ахмедом и Октаем.

Эта картина сменилась другой: фонтанирующие вышки на небольшом острове в открытом море. Нефтяники тянут в море стальные эстакады. Среди них он, Алиев, бригадир и парт-орг. А над головами кружатся стаи чаек...

Машину резко, сильно трянуло на ухабе, Алиев стукнулся головой о крышу кузова и... вернулся к действительности. Надо было обдумать свою речь перед личным составом первого батальона, уходящего в тыл врага.

Продолжение следует.

ЖИЗНЬ, ПРОЖИТАЯ НЕ ЗРЯ

Ю. КОЗЛОВ

Есть люди, как бы выделенные судьбой из обычного ряда. Сама жизнь проверяет на них прочность рода человеческого, бросая с юных лет в гущу политической борьбы, революций, войн — всего того, что, отстоявшись во времени, становится историей страны. Василий Иванович Пимкин — один из таких людей. В партбилете ветерана-большевика сделана такая запись: месяц и год вступления в партию — март 1917-го, Пимкин — кавалер орденов Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалей. Сейчас ему восемьдесят пять лет, он персональный пенсионер союзного значения, живет в городе Азове.

Он сказал, что до сих пор помнит тембр гудка Сулинского металлургического завода — старейшего на юге страны, куда привел его в начале века отец. Для того, чтобы устроить сына на завод, пришлось договориться с волостным начальством, прибавить в документах лет, иначе парня не брали, а работать ему надо было обязательно: семья большая. Василий Иванович сказал, что именно на заводе он впервые увидел машины — железные, дышащие маслом и паром, как ему показалось, живые существа, призванные облегчить человеку труд. Тогда-то он и проникся к ним уважением и интересом, которые пронес через всю жизнь. Больше четверти века — в предвоенные, военные и послевоенные годы — будет он руководить различными МТС. «Делать так, чтобы машина работала на человека, чтобы благодаря машинам хлеба было больше и люди жили лучше. Вот главное мое жизненное призвание!» — считает Пимкин.

Но до МТС в ту пору еще было далеко. Тогда под руководством С. В. Косиора, который работал на Сулинском заводе конторщиком, Пимкин только постигал азы марксизма, нелегальной деятельности, выполнял разные мелкие поручения. Из-за этих-то поручений и возникали постоянные разногласия с отцом, который полагал, что знакомство с революционерами до добра сына не доведет. Помирились они в тысяча девятьсот семнадцатом, накануне Великой Октябрьской социалистической революции, когда Василий приехал с фронта в отпуск — в новенькой, с иголки, форме и сверкающих сапогах. Уже давно позади оста-

лись призывные мытарства (аукнулись все-таки прибавленные года!), плавание на пароходе «Русь» по Волге до Саратова, где их, призывников, разместили в пустом доме, а вместо одеял вручили газеты — спите, укрывайтесь, постигайте... Позади был и предреволюционный Петроград шестнадцатого года, занятия в автошколе, сорокаградусные морозы на станции Усть-Тосно, где они квартировали, походы в лес за дровами, ненасытные печи-буржуйки. Позади был и фронт, голодные месяцы под Ригой, Февральская революция и одно из главных в жизни Пимкина событий — вступление в партию.

— Тогда многие партии вышли из подполья, — вспоминает он, — агитация в ротах велась самая разная. Но я как-то сразу, сердцем, что ли, почувствовал, что большевики — моя, родная, рабочая партия.

Как раз в эти дни Пимкин и получил письмо от отца, где тот на-

Васька! За правильное дело стоит. Да только где он сейчас, жив ли? Я, — продолжает Пимкин, — как услышал, так и в прыгнул в окно. «Вот он я, — кричу, — здесь я!» Понял — раз так старые люди заговорили, значит, большинство уже разобрались, кто в России за правду, какая партия выражает самые что ни на есть народные интересы.

Однако же новая власть на юге России утвердилась далеко не сразу. Революцию пришлось отстаивать. И во вражеском тылу: то у немцев, то у белогвардейцев. И на фронте: Пимкину довелось воевать в Первой Конной армии Буденного, двух лошадей под ним убило. А закончил он гражданскую войну в тифозном бараке, на нарах, где каждый час умирали в мучениях люди.

...Старый большевик и сейчас в строю, продолжает по мере сил служить делу Коммунистической

Ветеран партии В. И. Пимкин на встрече с учащимися Азовского СПТУ-2. Фото С. Тихоненко

мекал, что откажется от него и не пустит домой, если он по-прежнему думает заниматься своей нелегальной деятельностью. Слишком много неприятностей у семьи из-за этой его деятельности, писал отец. — Письмо меня, конечно, огорчило, — продолжает Василий Иванович, — но приказ-то об отпуске уже был подписан, делать нечего, я поехал домой, в Сулин...

Добирался он долго, поезда ходили нерегулярно, на каждой станции — собрания, митинги. В Сулин приехал душной ночью, тьма, хоть глаза выколи.

— Иду к дому, сердце бьется. Думаю, хоть загляну в окошко, как они там живут, а заходить не буду... Подошел, заглядываю. Вся семья собралась за столом, ужинают. Вдруг отец и говорит: «Эх, жалко Васьки нашего нет! Я со времени, как письмо ему написал, многое передумал. Прав все-таки

партии. В. И. Пимкин — член секции по сельскому хозяйству Азовского краеведческого музея, почетный член совета музея школы номер один имени В. И. Ленина города Азова. Его часто приглашают выступать перед школьниками, выпускниками сельских профессионально-технических училищ, и свой рассказ он иногда начинает словами: «...На моих глазах писалась история Страны Советов...» И при этом иногда задумывается: «Имею ли я право так говорить? Я лишь старался честно делать свое дело на вверенном мне участке». И вспоминал районный земельный отдел (райзо) Ровенецкого района, Луганской

области, куда его назначили заведующим в 1925 году, или райзо Тихорецкого района на Кубани, откуда его перевели на должность директора Ново-Леушковской МТС в этом же районе. С тех пор и до пенсии он работал на различных МТС... Но ведь история, размышляет вслух Пимкин, — это не только победы, великие свершения, поворотные моменты. Это еще и жизнь, жизнь каждого конкретного человека. Значит, когда он, бывший боец Первой Конной, Василий Пимкин, валялся на тифозных нарах и просил склонившего над ним врача предать его смерти, потому что не верил, что выживет, — это тоже была история. Но он выжил. И оказался в Туркестане, в отряде, преследующем басмачей. А потом, в самые голодные годы, вновь на родине, в Сулине, ходил по вокзалу, предлагал проезжающим в обмен на продовольствие серебряные часы фирмы «П. Буре», единственную ценную вещь, которая осталась в их доме, — ведь это было, значит, это тоже история. Выходит, история, делает вывод Пимкин, — это когда тревоги, муки и радости народные проходят через твоё сердце...

В 1933 году он участвовал в организации знаменитой Аксайской МТС, а после того, как работа была там налажена, работал директором Персияновской МТС Ново-черкасского района. Тогда механизаторы проявляли настоящий героизм, чтобы под открытым небом, зачастую без запчастей, содержать машины в порядке. Сутками не отходили от машин. Спать ложились в одежде, а под мышкой держали бобины (так тогда назывались приспособления, чтобы заводить мотор). Отсыреет на земле бобина, как заведешь? А под мышкой она тепленькая...

В войну Пимкин возглавил Кипринскую МТС в Алтайском крае, а сразу после изгнания захватчиков с родной земли принял Азовскую орден Ленина машинно-тракторную станцию.

— Азов тогда еще считался прифронтовым городом, — вспоминает Василий Иванович, — его еще бомбили, а мы уже думали о себе, изо всех сил старались быстрее восстановить МТС.

Восстановленная МТС сразу же вошла в число лучших в стране, держала первенство по Союзу, трижды ей присуждалось Красное знамя Государственного Комитета Обороны СССР. Оно оставлено здесь на вечное хранение.

Василий Иванович Пимкин от работы никогда не бегал, острых углов не обходил, и сына своего воспитал так же. В 1954 году Виталий (так зовут сына) поехал на целину, проработал там много лет, был награжден медалью «За освоение целинных земель».

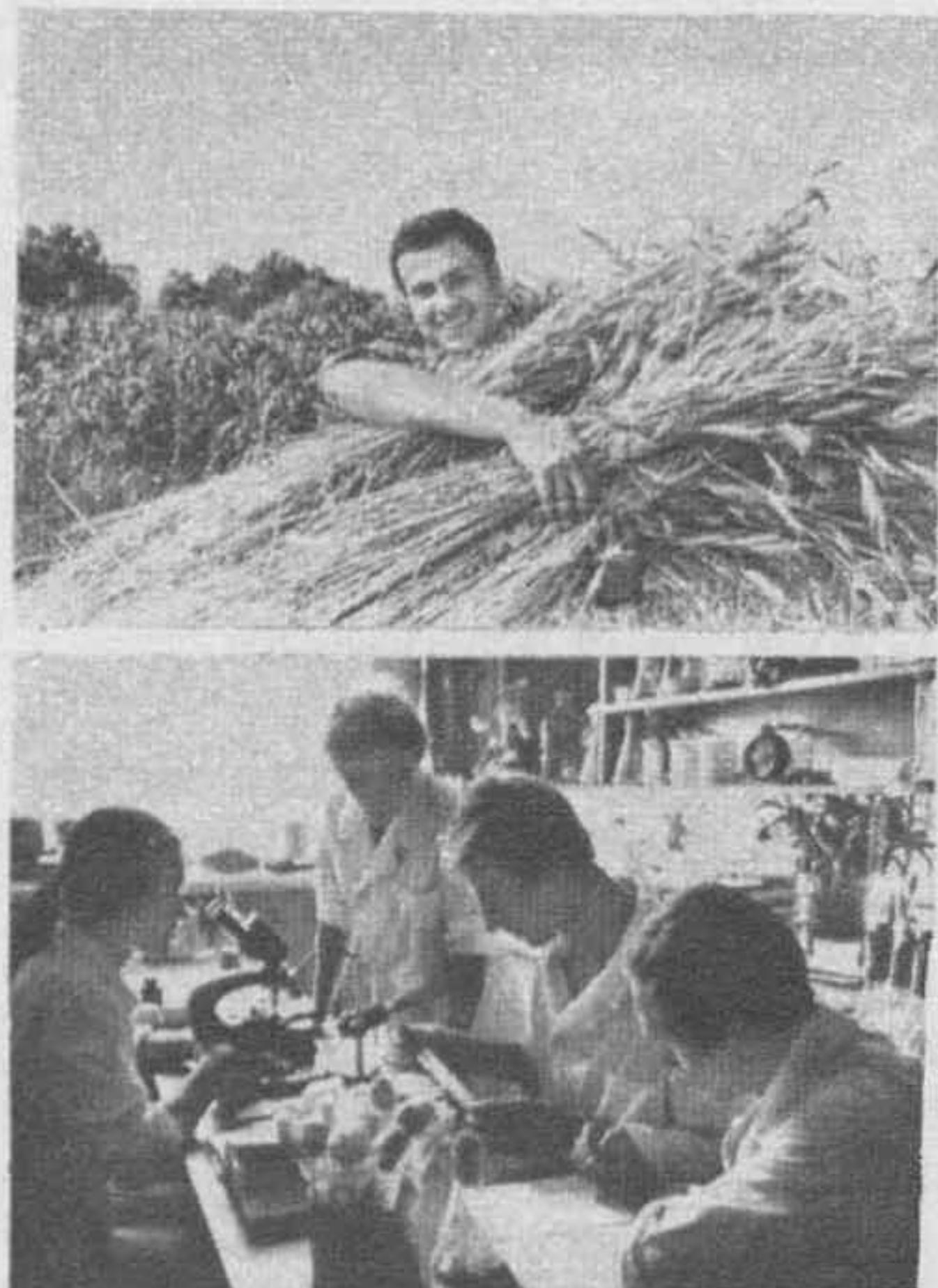
— Однажды, — вспоминает Пимкин, — в Москве, в Большом театре давали концерт в честь участников ВДНХ, и вдруг я слышу по трансляции в холле: «Товарищ Пимкин, в вестибюле вас ожидает сын!» Я бегом туда, ведь сколько лет с ним не виделся. Оказывается, он тоже приехал на ВДНХ, — тоже передовик! Так мы и встретились...

На этом рассказ о Василии Ивановиче Пимкине можно остановить. Он и сам, завершая рассказ о своей жизни, всегда говорит слушателям, что правда жизни — это когда дети продолжают дело отцов. История — это еще и преемственность поколений.

Василий Иванович — частый гость азовской «Сельхозтехники», преемницы прежней МТС. Говорит, что ему, «технарю», доставляет огромное удовольствие смотреть на современные могучие трактора, комбайны, прочую технику, которой теперь в достатке обеспечено сельское хозяйство.

— Не зря, значит, жизнь прожил... — И гладит их руками, как живых...

ЧТИТЬ ПРИРОДУ

Они сидели вокруг костра. Это был последний привал, последняя ночевка перед возвращением с практики. Позади остались необозримые поля совхоза «Гигант» — одного из первых совхозов страны, ковыльная степь Аскании-Нова, Черное море, горные перевалы...

Темнота скрывала лица ребят, но их негромкий разговор был отчетливо слышен в неподвижном воздухе душного вечера.

— Жалко, почему нас в школе науку уважать учили, а природу — нет. Даже в кружке юннатов объясняли, что природу надо изучать, испытывать, проникать в ее тайны, но о том, что ее прежде всего надо чтить, именно чтить, — не говорили, — задумчиво сказал кто-то из ребят.

— Да нет, это тоже, наверное, говорили, просто тогда мы не понимали, — откликнулся девичий голос. — А теперь на лекциях нас учат: «ландшафт надо прочувствовать», «книгу природы научиться читать», «почва — сложный организм, и нельзя безнаказанно нарушать законы, по которым она живет»... Но ведь, честно говоря, до практики мы не понимали подлинного значения этих слов. Потому и природу чтить не умели...

«...Да, есть представления, которые, прежде чем стать знанием, должны пройти сквозь душу и сердце, — думала я о невольном подслушанном разговоре. — Мое поколение в школьные и студенческие годы, к сожалению, учили по-иному. Нам твердили, что нельзя ждать милостей от природы, взять их у нее наша задача. Мы мечтали «менять движение рек и сдвигать высокие горы». Ландшафт надо было не «переживать», а «переделять». Где уж тут чтить природу!

Вот человек и возгордился настолько, что забыл свое место в «живой цепи». С такими мыслями я и пришла к заместителю декана факультета почвоведения МГУ, профессору Дмитрию Сергеевичу ОРЛОВУ. Разговор возвращающихся с практики студентов этого факультета я слышала у костра.

Профессор Д. С. ОРЛОВ, доктор биологических наук

— Все это, конечно, так, — согласился Дмитрий Сергеевич, — но сейчас возникает новая опасность, которую мы должны предотвратить: как бы все разговоры об охране природы не выродились в пустую болтовню, моду. Может быть, мода в одежде — понятие и прогрессивное, а вот в науке она чрезвычайно опасна. Люди, идущие в специальности, так или иначе связанные с живой природой и особенно с нашей кормилицей-землей, должны руководствоваться не модой, а призванием. И еще иметь глубокое образование в данной области. Мода, захватившая людей невежественных, страшна. Вот мы и стараемся выработать у будущих специалистов новое, я бы сказал, деятельное мировоззрение. Землю заповедной планетой не сделаешь. Нам на ней жить, работать и использовать все ее богатства и, главное, плодородие на благо. Но делать это надо, исходя из ее же законов развития. Такому подходу к земле мы учим наших студентов.

Есть под Москвой, в Чашникове, агробиологическая станция — ба-

за Московского университета. По существу, студенты проходят здесь весь цикл своей будущей работы — от лаборатории до поля. Сюда входят исследование физики, химии, биологии почвы, поиск новых путей повышения продуктивности растений, работа на сельскохозяйственных машинах, сбор урожая. Вы представляете, как приятно держать в руках охапку колосьев первой в жизни выращенной тобою пшеницы! Да еще если ты вложил в нее приобретенные за годы учения знания, свой труд и сердце.

Научить всему этому только на лекциях, только в лаборатории нельзя. В пробирках почва, например, изолирована от всего, что связано с ней: растений, животных, — она мертва. Музейный образец, макет дадут лишь расчлененное представление о предмете нашего изучения. На практике же закладываются основные понятия природы, в том числе и почвы, как целостного, сложного, связанного с деятельностью человека живого организма.

— Как же строится студенческая учебная практика?

— У нас существует продуманная система постепенного ввода студента в круг понимания задач его будущей профессии. Уже с первого курса ребята отправляют-

ся на практику по геодезии, геоботанике, геологии. Ведь изучить почву можно, только учтя все пять факторов, влияющих на нее, — климат, растительность и животный мир, рельеф, геологию, историю развития территории.

Геодезия, например, учит студентов видеть и рисовать рельеф. Без геоботаники, без описания растений, трав, цветов нельзя понять развития земледелия, а геология заставляет специалиста мыслить не только сегодняшним днем, а миллионами лет исторического развития земли.

На втором курсе, когда студенты уже имеют некоторый теоретический багаж, они отправляются на почти двухмесячную так называемую зональную практику. Ребята, которых вы видели, возвращались именно с нее.

— Но ведь студенты уже поработали в поле, зачем же им ехать опять, да еще так далеко и надолго?

— Вы, вероятно, слышали такое выражение — зональное земледелие? Так вот, развитию зонального земледелия сейчас уделяется особое внимание, говорилось об этом и на XXVI съезде партии. Прогрессивная научная система земледелия предусматривает разный подход в разных природных зонах страны.

Учение о зонах природы создал

замечательный русский ученый-почвовед В. В. Докучаев. Это он писал, что «благодаря известному положению нашей планеты относительно солнца, благодаря вращению земли, ее шарообразности климат, растительность и животные распределяются по земной поверхности по направлению с севера на юг в строго определенном порядке...». Он же указал на зависимость между климатом, почвой, растительностью, животным миром и деятельностью человека.

Декан нашего факультета профессор Глеб Всеволодович Добровольский еще лет двадцать назад обосновывал необходимость зональной практики студентов. На такой практике будущие специалисты-почвоведы пересекают нашу страну с севера на юг, вплоть

Так проходит изучение почвы и растительности высокогорного луга.

Фото Ю. Сурхайханова

до Черного моря. Они видят землю как бы в разрезе: все зоны перед ними. В процессе учебы идет знакомство с работой заповедников, таких, скажем, как Аскания-Нова или Тебердинский, студенты убеждаются на деле, что такое система зонального земледелия. Они видят, как идет работа в

О ТОВАРИЩАХ ДЕТЯХ И ТОВАРИЩАХ ВЗРОСЛЫХ

Однажды кто-то заметил: рассуждая о воспитании, мы часто говорим «они» (о детях) и «мы» (о взрослых), невольно возводя некую стену между нами. А какая уж тут стена, если все мы приходим из детства и, став родителями, воспитывая, все время подвергаемся «шлифовке» — воздействию собственных детей.

Детям и взрослым, их взаимоотношения посвящена новая работа Московского ТЮЗа «Товарищи — дети» по пьесе Сергея Михалкова, написанной специально для этого театра. Поставил спектакль главный режиссер Юрий Жигульский.

Веселая, озорная комедия состоит из двух новелл, в центре которых современные подростки, фантазеры с горячими сердцами, умные и искренние, острые на язык. Это они, разгадав недобрый

Сцена из спектакля «Товарищи — дети». Фото М. Доронина

план «избавления» от любимого учителя литературы Вертушкина, сыгранного с теплым юмором В. Гариным (новелла «С того света»), выдвинули свой — как этого не допустить. А замыслили тот коварный план «три Анны» — преподавательницы их школы, которых сыграли М. Ардова, Т. Распутина и Л. Ларионова. Уж очень Вертушкин этим «сухарям» Аннам кажется беспокойным и непонятным. Но ребята ринулись на защиту любимого педагога и ловко все устроили — даже «инопланетянин» посетил их край! И все придумал Генка Лопухов. Эту роль с тонким проникновением в психологию героя исполнил С. Балабанов...

А вот Слава (артист С. Балабанов) в новелле «Не та квартира», сам того не ведая, помог стать точкой другим незадачливому вору Артуру, сыгранному В. Пучковым. Да и не вор он по натуре — это сразу разгадал Слава; он как бы утверждает себя подобным нелепым способом. Слава (кстати, ему

крупных совхозах и колхозах страны, в научно-исследовательских институтах и на опытных станциях. Например, в Институте земледелия Центрально-Черноземной полосы имени Докучаева, изучающем богатейшие русские черноземы, в передовых лесных хозяйствах.

— Будущий специалист при таком подходе учится не только своему предмету...

— Совершенно верно, отчет о зональной практике вполне можно печатать под вашей, огонюковской рубрикой «Земля родная», — улыбаясь, говорит Орлов. — История страны всегда тесно связана с историей ее ландшафта, ее хозяйства. Возьмите, например, Тульские Засеки, расположенные в северной части лесостепи, где студенты изучают не только мир дубрав, лесное хозяйство, но невольно прикасаются к героической истории страны. Здесь проходила полоса защиты против степных кочевников. Деревья подрубались так, что образовывали естественный растительный заслон, сама природа превращалась как бы в орудие обороны.

Путь к Тульским Засекам проходит через Ясную Поляну — святое место для сердца каждого русского человека. Ну, какой преподаватель минует это место, не посетив с ребятами дом-музей, не постояв в молчании у могилы великого писателя?

Или, скажем, продвигаясь дальше к югу, студенты попадают в Шипов лес и опять окунаются в историю. Здесь все связано с Петром I. Из вековых дубов Шипова леса были построены русские корабли для Азовского похода Петра. Здесь царь сказал: «Место сие красно», — и оно получило название Красного кордона... А места героических боев с фашистами? Памятники славы Отечества? Встреча с ними так же ненавязчиво, органически входит в душу ребят, так же участвует в формировании мировоззрения будущего специалиста, как те сведения по агрохимии или новым методам ведения сельского хозяйства, которые студенты получают в процессе учебы и работы в заповедниках и научных институтах. В результате рождается гордость историей страны, ее наукой, восхищение ширью ее полей, красотой природы. Так крепнет любовь к родной земле, рождается желание сделать ее богаче и краше.

Беседу вела Ванда БЕЛЕЦКАЯ.

еще надо от всех скрыть, зачем Артур оказался в их квартире, а то шуму будет!), неугомонный, энергичный, со всем пылом и непосредственностью юности пытается сам разобраться во всем, дождаться до сути. И так загоняет Артура в тупик, что у того один выход — изменить кое-что в своем характере. И ведь назревает в Артуре перелом!

Вот так и живут рядом товарищи дети и товарищи взрослые... Мягкий юмор заставляет зрителей дружно смеяться, добрые, остроумные и очень неглупые герои — полюбить себя, а серьезный, задушевный разговор с аудиторией побуждает к нему прислушаться.

Спектакль насыщен веселой музыкой (ее написал композитор Ю. Саульский); ярко, в мажорных тонах оформлен художником В. Талалаем.

Творческое содружество С. В. Михалкова и театра длится более сорока лет.

Л. НАТОЧАННАЯ

Поручик, милый, хороший, возьмите в корзину...

— Барышня, в который раз повторяю: не положено.

Маленькая гимназистка положила велосипед на траву, подошла к офицеру, приподнялась на цыпочки и зашептала горячо, почти в ухо, чтоб не слышали солдаты:

— Видите, сегодня со мной даже мальчишек нет. Из дому вышла потихоньку. Отец не видел. — Потом озорно посмотрела в глаза: — Хотите, я вас поцелую?

Не успев опомниться, поручик ощутил на щеке девичьи губы. Заалел лицом, открыл дверцу плетеной корзины.

— Садитесь быстрее!

Закрутился барабан, раскручи-

Однако в Петербурге, несмотря на многократные попытки, Раймонде так и не удалось оторвать аэроплан от земли.

Лидия Зверева решила, что ей это удастся.

Старейший авиатор России К. К. Арцеулов вспоминал:

— В это время учился летать и я. Мы, мужчины, удивлялись, с каким старанием Лидия относилась к обучению. Казалось, в хрупком теле совершенно нет усталости. Она была гораздо выносливее нас. Летала неутомимо, аккуратно, с чисто женским изяществом.

Писатель Лев Успенский так описывал полеты Лидии Зверевой: «Снизу было страшно смотреть на маленькую фигурку, сидящую на краю холщовой прозрачной поверхности, с ногами, опущенными в пространство, туда, где уже ничего не было, кроме незримого, подвижного, возмущаемого и ветром и поступательным движением аэроплана воздуха».

В июле 1911 года все газеты и журналы писали о большом перелете Петербург — Москва. Это была первая проба сил русской авиации. Лидия Зверева добивается включения в состав участников. Однако ей, не окончившей летную школу, организационный комитет разрешил лететь лишь в качестве пассажирки.

Перелет был организован из рук вон плохо, без учета особенностей маршрута. Аэропланы плохо отрегулированы, авиаторы мало тре-

Прекратил полет и экипаж, в котором Зверева летела пассажиркой. Но эти испытания не сломили мужества и настойчивости женщины. Она продолжала летать. Вскоре Лидия Зверева вышла замуж за Владимира Слюсаренко.

В августе 1911 года Л. Зверева сдает экзамен на звание авиатора. С раннего утра у летного поля собралось много народа. Публика устроила из пролетов и экипажей импровизированные ложи. Всем было интересно увидеть полеты первой русской летчицы. И она никого не разочаровала: ни авиаторов, ни учителей, ни публику. На высоте пятьдесят метров Лидия Виссарионовна чисто выполнила «восьмерки», а потом спланировала и приземлилась в центре обозначенного круга. Восторгу публики не было предела. Летчицу унесли на руках.

Зверева совершила несколько длительных перелетов, собиралась создать летную школу для женщин. Она писала: «Открыв путь в авиацию для русской женщины, я приглашаю следовать за мной к полной победе женщины

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ЛЕТЧИЦА

вая трос. Аэростат стал подниматься.

У Лиды перехватило дыхание: качнулись и поплыли вниз огромные деревья. Заблестела ниточкой речка. Дорога, дома, казармы Осовецкой крепости стали будто игрушечными. А пушистые облака так близко, что, кажется, протяни руку — дотянешься. Далеко внизу, на склонах холмов и оврагов, причудливо ломаются их летящие тени. Замирает сердце. Хочется петь.

Впечатление от подъема на аэростате, зов высоты останутся с ней на всю жизнь. Разве мог знать поручик воздухоплавательного батальона, что содействовал твердому решению девушки посвятить жизнь воздухоплаванию.

Генерал Зверев узнал о полете. Он ко всему привык: к мальчишескому увлечению дочери футболом, велосипедом, к набегам на соседние сады, к шалостям и вольному поведению в гимназии. Но воздухоплавание?! Совсем не женское дело. Нет, он этого не потерпит! Решено: дочь надо немедленно отправить в Петербург под опеку родственников и заставить поступить на женские курсы.

Шел 1910 год. Весь мир увлечен авиацией. В столице проходит международная авиационная неделя. Правда, среди участников единственный соотечественник Николай Попов, остальные — иностранцы-гастролеры. Но среди них есть и женщина! Французка Раймонда де Ларош. Бывшая актриса театра Сарры Бернар окончила летную школу Анри Фармана в Мурмелонне. Раймонда прославилась на состязаниях в Египте: там она завоевала первый приз.

Л. Зверева и В. Слюсаренко в кабине аэроплана.

нированы. По трассе не организованы пункты заправки и обслуживания. Из одиннадцати авиаторов до Москвы долетел только А. Васильев. М. Кампо-Сципио в начале маршрута заблудился, а потом отказался от перелета. Н. Костин совершил несколько вынужденных посадок, причем одну прямо на улице Валдая, а под Торжком разбил аэроплан. Потерпели аварии А. Агафонов, С. Уточкин, Б. Масленников, В. Янковский. Авиатор В. Слюсаренко участвовал в перелете на «фармане» с пассажиром Шиманским. Над деревней Московской Славянка сдал мотор. При посадке Шиманский потерял самообладание, схватился сначала за рычаг управления, а потом обхватил Слюсаренку руками за шею. Аэроплан потерял скорость, перевернулся от порыва сильного ветра и упал вверх колесами. Шиманский был убит на месте, а Слюсаренко отделался легким увечьем.

над воздухом и к уравнению в данном случае с мужчинами». В пригороде Риги ей удастся открыть летную школу и авиамастерскую. Среди учеников школы были и девушки. Однако дела шли не блестяще. В начале первой мировой войны мастерскую свернули, а школу закрыли. Лидия Виссарионовна Зверева умерла от тифа в 1916 году, прожив всего 26 лет.

Но ее короткая жизнь была отдана небу и оставила заметный след в истории отечественной авиации.

В. СМЕЯН,
член секции истории авиации
и космонавтики АН УССР

В ЗАЩИТУ БЕЗЗАЩИТНОЙ ЛОШАДИ

Трое парней из деревни Хотьково, Загорского района, Московской области, оседлав свои мотоциклы, поехали в совхоз «Константиновский», что в сорока километрах. Конечный пункт столь дальнего вояжа — конюшня совхоза, где содержался племенной чистокровный жеребец орловской рысистой породы по кличке Лексикон. Ребята похитили его, и айда вскачь!..

Вопрос: зачем?

Ответ: просто так, «покататься»!

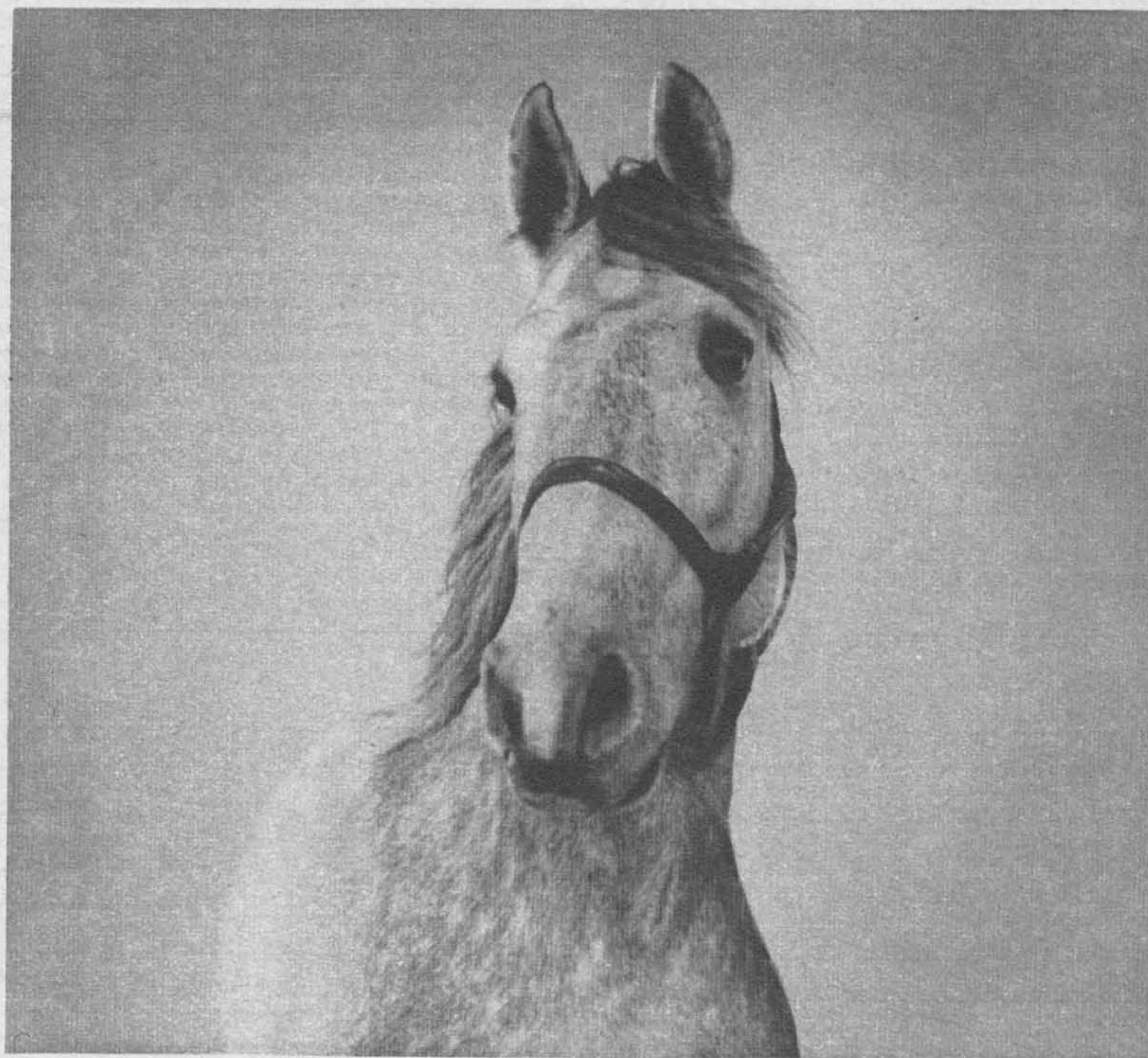
В старину конокрадов не любили особо. Последнее дело было остаться «безлошадным». Всем миром, бывало, бросались в погоню, и горе тому лихоимцу, которого настигали. Нынешний конокрад другой, и отношение к нему другое. Тот угонял для барыша, этот — для забавы.

... А позабавились ребята всласть! Не зря ехали в такую даль. «Ход у Лексикона был страшный!» — с восторгом скажет потом один из лихих наездников, А. Артюшин. Такой «страшный», что на Лексикона, после того как на нем «покатались», было страшно смотреть: живот и ноги в гнойниках, на задних ногах открытые раны, в них копошились черви, и рубцы по всему телу от побоев. Жеребец попался с характером, унижений не терпел — не то что простые рабочие лошади, на которых ребята проходили свою «школу» верховой езды (мать одного из них даже штраф в милицию платила за повторно зарегистрированный угон, а сколько было незарегистрированных?). И его, непокорного, били долго, умеючи и беспощадно, пока не забили до полусмерти. Тогда, зная, что жеребца уже ищут, перевели поближе к дому...

Вопрос: «угнать» или «украсть» — одно и то же?

Ответ: смотря как.

Скажем, если выкрал конягу из конюшни или табуна и продал его, все ясно: вор — получай по заслугам. Если же угнал, покатавшись вдосталь да при этом загнал, избил до полусмерти и бросил в лесу — совсем другое дело: в краже-хищении, то есть в присвоении чужой собственности, или гибели лошади не виновен, а значит, с тебя и взятки гладки. Действующее законодательство не рассматривает угоны лошадей как уголовно наказуемое деяние, даже если лошадь не найдена и судьба ее неизвестна. Вот и получается парадокс: закон гораздо строже охраняет колесную технику, нежели живых лошадей, находящихся исключительно в государственной собственности. За угон мопеда похитителю грозит «срок», за аналогичное деяние с лошадью — максимум штраф. Ну, а если лошадь угнал несовершеннолетний, что в действительности чаще всего и бывает, то караю-

щая десница закона и вовсе опускается: поставят огольца на учет в милиции или в комиссии по делам несовершеннолетних, штрафанут родителей, и весь сказ.

Вопрос: зачем ребята вели изуродованного и безнадежно больного Лексикона поближе к жилью?

Не обольщайся, читатель, в них не проснулось сострадание. Ответ таков: чтобы его поскорее опознали и сдали на бойню, «пока не сдох». Тогда по существующим правилам угонщики могли быть избавлены от возмещения материального ущерба за загнанную лошадь. Лишь бы успели составить акт, пока лошадь не погибла.

Но преступники промахнулись: племенных лошадей, оказывается, не актируют — цена не та, чтобы на конину забивать. Лексикон же по бонитировке был отнесен к классу «элита», имел родословную в пятнадцать колен да балансовую стоимость в пять тысяч рублей. Таких лошадей пытаются спасти всеми средствами, а не удаётся — обязательно устанавливают причину гибели. И установили: железный организм племенного чистокровного рысака не выдержал многодневных избиений и чрезмерной эксплуатации.

И все же гибель Лексикона еще не предвещала похитителям судебного финала. Совхоз объявил себя истцом, «героям» драмы А. Артюшину и С. Филинову предложили возместить материальный ущерб, что за них и сделали их родители. (Третий участник преступления ушел за это время в армию.) Уголовное дело

против Артюшина и Филинова было прекращено прокуратурой Загорска ввиду отсутствия состава преступления. Понадобилось настойчивое вмешательство общественных организаций, чтобы дело было возобновлено и после до следования, длившегося еще год, слушалось в народном суде города Мытищи.

Итак, суд состоялся и наказал виновных. Артюшина приговорили к двум с половиной, а Филинова к трем годам лишения свободы.

Справедливость восторжествовала, но рано ставить точку, читатель. Да, суд был, да, наказал. Правда, учтя молодость подсудимых, заменил лишение свободы на исправительно-трудовые работы в местах, указанных органами МВД, но не в этом суть. Суд в Мытищах — исключение. Окажись на месте Лексикона обыкновенная савраска, все было бы иначе. Ни дела, ни суда, ни наказания. Мы можем это доказать с помощью простой арифметики. Цена рабочей лошади по смете 400—500 рублей, исходя из расчета, что за килограмм сданной конины бойня платит по рубль тридцать копеек. Отсюда вопрос: будет ли хозяйству убыток от загнанной лошади, если на весах она потянет столько, что с лихвой окупит свою сметную стоимость?

Ответ: скорее, наоборот.

А если лошадь не нашлась, пропала? Тоже не беда. Составляется акт за подписью трех членов, заявляющих, что лошадь таковой-то клички, пола и масти была угнана, ее искали совхозные рабочие, не нашли, а посему — спи-

сать ее, родимую, как несуществующую, и вся недолга. Такая практика списания вообще очень удобна. На угон нынче можно списать любую пропажу, а еще лучше — продажу лошади «налево», ведь виновных, как правило, «нет», а следствие не возбуждают. В ряде хозяйств того же Загорского района уже давно перестали учитывать случаи угона лошадей: зачем, когда концы в финотчетах сходятся, а остальное неважно.

Но есть во всем этом и другая сторона дела, не менее важная. Нравственная. Суд в Мытищах вынес свой приговор за угон и умышленное уничтожение племенного орловского рысака-производителя, причинившие экономический ущерб хозяйству и отечественному генотипу чистокровных лошадей. Что ж, выходит, простым лошадям на роду написано быть угнанными и истязаемыми безнаказанно? Но ведь жестокость, доходящая до откровенного садизма, тоже должна быть наказуема! Ничто так не потворствует жестокости и преступлению вообще, как безнаказанность, проверенная на собственном опыте. Есть, правда, одна слабая «защелка» — статья 206 УК РСФСР, предусматривающая ответственность за хулиганские действия, нарушающие общественный порядок. Но лошадей же истязают не в парках, не на многолюдных улицах.

Очевидно, бесполезно взывать к чувству жалости взрослого дилды, если в свои восемнадцать лет он может хладнокровно замучить до смерти умное и полезное живое существо. И, что самое грустное, этот же паренек будет беречь и «холить» свой мотоцикл, на котором он ездит угонять лошадей, потому как свой, денег стоит. Попробуй тронь его — душу вынет.

Кто же за лошадь вступится?!

За собак и кошек «воюют» белый Бим с черным ухом и «этот» Вася, а за сивок-бурок кто? Много уже писалось, что лошадь нынче беспризорна. Мало того — беззащитна. От этого все ее беды.

А вот еще несколько вопросов из писем, поступающих в секцию охраны животных МГООП: почему за разбитое на автомобиле стекло с виновного взыскивают сполна, а за выбитые у лошади глаза ответственность не предусмотрена? Почему взлом замка на конюшне и угон лошади не наказуются, а взлом замка на кошаре и увод овцы — преступление? Добавим к этим вопросам свой: не символично ли в свете изложенного, что такое дело, как охрана животных, до сих пор мыкается в единственной секции, тогда как охрана зеленых насаждений и озеленение городов давно уже в ранге общества?

М. Полис. Род. 1948. РАБОЧИЙ ДЕНЬ НАЧАЛСЯ.

В. Бакшаев. Род. 1945. ПЕРВОПРОХОДЦЫ. БАМ 1979.

ОПЫТ ДРУЗЕЙ

ХОЗЯИН

С. ВЛАСОВ,
специальный
корреспондент «Огонька»
Фото автора

Добруджа для болгарина все равно что для нас Кубань — житница, кормилица. На сотни километров тянется ровная теплая степь, кое-где надрезанная неглубокими оврагами.

Многое повидала эта земля. Здесь еще сохранились древние римские гробницы начала нашей эры. Здесь была первая столица болгарского государства — Плиска. Здесь мудрый хан Омуртаг воздвиг величественный курган в честь источника с ключевой водой, давшей жизнь этому краю, самому засушливому в стране.

Один болгарский поэт сказал о своей родине, что она напоминает ладонь. Так вот, если мы взглянем на карту Болгарии как на ладонь левой руки, то на месте указательного пальца и будет находиться Добруджа.

...Мы прибыли сюда с корреспондентом болгарского журнала «Отечество» Эмилом Елмазовым, чтобы встретиться с дважды Героем Социалистического Труда председателем агропромышленного комплекса «9 Сентября» Минчо Крайчевым. Когда мы приехали в Крушары, центральную усадьбу комплекса, председатель был на пляже. Не зная о нашем визите, он уехал к морю, где расположен пансионат для работников АПК.

Потом я спрошу Минчо Крайчева:

— И вы можете позволить себе в самый разгар полевых работ лежать на пляже?

Председатель улыбнется и скажет:

— Когда работы уже начаты, главное — не мешать. Беспокоиться надо раньше. А теперь все идет своим чередом, каждый из двух тысяч наших работников четко знает свои обязанности и честно их выполняет. Наше хозяйство дает государству чистого дохода около шести миллионов левов, и каждый год наши прибыли растут. Было время, когда мне не хватало и четырнадцати часов в сутки, чтобы сделать все дела, потом не хватало десяти. Теперь я укладываюсь в пять. Основная моя работа окончена: деятельность АПК налажена. Наступило время собирать плоды.

«Моя работа окончена». Это говорит человек, у которого под началом хозяйство, где ежегодно засеивается двести семьдесят тысяч гектаров — пшеница, кукуруза, подсолнечник, фасоль, люцерна, табак и прочие культуры; хозяйство, в котором двадцать четыре тысячи овец, шесть тысяч

коров, триста тысяч свиней, почти полтора миллиона кур...

Пока председатель отсутствовал, его заместитель Петр Попов познакомил нас с комплексом. Вот ремонтный цех для комбайнов, здесь можно чинить тридцать машин сразу, почти половину всего парка. Другие АПК округа возят ремонтировать технику за две сотни километров в Плевен, а Минчо Крайчев добился, чтобы в Крушарах организовали курсы для механиков, и теперь они справляются с самым сложным ремонтом.

Машинный двор полностью заасфальтирован. Он напоминает двор большого завода. Вот склад запасных частей, где на каждый трактор, каждый комбайн заведена особая тетрадь, в которую заносится, какие детали у какой машины вышли из строя. В конце года подводят итоги, и тогда сразу видно, какие машины надежнее. Такие потом и закупают.

— И какие же? — спрашиваю я Попова.

— Советские. Особенно трактор «К-700». Недаром мы закупили почти три десятка этих машин. Если в поле произошла поломка, тракторист может по радиотелефону связаться со складом и запросить необходимую деталь — опять же экономия времени.

Есть в хозяйстве и свой самолет для химической обработки полей, и автобусы, на которых механизаторы и животноводы ездят на работу, как заводские рабочие... Одним словом, мы увидели хозяйство, в котором производство сельской продукции осуществляется самым настоящим промышленным способом.

Таких агропромышленных комплексов в Болгарии много — около двухсот. Они охватывают девяносто процентов обрабатываемой земли и рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве. И все-таки АПК в Крушарах не совсем обычный. Хотя бы потому, что его председатель — единственный в стране деятель сельского хозяйства, дважды награжденный Звездой Героя Социалистического Труда.

Минчо Крайчев стал председателем АПК «9 Сентября» шесть лет назад, с тех пор бежать из хозяйства люди перестали. До него уходили, а теперь вот нет.

— Почему? — спросил я председателя, когда утром следующего дня он встретил нас в тенистом саду, что окружает здание конторы.

— А зачем им уходить? — спросил, в свою очередь, Минчо Крайчев. — Люди бегут оттуда, где о них не заботятся. Я давно понял, что нельзя решать производственные проблемы, не создав людям нормальных условий жизни. Не построив клубы, магазины, кафе, рестораны, стадионы и прочее. Но, даже дав все это человеку, нельзя сказать ему: ну, вот, ты все получил. Надо помнить, что запросы с каждым днем растут, значит, надо иметь резерв для их удовлетворения. Люди должны постоянно видеть, что о них думают, о них заботятся, и тогда уже они не смогут работать плохо, совесть им этого не позволит. Не говоря уж о том, что уходить будет незачем.

Первое, что сделал Минчо Крайчев, став во главе хозяйства, — составил пятилетний план развития АПК, чтобы люди знали, какие в ближайшее время их ждут перемены. Прежде всего он распорядился начать строительство пансионата на берегу моря. Мы видели этот пансионат. Не у всех крупных промышленных предприятий есть такие.

Потом построили несколько великолепных трехэтажных домов

со всеми удобствами для тех, кто нуждался в жилье. В каждом из семнадцати сел, даже в самом маленьком, построили (если их не было) магазин и клуб, или, как его здесь называют, читальще. Это своего рода культурный центр с кинозалом, библиотекой, салоном для новобранцев, залом для танцев, с кружками художественной самодеятельности...

— Забытых сел у нас теперь нет, — говорит Минчо Крайчев, — потому что это значило бы — забытые люди. А на забытого человека как на работника я рассчитывать не могу.

Одновременно строили подстанцию — все дома теперь электрифицированы; улучшали дороги, сегодня между селами нет ни одной грунтовой дороги, все ас-

Минчо Крайчев.

фальтированы. Построили пионерлагерь, два детских сада, конноспортивную базу, открыли дискотеку для молодежи и даже исторический музей (в его залах особенно ясно видишь, какие разительные перемены за тридцать последних лет произошли в жизни Крушар, в еще совсем недавно богом забытом селе). В Толбухино, окружном центре, где учатся школьники старших классов, построили общежитие.

И только после того, как были созданы нормальные условия жизни для людей, стали благоустраивать коровники и помещения для машин.

И люди потянулись к Минчо Крайчеву. Нередко издалека приезжают. Тем, кто не может сам построить дом, хозяйство помогает материалами, рабочей силой. Минчо Крайчев хорошо знает, что значит для крестьянина добрый дом. Его отец о таком доме всю жизнь мечтал, хотя всю жизнь работал от зари до зари, гнул спину на хозяйев. Минчо был его первым помощником, с раннего детства познал он нужду, голод, на собственной шкуре испытал тяготы непосильного труда.

Революция 9 сентября 1944 года перевернула судьбу болгарского крестьянина. Она дала ему свободу, землю и крылья. Минчо Крайчев, в прошлом простой батрак, стал организатором первых коллективных хозяйств, теперь он хозяин поля в двести семьдесят тысяч гектаров.

Тридцать лет он руководит хозяйствами и всегда выводил их из числа отстающих в передовые, в лучшие. Так было в Овчарове, где он получил первую звезду Героя, так было в Тервеле, где его АПК был награжден орденом Георгия Димитрова, а сам он — второй золотой звездой. Так и теперь: АПК «9 Сентября» — образцовое предприятие сельского хозяйства Болгарии.

В чем же секрет руководства Минчо Крайчева?

— Я давно понял, — говорит он, — что наивно делать ставку только на мораль, только на сознательность человека. Нужны стимулы. Материальные, моральные — любые, лишь бы человека постоянно что-то подталкивало честно выполнять свои обязанности. В распоряжении у социалиста есть прекрасные стимулы, только мы не всегда их используем. Чтобы, например, уменьшить текучесть кадров внутри хозяйства, мы внедрили такую систему поощрения: чем больше человек работает на одном месте, тем большую прибавку к зарплате получает. Проработав свыше десяти лет на ферме — получаешь двадцать процентов прибавки, а если перешел в строительство, то прибавка начисляется сызнова. Теперь у нас люди практически закреплены за своими рабочими местами. В наших законах есть пункты, предусматривающие такое материальное поощрение.

В АПК восемь бригад, все они на внутреннем хозрасчете. Если один кто-то работает плохо, это сразу сказывается на заработке остальных. Лентяй вызывает на собрание бригады, говорит с ним по душам. Если это не помогает, сообщают в правление АПК. А там есть свои меры воздействия. Работника могут лишить премии, путевки в пансионат, лишить помощи в его личном хозяйстве (а эта помощь может быть самой разнообразной: транспорт, удобрения, рабочая сила, фураж...). Для хорошего же работника есть всеческие способы поощрения: бесплатные экскурсии по стране, поездки за границу, премии, награды. Хорошо работать намного выгоднее, чем плохо.

Как-то, лет двадцать назад, довелось Минчо Крайчеву встретиться с американским экономистом, который изучал сельское хозяйство социалистических стран.

— Я думаю, — сказал американец, — что земли и у нас и у вас примерно одинаково богаты. Но мы, капиталисты, свои богатства держим вот так. — И он, набрав полные ладони зерна, крепко сжал их, ни одно зернышко не упало на землю. — А вы свое богатство почему-то держите вот так. — Он разъединил пальцы, и зерно тонкими струйками потекло между ними.

Ничего нового для себя Минчо Крайчев тогда не услышал. Он и сам знал, что главная задача — избавиться от потерь. Легко сказать, но как сделать? Почему у американского фермера зерно не сыплется между пальцев? Потому что оно у него свое. А у нас раз-

ве чужое? Тоже вроде свое, да только каждый думает, что не он последний. Что за ним непременно стоит сосед, он-то и подберет, поддержит, подчистит.

Вот уже тридцать лет борется Минчо Крайчев с таким отношением к народному добру. Когда он пришел в АПК «9 Сентября», здесь не было четкого распределения обязанностей между работниками. Один и тот же механик, например, ремонтировал комбайны всех марок. Теперь все механики разбиты на группы, каждая из которых занимается ремонтом только одной какой-то марки машин.

И так во всем и везде — на фермах, на стройке, в поле. Труд строго дифференцирован, нет круговой поруки. Каждый отвечает за свой участок работы, каж-

ром, со своей психологией, а главное — со своими способностями и талантами. Свою первейшую обязанность председателя я вижу в том, чтобы помочь каждому раскрыть свой талант. Я убежден, что нет двух людей, которые бы делали одну работу одинаково. Один непременно чуть-чуть, да лучше. В бригаде обязательно найдется человек, который лучше остальных, например, посеет кукурузу, значит, у него к этому особое предрасположение. Разве можно такой факт оставить без внимания! Надо предоставить человеку возможность развить свои способности. Как? Сделать его специалистом в бригаде только по кукурузе. Дать ему возможность изучить все, что связано именно с этой культурой. Отправить его на курсы. Назвать его,

В таких домах живут работники АПК.

дый человек на виду, никто не может спрятаться за спину другого. Это повышает ответственность каждого, а значит, уменьшает потери.

На личной ответственности работников в хозяйстве построено очень многое. Например, у каждой машины в АПК есть своя расходная книга, куда ежедневно заносится расход бензина в зависимости от перевезенного груза и пройденных километров. Если шофер истратил больше нормы, то у него вычитают из зарплаты; если сэкономил, он получает премию.

Или еще пример. Пашню в хозяйстве поделили на участки и каждый из них закрепили за отдельным механизатором. А для большей наглядности сделали крупные фотографии механизаторов и установили возле их участков. Это сразу повысило качество полевых работ: никому не хочется видеть свой портрет рядом с плохо обработанной землей. Нередко и дети приезжают посмотреть на поле своего отца — разве сможешь тут халтурить, работать спустя рукава!

— Успеха можно добиться, если делать ставку на отдельно взятого человека, — говорит Минчо Крайчев. — Коллектив — это не толпа, а сумма индивидуальностей. Каждый со своим характе-

рестом, пусть послушут, королем кукурузы. И он станет настоящим королем, он станет хозяином. Хозяином своего кукурузного поля. Это уже будет не то поле, за которое отвечают все и никто. Это будет его поле, ибо там посеяна частица его таланта, его сердца, его мысли...

Такой посев дает хорошие всходы. За последние пять лет двести сорок механизаторов АПК изменили свою квалификацию в соответствии со своими наклонностями и пристрастиями. Для этого Минчо Крайчевым были созданы специальные курсы переквалификации. Двести сорок крестьян стали «королями» — королями своего дела. Это специалисты высокого класса. Это люди, которым дарована возможность раскрыться, утвердить себя на земле.

В АПК «9 Сентября» царит атмосфера, в которой каждый труженик чувствует себя хозяином всего, что дала ему революция. В хозяйстве собирают богатые урожаи. Пшеницы, например, пятьдесят центнеров с гектара. Но как измерить урожай, посеянный в душе болгарского крестьянина новой жизнью, умом и талантом людей новой формации, таких, как Минчо Крайчев!

Поле засеяно. Пришло время собирать плоды...

Добруджа — Москва.

НО НЕ

Арфа — одно из древнейших, прекраснейших созданий человеческого гения. Самый образ ее — даже когда она молчит — выражает гармонию, в ней затаенную, уж не говоря о завораживающей магии переливчатого журчащих струн. Музыка, ею даруемая, есть воплощение женственности и доброты, и эти именно качества арфы представила на встрече в редакции нынешняя студентка Московской государственной консерватории Вера Данилова, портрет которой читатели журнала могут видеть на нашей обложке.

История, предшествующая портрету, начиналась, однако, не с арфы. Началась она мимолетной беседой, какие обычно ведутся в гостях, где друзья наших друзей говорят о том о сем. Тут и зашел разговор о мальчике, который не «просто так» обучается музыке, не только лишь потому, что нынче это «модно», а вроде бы избрал музыку единственным своим назначением.

Оказалось, что мальчик находится тут же, среди гостей. И хотя был он вовсе не мальчик, а юноша, — в общий гул беседы не вмешивался, все больше помалкивал. Он оттаял и потеплел, когда мы заговорили о главном для него — о музыке. Тут мой собеседник преобразился. С горящими глазами стал рассказывать Коля Григоров о товарищах своих, которые вместе с ним обрели свою судьбу, свою сбывшуюся мечту, оказав-

шись в стенах старейшего в Москве музыкального училища при Консерватории — ну того самого, вы знаете, конечно, — что находится в Мерзляковском переулке, возле Никитских ворот...

Училище — ступенька в святая святых, в самую Консерваторию. Разумеется, возможная лишь для тех, кто окажется достоин, сумеет достичь, преодолеть... Но все они только этим и живут, — говорил Коля. — Только об этом мечтают с первых дней первого курса вплоть до выпуска...

В нынешнем году училищу исполняется девяносто лет. Большая, серьезная дата. Возглавляет училище опытейший организатор и педагог Лариса Леонидовна Артынова.

На другой день я обратилась к Ларисе Леонидовне с просьбой встретиться в «Огоньке», в нашем творческом клубе, рассказать о жизни студентов, показать их работы — пусть в небольшом, скромном концерте. Артынова согласилась не сразу. Она противник рекламы. А если к тому же реклама сопровождается шумным, иногда грохочущим на западных манер «показом» молодых талантов, то, на ее вполне справедливый взгляд, таланты эти почти всегда преждевременно вянут...

Училище существует на незыблемой основе давних традиций, завещанных основоположниками русской музыкальной классики.

П Р А В О Н

Ирина ПИРОГОВА

Предположим, вы актер. Более или менее заняты в репертуаре своего театра. Играете в спектаклях, определенных вкусом главного режиссера, актуальными проблемами современности. Вы, разумеется, не претендуете на то, чтобы при выборе очередной пьесы постановщик ориентировался исключительно на вас, считался с вашими планами. Актеров в труппе много. На всех ни пьес, ни сценического времени не хватит. Но что же вам делать, если время вашей личной сценической жизни, в сущности, так коротко и необратимо: хочется играть много; покоя не дают мечты о героях, которых вы могли бы явить миру; если вас влечет поэзия театра в ее многообразных, всегда увлекательных проявлениях?

В некоторых театрах, правда, существуют «малые» сцены. На них реализуют свою творческую энергию такие вот энтузиасты — с разной степенью успеха и преодолевая многие препятствия. Но поставить спектакль, оказывается, полдела! Сколько раз он может быть сыгран, если нет в театре подходящего помещения, если спектакль «выпадает» из основного репертуара и холодно встречен дирекцией; если не имеет рекламы; если лишается то одного, то другого исполнителя, занятого на «большой» сцене?..

Известно немало печальных слу-

чаев, когда спектакль, родившись в муках на «малой» сцене, тихо умирает, не успев даже дойти до зрителя.

И все-таки сложный вопрос не так уж неразрешим. Ответ предлагает молодой ленинградский театр «Эксперимент», созданный два года назад под эгидой Ленконцерта. Пока у него нет своего помещения, нет (и не будет?) своей штатной труппы. Но в системе прокатных организаций он занимает особое место. Его творческий коллектив — ленинградские актеры разных поколений и сценических школ — объединены горячим желанием воплотить в жизнь свою творческую мечту, довести задуманное дело до конца. Сюда можно прийти со своей, пусть даже еще сырой, незавершенной работой при главном условии, что она значительна по замыслу, оригинальна по воплощению и социальна по звучанию, способна вызвать в людях душевный отклик, затронуть их гражданское, нравственное начало, одарить красотой и фантазией, добротой... Этой благородной цели служат поэзия, проза, публицистика, драма, балет, пантомима, музыка, фольклор, сценография... Но здесь абсолютно неприемлемы суетное оригинальничанье, премьерство, претенциозный формализм и холодное кокетство, спекуляция талантом.

Заявив о себе в «Эксперименте», актер должен быть готов к трудной работе над любимым произведением или ролью, над самим собой; к беспощадной требовательности и самоотречению, к постоянно-

ТОЛЬКО ОБ АРФЕ

Эти традиции не просто важны, но поистине драгоценны сегодня, когда столь часто в искусстве спорят между собою вкусы и взгляды, поистине взаимоисключающие. Законы нынешней жизни училища во многом определены еще мыслями Чайковского, Танеева, утверждавших высоту нравственных стремлений, энтузиазм, как обязательную сторону воспитания музыканта. И как неприменную черту его подлинной принадлежности избранному искусству, требующему неустанного, подвижнического труда...

К нам в «Огонек» приехали Лариса Леонидовна Артынова, ее заместитель Александр Иванович Лагутин и молодые их питомцы, представители чуть ли не всех жанров и видов музыки (кроме органа, разумеется, которому, кстати, решил посвятить себя мой знакомец Коля Григоров).

— Что же дают и что им практически дали годы обучения? Почему наши молодые гости решили профессионально учиться музыке?

— К серьезной музыке сегодня влечет прежде всего неизмеримо возросшая культура народа. Музыка по-своему идет впереди других искусств. Для многих людей она гораздо доступнее и ближе, чем даже книга... Музыка нужна всем! Конечно, хорошая музыка... Кончая училище, студент уже знает, кем он будет: артистом или педагогом музыкальной школы. Но и в том и в другом случае он обязан

служить искусству, воспитывать красотой искусства.

Ежедневный, непрерывный труд, — вот что такое жизнь студента в училище. Конкурс на лучшее исполнение, конкурс на импровизацию, конкурс на чтение нот с листа... Труд бесконечен. Но те, кто воистину нашел себя, кто утвердился в своем призвании, преодолевают все. В училище не только москвичи, не только молодежь из Подмоскovie. Тут представлено множество городов нашей страны, почти все республики. Студенты дают до полутора концертов в год. Бывают концерты даже в Консерватории — и в Малом и в Большом залах! И, конечно, на предприятиях Москвы, во многих селах... Давние ученики встречаются с нынешними; это всегда и всем особенно интересно. Ведь училище в Мерзляковском переулке окончили, например, Кабалевский, Сиянская. Да всех знаменитых выпускников не перечислишь! Эти встречи усиливают интерес и тяготение к глубокой, настоящей музыке...

Мы у себя в «Огоньке» не только слышали, но словно еще и «увидели» воочию эту молодую музыку. Увидели, как она — уже «без пота», уже свободно и одухотворенно сотворяется студентами.

Они привезли серьезный концерт. Мендельсон, Сен-Санс, Дебюсси, Барток, Лист, Прокофьев... Звучали фортепиано, скрипка и

виолончель; звучала великолепная арфа; лирично звучали, как мягкое, нежное пение, труба и другие духовые инструменты; звучали радующие чистые голоса в больших сольных ариях; прекрасно выступил струнный квартет...

Лариса Леонидовна, седоволосая, худенькая, и в то же время — живой сгусток энергии, не спускает внимательно-строгих глаз со своих подопечных.

Вот Николай Лилихалик... Исполняет Мендельсона «Если должны расстаться». В прошлом — слесарь. В будущем — артист. Пожалуй, волнуется, — едва заметно подрагивают руки. А голос звучит свободно, мощно...

Лукинов Дмитрий... Думается, еще один незаурядный музыкант. Композитор. Исполняет сонату для фортепиано собственного сочинения. Демонстрирует при этом отточенную, уверенную технику пианизма...

И как не закончить этот, пусть не полный, рассказ об училище арфой выпускницы Веры Даниловой.

Ученица народной артистки СССР, знаменитой Веры Дуловой, Вера Данилова, как это ни покажется невероятным, избрала арфу (или арфа избрала ее) еще в пятилетнем возрасте. Девчушка так и этак «прилаживалась» к инструменту, слишком тогда для нее громоздкому; упрямо пыталась крохотными, слабыми пальчиками подчинить неодолимо притягива-

ющие ее, прямо-таки колдовские струны... «Девочкой-щипалочкой» прозвали в ту пору соседи маленькую Веру, изумляясь упорству и таланту ребенка, чья сущность определилась вдруг так эмоционально. И так властно... Сегодня она — уже консерваторка, способная давать свои сольные концерты.

...Для всех, с кем познакомило нас училище, музыкальная классика определяет еще и некую особую эстетику, — особую красоту внешнего облика, сообщая студентам сдержанную изысканность, благородство. А дается это не легкой повадкой, не «фасонистой» одеждой, не лохматой прической: только внутренним состоянием. Личностными качествами... Мы увидели у себя в гостях не наспех сколоченный ВИА, не «лабухов» — есть такое гнусное слово, пахнущее грязной подворотней, хотя и обозначает, увы, людей, пусть кое-как, но владеющих музыкальными инструментами...

Нет, нашими гостями были люди из особого, духовного мира настоящей, большой музыки.

Встречу вела Н. ТОЛЧЕНОВА

А П О И С К

му поиску. Это — второе условие, неотделимое от первого. Это закон жизни театра, который Виктор Харитонов, художественный руководитель, выверил опытом собственной жизни.

Надо быть человеком незаурядной творческой энергии, истинного подвижничества и целеустремленности, чтобы, отказавшись, как Харитонов, от стабильного благополучия в труппе Академического театра комедии, упрямо идти к своему «Эксперименту». Идти, не обольщаясь сиюминутными комплиментами изменчивой критики и не робея от ударов судьбы. Вот только один пример. Приглашенный на премьеру спектакля «Балаган» доктор медицины был изумлен, увидев, что все двадцать ролей в спектакле играет его бывший пациент, которому еще три года назад он предрек уход из театра по здоровью: на репетиции Виктор Харитонов повредил позвоночник. Выпавший из больницы, он лечился... акробатикой и убежденностью, что возвратится в театр! И вот, сочинив грандиозный спектакль, яркий и необычный, веселый и грустный, о двух поэтах — Аполлоне Григорьеве и Беранже, об их тернистом пути к людским сердцам, о всепобеждающей силе поэзии и красоты народного духа, Харитонов играет целое ярмарочное представление. В образах русского скомороха и французского Пьеро он танцует, жонглирует, водит кукол, показывает фокусы, прыгает, «оживляет» вещи... Перед зрителями предстал не только виртуозный актер, —

это само собой. Предстал артист: личность, публицист и мыслитель, страстный проповедник ее величества Поэзии.

«Эксперимент» — в своей основе поэтический театр, современный и по тематике и по осмыслению вечных тем: добра и зла, войны и мира, любви и равнодушия. Так родился, например, спектакль из цикла «Портреты ленинградских писателей». Сюжетом стали биографии поэтов-современников, чья жизнь и творчество отражают жизнь народа, построившего новый мир, свершившего великий ратный подвиг, упрямо идущего к светлой цели нелегким и неизданным путем. Драматичен и прекрасен образ Ольги Берггольц в исполнении Татьяны Тарасовой. Здесь выбрано главное: страстная любовь к жизни и незатухающая боль потерь, вера в родной народ и ненависть к врагам, строгая чистота художнической совести, благоговение перед родным Ленинградом... Мужество длиною в жизнь — лейтмотив этого волнующего спектакля. Виктор Харитонов также привносит в него дыхание времени, неповторимость интонаций. Рисуя образ поэта и человека, он не только рассказывает о нем, — он вступает в сценический диалог с ним, как бы продолжая строки Михаила Дудина, звучащие в радиозаписи. Он бережно и тонко «обыгрывает» воспоминания, увлечения поэта и создает эффект его присутствия для всех, кто находится в зале. И снова встает Ленинград — драгоценнейшая частица Родины и Поэзии.

Сцена из спектакля «Перпетуум-мобиле».

А вот совсем иной по художественной стилистике спектакль: «Вариации несбывшейся мечты», посвященный Ленгстону Хьюзу, выдающемуся негритянскому поэту Америки. Создатели обозначили его, не смущаясь необычностью звучания, как «эстрада-опера-балет-пантомима». Соединив эти разные жанры, они стремились объемно, красочно показать мир идей и образов Хьюза, озвучить песни души героя, увидеть его глазами горе и радость родного народа да и всей планеты. И донести до нас страстную ненависть к миру зла. Стремительность и трагизм, бунтарство и отчаяние, сострадание к угнетенным и любовь к жизни пронизывают хьюзовские зонги, балетные композиции, фрагменты пантомимы... Наверное, здесь не все равноценно: пластический рисунок спектакля уступает дина-

мичным строкам Хьюза, падающим в зал тяжелыми каплями крови и слез. Но главная цель достигнута. Спектакль звучит колоколом надежды и тревоги за судьбы мира, находя отклик в сердцах зрителей.

Без издержек в таком пути театра не обойтись. На то и «Эксперимент». Постоянный поиск неповторимой атмосферы каждого спектакля. Сейчас их уже больше двух десятков, но не найдется и двух похожих.

«Эксперимент» размышляет о ценностях жизни, борется, мечтает, любит... Порой улыбается.

«Эксперимент» длится... И смело можно предсказать ему счастливую будущность. Только надо, чтобы он не изменил себе: сохранил творческую одержимость и мужество. Они всегда нужны, если идешь первым.

Рассказ «До самой смерти» принадлежит к северному циклу и относится к числу ранних рассказов Джека Лондона. Он был опубликован в 1900 году, в самом начале его творческого пути, в журнале «Ивнинг пост мэгэзин», издававшемся в Сан-Франциско. И с тех пор до середины семидесятых годов не переиздавался, о нем забыли.

Дело в том, что фабула его была использована Лондоном восемь лет спустя для другого рассказа. Он-то и включался впоследствии в собрания сочинений писателя.

Зрелый и опытный художник в новом варианте мастерски развернул сюжет, начав, собственно, с конца, введя рассказчика, насытив новеллу другими деталями, которые, как веточки, украсили ствол фабулы, подробнее — поистине с изяществом — раскрыв мотивы действий персонажей.

Некоторые читатели, возможно, захотят перечитать этот второй рассказ. Он называется в русском переводе «Золотая Зорька» и неизменно входит в собрания сочинений Лондона.

Известен еще один случай дважды рассказанного рассказа Джека Лондона: подобное же повторилось с новеллой «Разжечь костер».

На русском языке рассказ «До самой смерти» публикуется впервые.

Джек ЛОНДОН

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

Быть может, так произошло просто по совпадению, а может, все же существуют какие-то невообразимые связи между живыми и мертвыми, а может быть, Бэт Морганстон интуитивно предчувствовал будущее, когда он внезапно повернулся к Фроне Пэйн и спросил:

— До самой смерти?

Фрона Пэйн на мгновение растерялась. По своей неглубокой натуре она не в состоянии была понять всю силу любви сильного мужчины, для таких вещей в ее непостоянном характере не было места. Однако она все же настолько хорошо знала мужчину, чтобы преодолеть свое желание улыбнуться, поэтому она взглянула на него своими серьезными детскими глазами и, положив руку на могучее плечо своего друга, ответила:

— До самой смерти, Бэт, милый.

А он, прижимая ее, не совсем уверенную, к своей груди, пылко воскликнул:

— А если это случится, я приду к тебе даже после смерти, и ни один смертный не посмеет встать между нами!

«Какая ерунда», — подумала она, когда он отпустил ее, наблюдая, как он отъезжал своих собак. Он был поистине хорош, разбираясь среди этих диких зверей, отпихивая одного и толкая другого, молотя кулаками направо и налево и выпутывая их из замерзших постромков, пока вся упряжка не стала как надо. Разрумянившееся от крепкого мороза его гладко выбритое лицо говорило о силе и упорстве. Его каштановые волосы, густыми шелковистыми прядями ниспадающие на его плечи, вероятно, более всего, нежели остальные его достоинства, вместе взятые, способствовали его бурному успеху у женщин. Но и мужчины, окинув его взглядом сверху донизу, все шесть с лишним футов его мускулов, от подошвы мокасин до макушки его сшитой из волчьих шкур шапки, — они признавали его мужчиной. На то они и были мужчины.

Смущаясь, она скромно поцеловала его раз, два, а потом и в третий раз; потом он ударил шестом по саням и погнал собак, как только

завязный погонщик умеет их погонять, и покати по плоскогорью к главной речной тропе. Полуденное солнце, пробираясь по снежным вершинам к югу, превратило тонкие морозные кристаллики в сверкающую драгоценностями ослепительно прозрачную ткань, вот в ней и растворился Бэт Морганстон, направлявшийся по Юкону к Сороковой миле. А там он слыл королем благодаря богатой пыли, которая появилась у него после томительных лет, что он провел в мрачных краях за Полярным кругом. В Доусоне же ему нечего было делать. Здесь он не владел ни футом золотоносного песка, не был он в восторге и от здешних обитателей — от этих чечак, кинувшихся сюда, словно шакалы, и погубивших те добрые старые времена, когда люди здесь были людьми и каждый человек был тебе братом. Фактически единственным поводом его пребывания здесь, и притом недолгого, была Фрона. Он запряг своих собак и погнал их по льду, чтобы повторить свое предложение, сделанное прошлым летом, и договориться о ближайшем сроке. Итак, они поженились в июне, и он с легким сердцем возвращался к управлению своими шахтами. Июнь! Промывка обещала быть богатой, он продаст ее, а потом Штаты, Париж, весь мир! Нет, конечно, у него оставались кое-какие сомнения, как и у большинства мужчин, оставляющих на время красивых женщин; но прежде чем он добрался до Сороковой мили, его сомнения исчезли, а к тому времени, когда, охотясь на лося, он простудил легкие и месяц спустя умер, он уже был в блаженном состоянии неколебимой веры.

А Фрона, помахав ему на прощание, тоже с легким сердцем вернулась в хижину отца; в тот момент и она совершенно не сомневалась. У нее не было никаких сомнений. Все решено. В июне они женятся. Перспектива отнюдь не выглядела неприятной. По правде говоря, ей она даже нравилась. Люди о нем были самого высокого мнения, это партия, которой не следовало стыдиться. И, кроме того, он был богат. Знающий народ утверждал, что полмиллиона он мог намыть во всяком случае, а если в одно прекрасное время его долю на Американском ручье превратить в капитал, то, как считали, он может стать вторым Макдональдом. Ну, а это означало многое, потому что Макдональд был богатым на Севере золотоискателем, и, по самым осторожным подсчетам, его капитал оценивался цифрой в несколько миллионов.

А теперь да будет вам известно, что преступление Фроны Пэйн было преступлением поступка, хотя фактически преступлением и не являлось. Тогда между Сороковой милей и Доусоном почтовые упряжки не ходили, а поскольку золотодобыча Бэта Морганстона была расположена в сотне миль от Сороковой мили, в глубине дикого морозного края, то известие о его смерти вверх по реке не дошло. И так как он обещал писать лишь в самом крайнем случае, если на его разработках не-

нароком подвернется непредвиденная оказия, то она в его молчании ничего не заподозрила. Судя по всему, она полагала, что он жив. Поэтому совершенное ею преступление действительно было проступком.

В природе нет такого метода, с помощью которого можно было бы проанализировать женскую душу, нет и мерки, на основании которой можно взвесить ее мотивы, поэтому не существует причин, объяснивших бы нам, почему Фрона Пэйн через три месяца после прощания с Бэтом Морганстоном отдала свою руку и сердце Джеку Крелину. Правда, Джек Крелин был королем Серкл-сити, владевшим лучшими заявками на Березовом ручье; однако уважаемые люди из тех мест его ценили невысоко, единственными его поклонниками были новички из подхалимов, подобострастно помогавших добывать его желтый песок. Причиной, по-видимому, было то обаяние, которым он обладал, и скорее всего все произошло в результате интуитивного порыва двух неглубоких душ. Как бы то ни было, но они договорились пожениваться в июне, поехать в Серкл-сити и зажить попросту, как это принято на Севере.

В этом году Юкон вскрылся рано, и по сему важному случаю речной пароход «Кассиар», капитаном которого был ее брат, намечал отплыть раньше. «Кассиар» имел одновременно счастье и несчастье стать и судном сокровищ и санитарным судном. В своих железных трюмах он вез на пять миллионов золота, а в своих каютах — более сотни искалеченных и больных. И, кроме того, на нем плыли купцы и хозяева этого края, возвращавшиеся после зимних забот и развлечений в Доусоне. Среди них, предвосхищая ближайшее событие, были записаны мистер и миссис Джек Крелин. Из-за того, что калеки и больные стонали и причитали слишком громко да и отправители золота бранились на высоких тонах по поводу задержки, «Кассиар» вынужден был отчалить досрочно, так что мистер и миссис Джек Крелин все еще оставались женихом и невестой.

— Ничего, Фрона, — сказал ее брат, — устроивайтесь на борту, а я позабочусь об остальном. На Сороковой миле к нам сядет отец Махан, и не успеете вы сказать «Прощай, Серкл-сити», как станете единым целым.

Грузовые, котельные инспектора и докучливые страховые агенты в ту пору еще не проникли в сумрачные владения Севера. Набитый пассажирами (словно сельди в бочке), их имуществом и грузами, «Кассиар» отдавал швартовы вдали от их путей. По всему судну шныряли волкодавы, чья работа начинается и заканчивается со снежным покровом, до крайности драчливые в летнее время, от безделья они грызли друг с другом по малейшему поводу. Рослые тощие индейцы с Верхней реки облегчали свои тугие кошельки, прилагая храбрые усилия обыграть белого человека в состязаниях за свой шанс, или же надругались над своим организмом с помощью виски, которое им продавали по тридцать долларов бутылка. Среди пассажиров была группа монголоидных мельмутов и иннуитов, добравшихся с Большой дельты — две тысячи миль отсюда; звучала нестройная речь и менее известных народностей. На Север посылали своих сынов разные нации мира, а они говорили на множестве языков. Короче говоря, на попечении брата Фроны Пэйн находился настоящий плавающий Вавилон, который он уверенно вел через не отмеченные на карте дикое края, по лону ворчливых вод, ибо могучий Юкон повысил свой голос и сердито бурлил, перекачиваясь от одного скалистого края к другому. Немало дней требовалось накопившемуся за девять месяцев снегу, чтобы пронестись мимо его берегов, путь до океана был далек.

На Сороковой миле на палубе появились новые пассажиры и новый багаж. Вместе с пи-

ДО САМ

лигримами был и отец Махан, а среди груза находился некрашенный сосновый ящик, размерами соответствующий общеизвестному последнему приюту человека. В обыденной суете на мертвых мало обращают внимания, поэтому тот ящик пихнули поверх груды багажа, сваленного на палубе «Кассиара». Но Бэту Морганстону, пролежавшему до погрузки на пароход в просторной ледяной пещере, теперь это было безразлично. Да и всем было безразлично. Здесь не было никого, кто бы горевал о нем, если не считать огромного волкодава, для которого удары хозяйского бича все еще оставались приятной памятью. На борт пес пробрался незаметно и, прежде чем отдал концы, занял свое привычное место возле своего хозяина, наверху груза. Волкодав был так свиреп и так угрожающе обнажал свои клыки, что остальные собаки, бывшие на борту, обходили его стороной, предпочитая оставить его вместе с мертвецом в покое.

Все каюты были забиты больными, поэтому бракосочетание начали на душной палубе. Приближалась полночь, однако солнце, красный и недобрый его диск на севере, почти у самого горизонта, все еще посылало косые свои лучи. Фрона Пэйн и Джек Крелин стали бок о бок, и отец Махан приступил к цер-

монии. С кормы слышалась ругань, там с полдюжины игроков затевали драку; но основной человеческий груз сосредоточился вокруг главного события. Здесь же вертелись и собаки. Все бы шло хорошо, не начни лабрадорский пес искать удобное местечко для обзора на куче груза. Он путешествовал множество раз, неоднократно переносил голод и холод, сотни раз дрался и поэтому не ведал страха. Свирепый вид собаки, бдительно сторожившей сосновый ящик, его заинтересовал. И, сверкая своими оскаленными клыками, он пополз к ней. Щелкая зубами и рыча, псы сошлись. Небрежно уложенный груз под ними зашатался.

Как раз в этот момент отец Махан благословлял тех двух, которые отныне становились единым целым. И Джек Крелин торжественно произнес:

— До самой смерти.

— До самой смерти,— повторила Фрона, и ее мысль вдруг обратилась назад, к тому человеку, который некогда сказал эти слова. На миг она почувствовала искреннее раскаяние и укоры совести за его содеянное. А в этот момент два пса сомкнули в смертельной схватке свои пасти, и длинный сосновый ящик накренился на вершине пирамиды. Муж успел

оттолкнуть Фрону, потому что ящик падал стоймя. Он ударился и раскололся, крышка отлетела в сторону, и Бэт Морганстон встал прямо на свои ноги как живой, и солнце за-сверкало в его шелковистых каштановых локонах, и он стал наклоняться вперед.

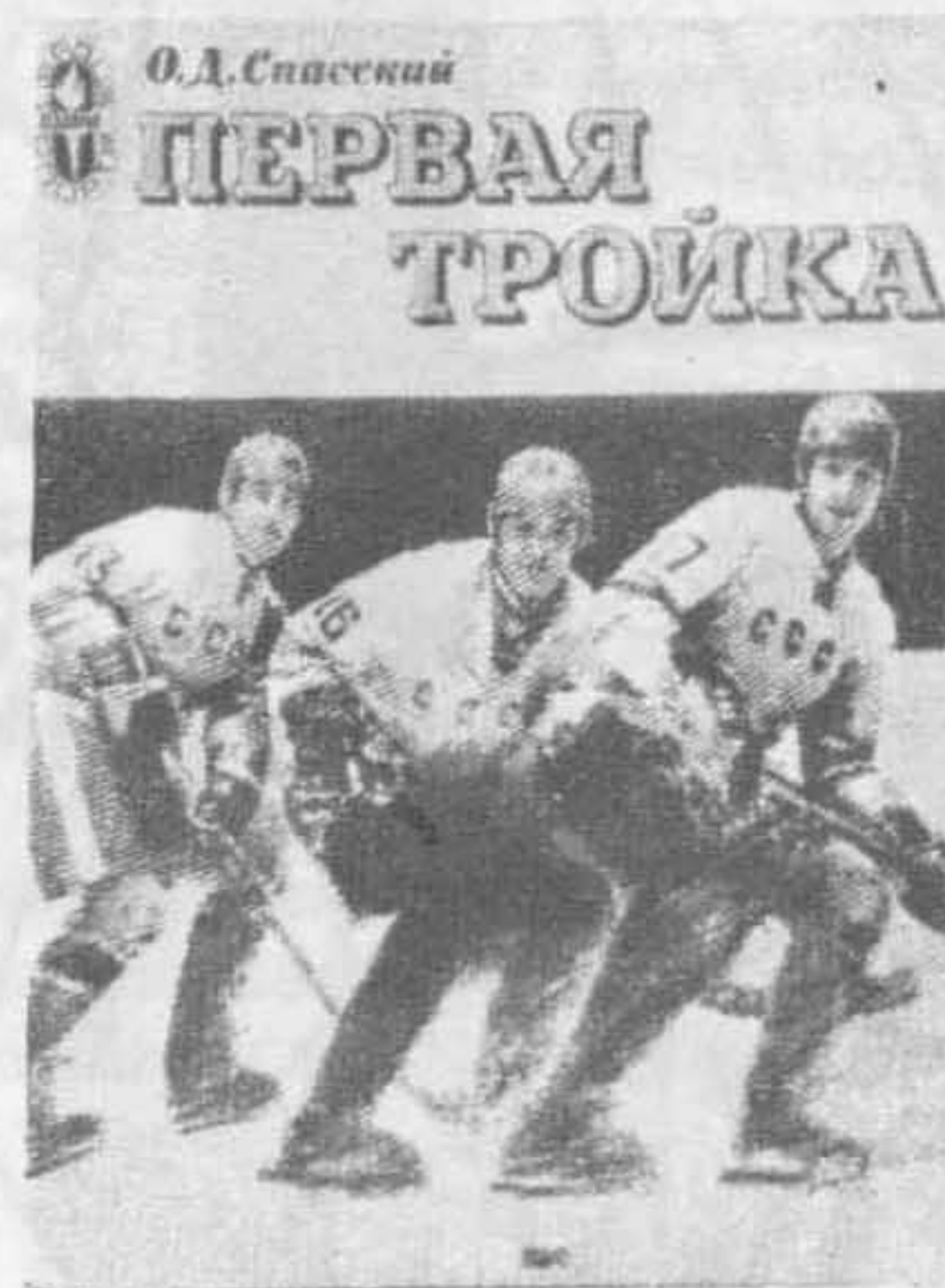
Все произошло так внезапно. Некоторые утверждают, что его губы приоткрылись в странной улыбке, что он обвил своими руками Фрону Пэйн и держал ее, пока вместе они не упали на палубу. Но это представляется невероятным, если иметь в виду, что человек был мертв; однако нашлись и такие очевидцы, которые готовы были поклясться, что именно так все и было. А Фрона Пэйн страшно визжала, пока ее вытаскивали из-под трупа ею обманутого возлюбленного, и не переставала визжать до самого причала в Серкл-сити.

А слова Бэта Морганстона сбываются и сегодня; если хотите, поезжайте через горы, что лежат за Серкл-сити, там вы увидите рядом с хижиной могилу. В одной обитает Фрона Пэйн, в другой — Бэт Морганстон. Они ожидают друг друга, того дня, когда их оковы падут и труба судьбы разорвет безмолвие Севера.

Публикация и перевод с английского
Вилия БЫКОВА.

О И С М Е Р Т И

ПОВЕСТЬ О ХАРЛАМОВЕ И ЕГО ДРУЗЬЯХ

Документальная повесть о знаменитой хоккейной тройке Борис Михайлов — Владимир Петров — Валерий Харламов только что вышла¹, и один из героев этой книги так и не поддержал ее в своих руках. Автор книги журналист Олег Спасский, написавший уже не первую отличную книгу о хоккее и хоккеистах, рассказывал, что Харламов должен был захватить за своим экземпляром, но не успел... Он никогда уже эту книгу не перелистает.

Валерий Харламов погиб 27 августа в автомобильной катастрофе, и это несчастье больно ударило по сердцам его друзей. А нам вспомнилось, что в 1976 году, когда Харламов после автомобильной аварии с тяжелыми травмами лежал в больнице, редакция журнала «Огонек» предложила Олегу Спасскому использовать этот печальный тайм-аут для того, чтобы записать рассказ Харламова о хоккее и себе. Так родилась его первая книга «Хоккей — моя стихия», опубликованная сперва на страницах журнала «Огонек» (№№ 42—45, 1976 г.), а затем вышедшая в библиотеке «Огонька».

Валерий Харламов рассказывал о своем любимом спорте, о своих учителях и товарищах, о том, как создавалась знаменитая армейская тройка, непременным членом которой он стал еще в 1969 году. Но время идет, и спустя три года после появления в печати книги Валерия Харламова и незадолго до выхода книги «Первая тройка» ушел с арены первый из трех — Борис Михайлов, совсем недавно торжественно проводили Владимира Петрова, и остался в хоккее только третий, самый молодой, тридцатидвухлетний Валерий Харламов. Он делал все, чтобы остаться на льду, а это было не так просто, когда рядом нет больше испытанных, до конца понимающих тебя товарищей по тройке, когда в команде все более уверенно заявляет о себе молодежь, те, кто учились у тебя и от которых ты никогда ничего не скрывал. Но Харламов держался и после очередной травмы возвращался в команду, добивался новых побед. Он был готов постоять еще за честь родной команды, родного хоккея, как он стоял

за них в течение двенадцати долгих лет, начиная с чемпионата мира 1969 года, когда в Стокгольме впервые прозвучали рядом три фамилии: Михайлов — Петров — Харламов.

В документальной повести Олега Спасского живо, в своеобразной форме рассказывается о том, как встретились и стали соратниками надолго три разных человека с разными характерами, с разной судьбой, с разными вкусами. Страница за страницей перед нами проходят их радости, горести, победы и неудачи. Мы узнаем о том, что уже однажды, в 1972 году, была попытка объединить их, и как окончилась она тем, что наша ослабевшая команда проиграла первенство мира в Праге. И вот они встретились снова на льду, добивались еще многих славных успехов, заставили уважать себя канадских профессионалов.

В книге «Первая тройка» неразрешимо переплетены жизни трех людей, но эта книга не только о первой тройке советского хоккея, но и обо всем советском хоккее, о его выступлениях на восьми чемпионатах мира, о его триумфе за океаном в борьбе с сильнейшими хоккеистами профессиональной хоккейной лиги. И Борис Михайлов и Владимир Петров делаются с нами своими мыслями, мы вместе с ними совершаем долгий путь от первых шагов на льду до волнующих больших побед, но особенно часто мы слышим голос Валерия Харламова. И это понятно. Он был самым ярким представителем первой тройки, самым талантливым, самым трудолюбивым, и ему было о чем рассказать своим читателям. Книга «Первая тройка» заканчивается выступлением на белой Олимпиаде в Лейк-Плэсиде.

«Сильнейшая в мире тройка...» «Есть фантастическая тройка...» Есть? Или была? Или турнир в Лейк-Плэсиде в феврале 1980 года — последний олимпийский для Великих Мастеров Хоккея? Неужели последний? Не хочется верить...»

Увы, приходится верить. Нет больше первой тройки. Ушел из жизни Валерий Харламов. Но хоккей продолжается. И в те дни, когда многотысячные друзья Харламова прощались с ним в Москве, хоккеисты сборной команды СССР за океаном начинали борьбу с сильнейшими командами мира за Кубок Канады.

В. ВИКТОРОВ

¹ О. Д. Спасский. «Первая тройка», М., «Физкультура и спорт», 1981, 240 стр.

Недалеко от нашего районного центра раскинулось урочище Буймир. Его заросли зеленой пеленой тянутся вдоль речки Хорол. Но особенно красивы эти места в пору золотой осени. Естественно, что многие жители выходные дни проводят здесь и возвращаются с богатыми трофеями опять. Где только они не растут: и в траве, и в нижних частях дупел, и, конечно же, на старых пнях.

Любители «тихой охоты» привыкли к всевозможным дикинам природы. Но такое и мне и тем, кто был рядом, видеть еще не приходилось. Неподалеку от ручья мы наткнулись на молодой, толщиной в человеческую руку, но уже почему-то усохший берест. А на нем от самой травы и до макушки — большими семьями опять.

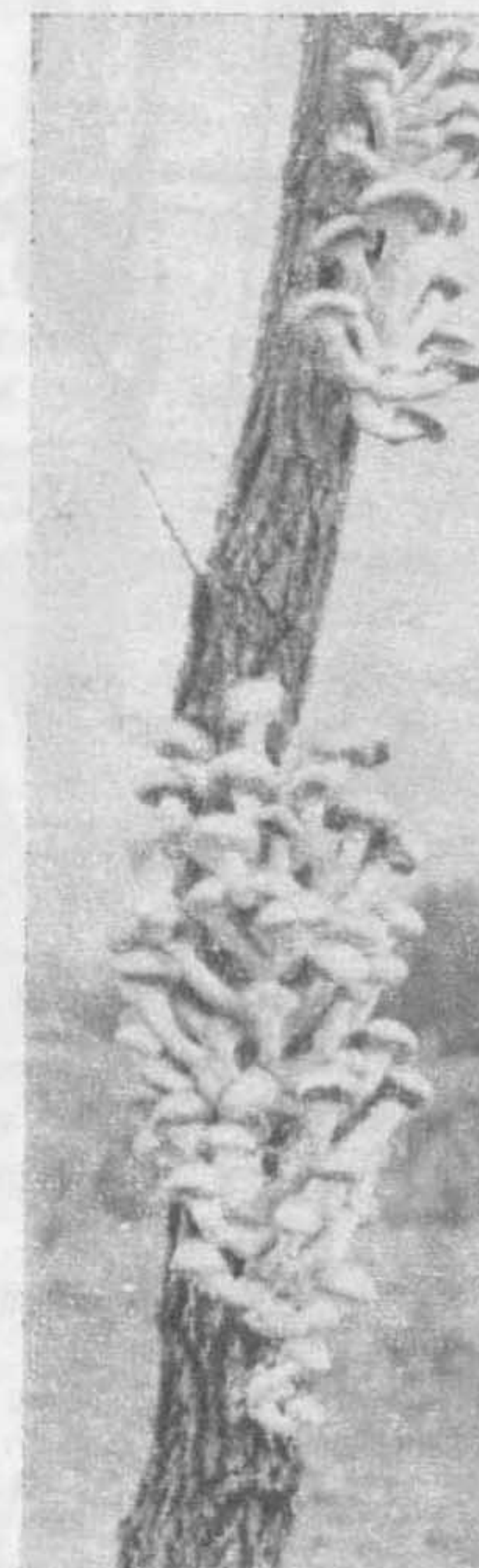
Все долго стояли, удивленные. Конечно, хотелось запечатлеть это чудо природы, но, как нередко бывает в таких случаях, фотоаппарат со мной не оказалось. Пришлось оставить своих на карауле и вернуться домой за аппаратом.

Так появился этот снимок.

И. КОРНЮЩЕНКО,
редактор районной газеты
«Ленинский прапор»

п. Липовая Долина,
Сумской обл.

ОПЯТА — ВЕРХОЛАЗЫ

Визит в полночь

Сильвестер ГАЛАМБОШ
(Венгрия)

— Сейчас-сейчас... открываю. Слушаю вас. Чем обязан?

— Я с вами должен срочно переговорить по очень важному делу...

— Сейчас? В двенадцать часов ночи? Я собирался уже ложиться спать. Уважаемый, приходите завтра.

— Ну тогда, мой милый, слушайте! Я все знаю, я знаю все...

— Это очень мило с вашей стороны, что вы все знаете. До свидания!

— Но я знаю, что там, где вы изволите работать, имеют место некоторые шероховатости... я бы сказал, финансового порядка!

— Потом, потом... Вы меня простудите на этой лестничной клетке... Брр... Ночи сейчас прохладные. А... о чем идет речь, собственно?

— Дело в том, что... на своем предприятии... вы изволили одолжить, так сказать...

— Позвольте, вы хотите меня шантажировать?

— Естественно. А вы думаете, почему я навел вас в полночь?

— Побойтесь бога! Признаюсь, что я ошибался...

— За какую-нибудь тыщонку я бы, пожалуй, смог случайно все это забыть.

— Тише, ради бога тише. Что же вы так громко... Вы же знаете, что и стены иногда имеют уши... Подождите... Пожалуйста... пять, шесть, семь, восемь, девять, десять... Берите их! И чтобы я больше вас не видел. В жизни больше вас не хочу видеть, понимаете?

— Вы что, меня, может быть, принимаете за обманщика?

— О, нет, нет! Боже сохрани!

— Вот то-то! Ну... так я пошел. Полагаю, вы не гневаетесь? Вы понимаете, что и я должен с чего-то жить... До свидания, гражданин Дубак.

— Что?! Кто?! Дубак? О боже!.. Дубак живет этажом выше!..

Перевел В. ОБУХОВ.

Григорий ПРУСЛИН

Итоги Конкурса

Без всякого злого умысла написал я юмористический рассказ и послал его на конкурс в газету. Просто увидел, что объявлен конкурс, написал и послал. А сам продолжал заниматься своей работой. Я вообще-то инженер, молодой специалист.

Через какие-нибудь три-четыре месяца итоги конкурса были подведены, и я с приятным удивлением узнал, что мне присудили премию.

Меня вызвали в редакцию, вручили конверт с деньгами, сфотографировали и пожали руку. А на завтра в газете под заголовком «Наши победители» была помещена среди других и моя фотография. На ней я был похож на одного из известных киноартистов, фамилию которого я забыл.

О моем успехе быстро узнали все. Когда я пришел на работу, на

Рис. В. Дубова.

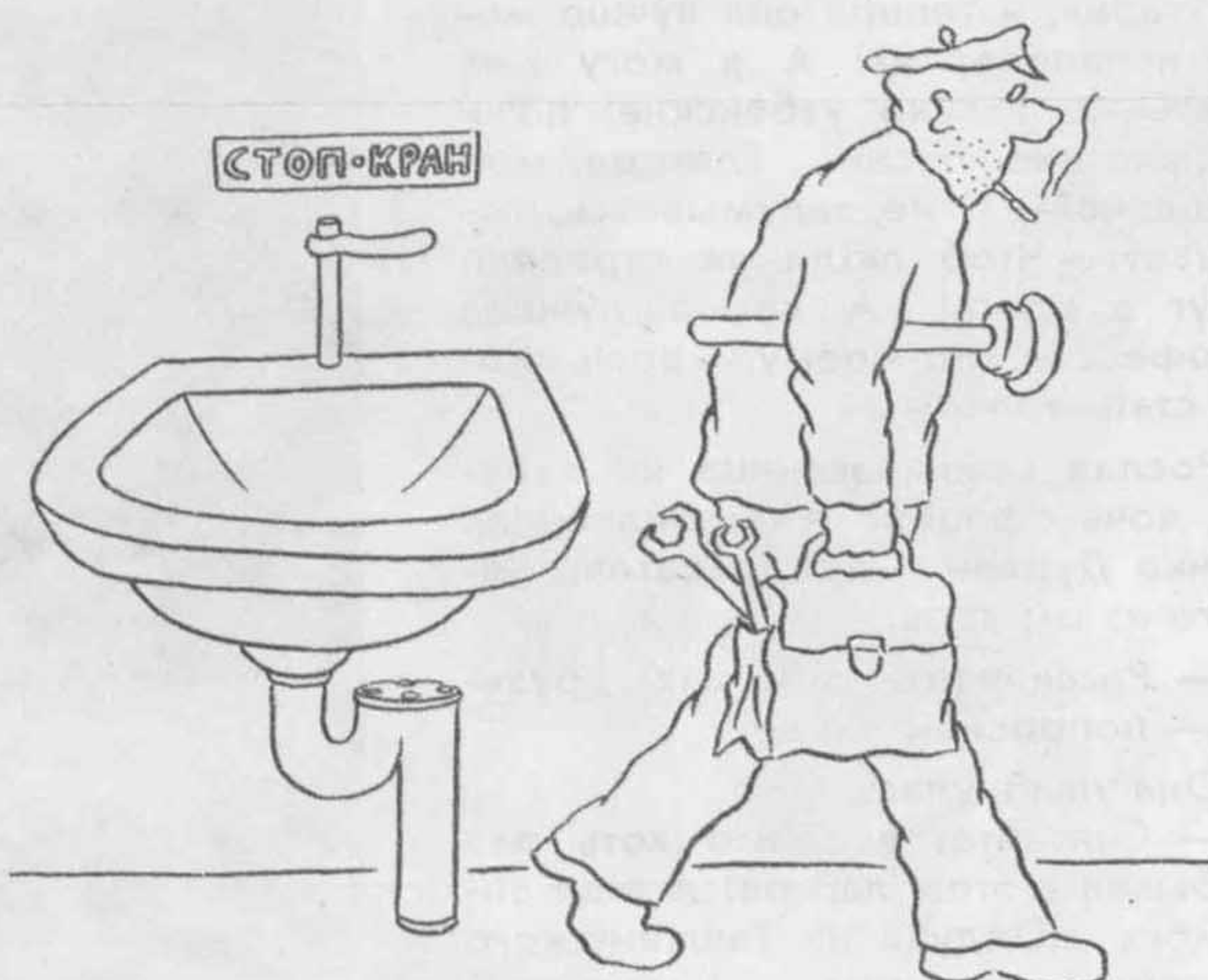

Рис. А. Дмитриева.

Театрал.

Рис. В. Тамаева.

моем столе уже лежали десять номеров газет. Мое появление встретили радостным гулом. Чувствовалось всеобщее праздничное настроение. Мой начальник Петр Фомич сам подошел ко мне, пожал руку и сказал басом: «Молодец, Петухов. Давай пиши. Если там надо куда пойти, в редакцию или еще куда, говори, не стесняйся. Всегда отпущу».

Целый день в лаборатории не работали. Меня поздравляли отдельные лица и целые коллективы. Первая наша красавица техник Лариса, которая раньше и не смотрела в мою сторону, теперь не сводила с меня глаз. Завхоз заменил мне жесткий стул на подумный и выдал лист оргстекла для стола, которое ценилось на вес золота. Редактор стенгазеты заискивающим голосом попросил написать что-нибудь на местные темы. Профгорм обещал выдать первую же путевку для творческого отдыха. Из других отделов приходили на меня посмотреть.

По популярности на заводе я вышел на третье место. После рыжего Кости, который играл левым краем за юношеский «Спартак», и секретарши директора Алевтины Петровны, которая была вне конкуренции.

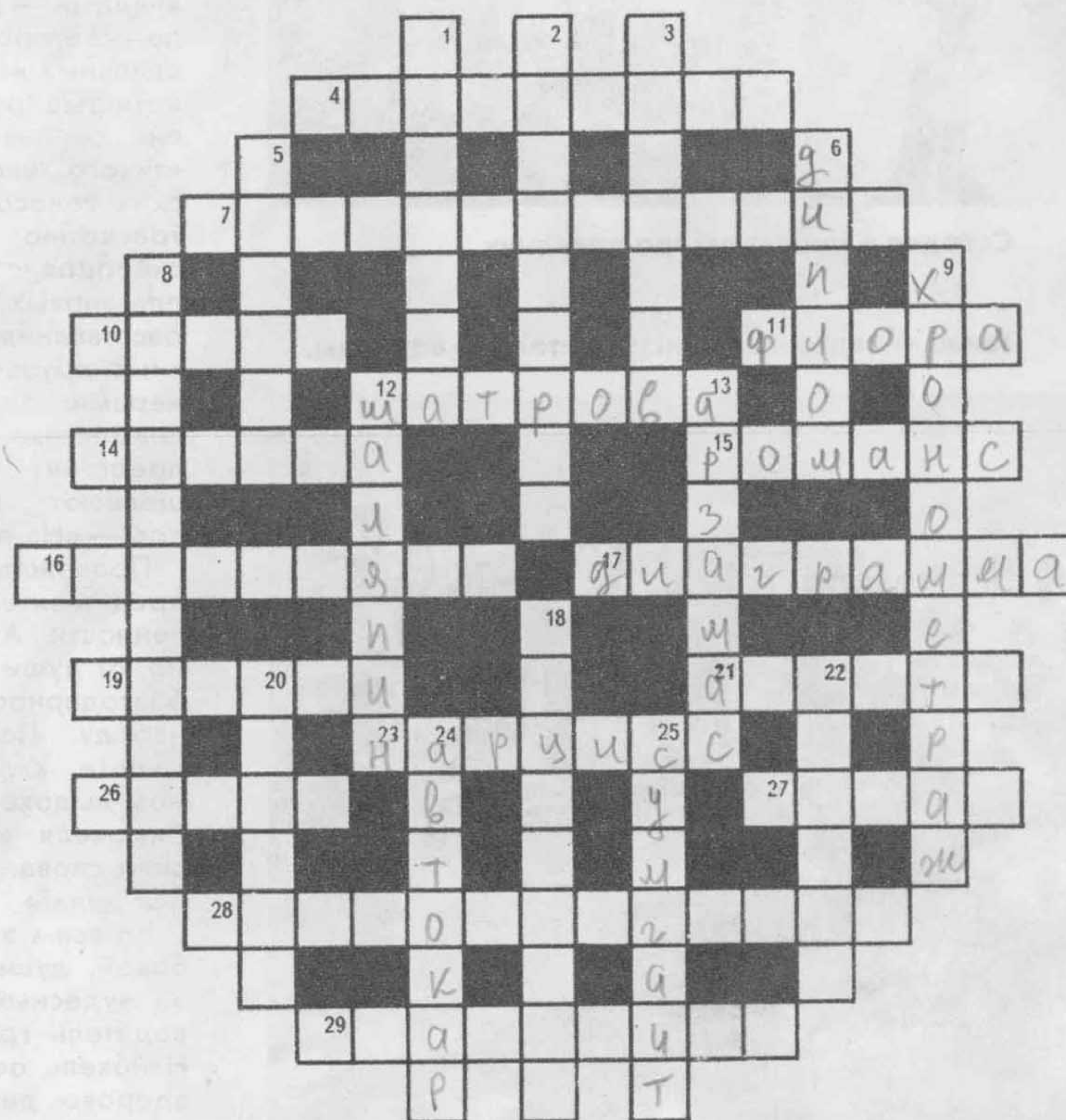
Жизнь казалась прекрасной! Через неделю в другой газете был объявлен новый конкурс. Неофициальным распоряжением меня освободили от составления технологических карт, предоставив свободно заниматься литературной деятельностью.

На этом конкурсе мне не повезло. Я понял это сразу же, как только пришел на работу. Оргстекла на моем столе не было, а за столом стоял старый стул. Петр Фомич хмуро посмотрел на меня и басом сообщил, что лишает меня прогрессивки, так я запустил работу.

Мне оставалось утешаться только тем, что, пока подводили итоги второго конкурса, я успел же- ниться на Ларисе.

По горизонтали: 4. Персонаж комедии А. Н. Островского «Горячее сердце». 7. Раздел языкознания. 10. Ценная промысловая рыба. 11. Растительный мир. 12. Народная артистка СССР, выступавшая в Малом театре. 14. Вид спорта. 15. Жанр камерной вокальной музыки. 16. Роман О. Бальзака. 17. Графическое изображение, показывающее соотношение определенных величин. 19. Остров в проливе Ла-Манш. 21. Река в Колумбии. 23. Луковичное декоративное растение, цветок. 26. Приток Дона. 27. Радиоактивный химический элемент. 28. Стихотворение В. В. Маяковского. 29. Небольшая лесная певчая птица.

По вертикали: 1. Рыба семейства карповых. 2. Морское иглокожее животное. 3. Русский землепроходец XVII века. 5. Металлический знак, награда за особые заслуги. 6. Документ об окончании специального учебного заведения. 8. Раздел геоботаники. 9. Метод изучения затрат времени на выполнение производственного задания. 12. Русский певец, бас. 13. Город в Горьковской области. 18. Физик, академик, Герой Социалистического Труда. 20. Единица силы. 22. Герой поэмы А. С. Пушкина. 24. Самоходная тележка с грузовой платформой. 25. Город в Азербайджане.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали: 7. «Шахнаме». 9. Актиний. 10. Бунин. 11. Куса. 13. Псёл. 15. Кирза. 16. Уланова. 18. Смалта. 20. Трапезников. 21. Гвардия. 24. Сандино. 26. Рожок. 27. Риал. 29. Фриз. 30. Тиски. 31. Антонио. 32. Нахимов.

По вертикали: 1. Радикал. 2. «Чайка». 3. Лебедка. 4. Канифас. 5. Стрел. 6. Ризалит. 8. Днепродзержинск. 12. Санитарка. 14. Сальвадор. 17. «Враги». 19. Мокша. 22. Вербена. 23. Ярматов. 24. Скорина. 25. Назаров. 28. Ларни. 29. Фрахт.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Студентка Московской государственной дважды ордена Ленина консерватории имени П. И. Чайковского Вера Данилова. (См. в номере материал «Но не только об арфе».)

Фото Дм. Бальтерманца

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Так проходит в Чашникове практика студентов факультета почвоведения МГУ. Дмитрий Хомяков, студент 5-го курса кафедры агрохимии, с первым выращенным им урожаем. * Занятия по лабораторным исследованиям почвы ведет старший научный сотрудник Галина Михайловна Зенова (вторая слева). (См. в номере материал «Чтить природу».)

Фото А. Нагальяна

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

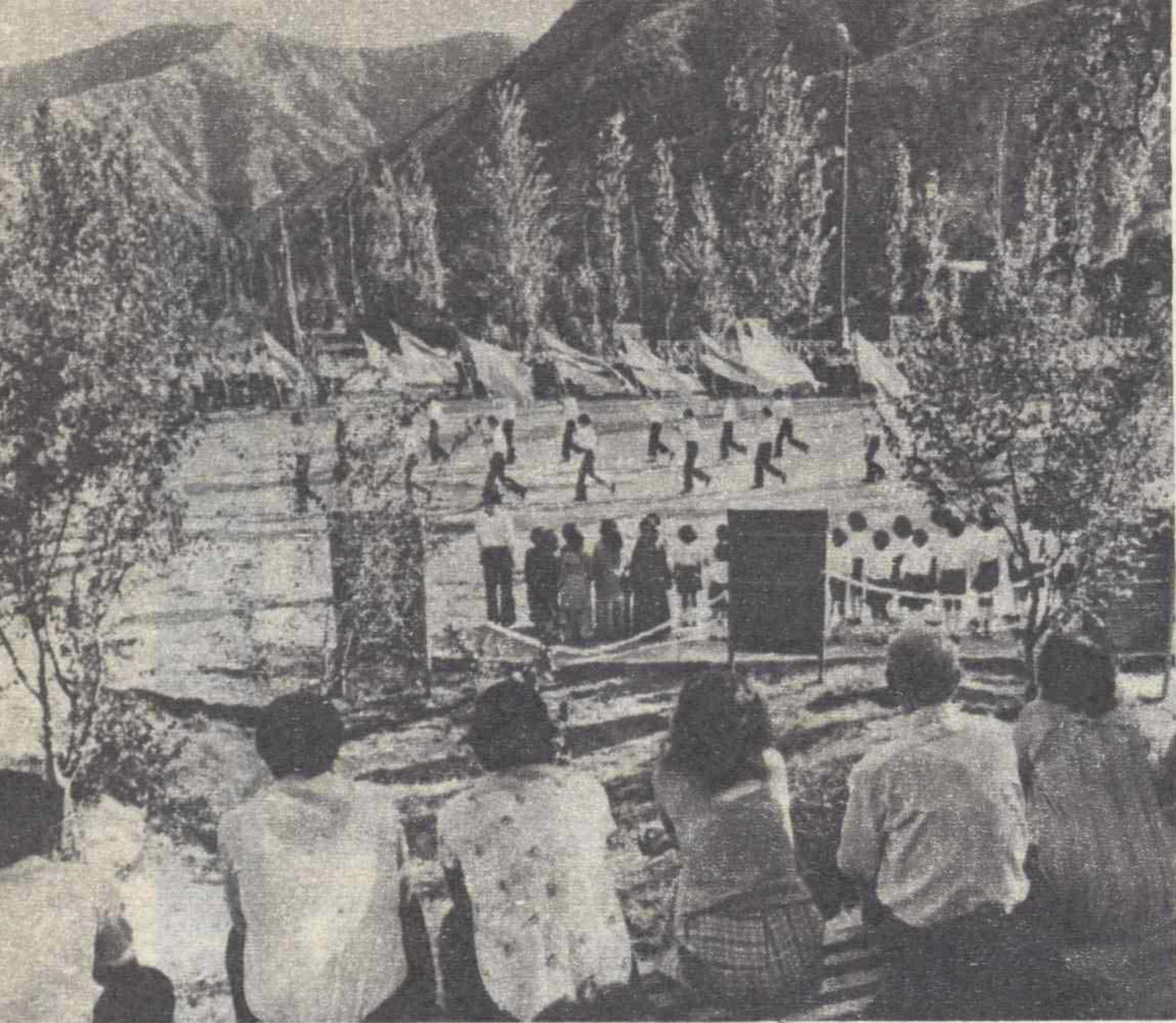
Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международной — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патристический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 17.08.81. Подписано к печати 01.09.81. А 00420. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 2318. Заказ № 1033.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Сегодня в пионерлагере праздник.

Танец — таджикский, исполнители — афганцы.

**В. КОСТЫРЯ,
фото Э. ЭТТИНГЕРА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»**

Последние дни нынешнего лета. Афганские мальчишки и девчонки готовятся к отъезду домой из пионерских лагерей Узбекистана, Таджикистана, Туркмении.

...Пионерский лагерь имени Павлика Морозова на отлогом берегу горной реки Карасу, под широкими кронами платанов. Прохладный — даже в знойном июле — ветерок шевелит занавеси спальных корпусов. Только что золотистые рулады горна возвестили окончание послеобеденного «тихого часа», и две сотни детских голосов перекрыли звонкую трескотню майн — индийских скворцов, гнездящихся в гуще платановых ветвей. Близится час расставания. Идет обмен адресами с друзьями — советскими пионерами; завершаются репетиции совместных песен и танцев — предстоит прощальный концерт; щелкают затворы фотоаппаратов — «На память!».

Провожать ребят приехали представители советской общности. Афганские ребята шумно, от души спешат выразить свою благодарность всему советскому народу. Подняты в пионерском салюте смуглые руки, и на едином выдохе выкрикиваются любившиеся юным афганцам русские слова: «Здравствуй, товарищ, как дела?»

Во всем этом — проявление глубокой, душевной признательности за чудесный летний отдых. Руководитель группы Накибулла Асад Найбхель особо подчеркнул: «Так здорово дети рабочих, крестьян, ремесленников, революционной интеллигенции Афганистана отдыхали впервые...»

ту» — в сегодняшний светлый, мирный день пионерского лагеря. Мы знаем, сколько профессионального труда, душевного тепла вложено пионервожатыми, воспитателями, врачами, физкультурниками, затейниками, чтобы зарумянились лица афганских пионеров, чтобы по ночам им снились хорошие сны, а не кровавые кошмары, чтобы радостью, а не ранним горем наполнились их глаза. И мы задаем им вопросы, которые сразу же вносят в разговор веселое оживление.

— На сколько я поправилась? На три килограмма, — отвечает Вида Юсуфи. — И стала почти такой же неутомимой, как Лиза, моя русская подружка, пионерка из Ташкента... Научилась рисовать фломастером... Собрала гербарий. Я решила: буду учительницей...

— Хотите, я вас познакомлю с Фирюзой, она узбечка, — предлагает Жамилла Рахими. — Я учила ее афганским танцам «Атан» и «Лугари», и теперь она лучше меня исполняет их! А я могу вам спеть не только узбекские, но и таджикские песни... Главное мое желание? — И не задумываясь, отвечает: — Чтоб люди не стреляли друг в друга! А самая лучшая профессия, по-моему, — врач. Хочу стать врачом...

Рослая семиклассница из Кабула, дочь офицера и текстильщицы Сунье Дурани — председатель одного из отрядов.

— Расскажите о новых друзьях, — попросили мы ее.

Она улыбнулась:

— Считайте: все, кто хоть раз побывал в этом лагере! А еще ансамбль «Юлдуз» из Ташкентского Дворца пионеров, Ангренский детский цирк, молодые артисты из Душанбе и Термеза... Главное мое желание? Оно не только мое, но и всех нас: скорее построить такой же пионерский лагерь, как

ТАК ОТДЫХАЛИ

Через речку, через брод — на репетицию.

Пионеры возвращаются домой...

Прибывший на проводы детей ташкентский кинооператор вскинул съемочную камеру и попросил двенадцатилетнего Абдулхамида из Кабула сказать что-нибудь «просто так» — для динамичности кинокадров. Веселый Абдулхамид вдруг напустился и сказал: «Не надо просто так... Надо от всего сердца... И я говорю: «Спасибо советским воинам в Афганистане за то, что мои папа и мама остались живы!» А у его сверстницы Виды Юсуфи уцелела только мама. Отец же, авиационный военачальник, был убит стражниками предателя Амина. Девочка помнит, как они ворвались к ним в дом, скрутили руки отцу, вытолкали за дверь. Слушая нашу беседу, внезапно закрыла ладонями лицо подружка Виды — всегда улыбка, жизнерадостная Жамилла Рахими. Ее отец, партизан-активист, был схвачен басмачами во время поездки в глубинный район и зарублен.

Нахлынули воспоминания о недавнем прошлом. Помрачнели лица детей, и мы стараемся поскорее вывести их на «другую орби-

тот, у нас, в Афганистане. И чтобы мы могли так же сердечно принять на летний отдых советских ребят.

— А я буду горнистом в том лагере! — Десятилетний Бурханудин, глядя снизу вверх на председателя отряда, решил, «застолбить» открывающуюся «вакансию». — Я знаю четыре сигнала!..

Сунье Дурани не упускает случая подзадорить малыша:

— На завтрак, обед, полдник и на ужин?.. А кто же подым протрубит?

— Я! — откликнулся бойкий, подвижный Фирузидин. — И на зарядку всех выведу!

— ...Жаль, что вас не было в пионерском лагере 19 августа, когда мы торжественно отмечали День восстановления независимости нашей родины.

Это сказала Сунье Дурани. И в мгновение ока по ее знаку все находившиеся здесь ребята дружно воскликнули, как это было, надо полагать, и 19 августа:

— Да здравствует Демократическая Республика Афганистан! Слава афгано-советской дружбе!

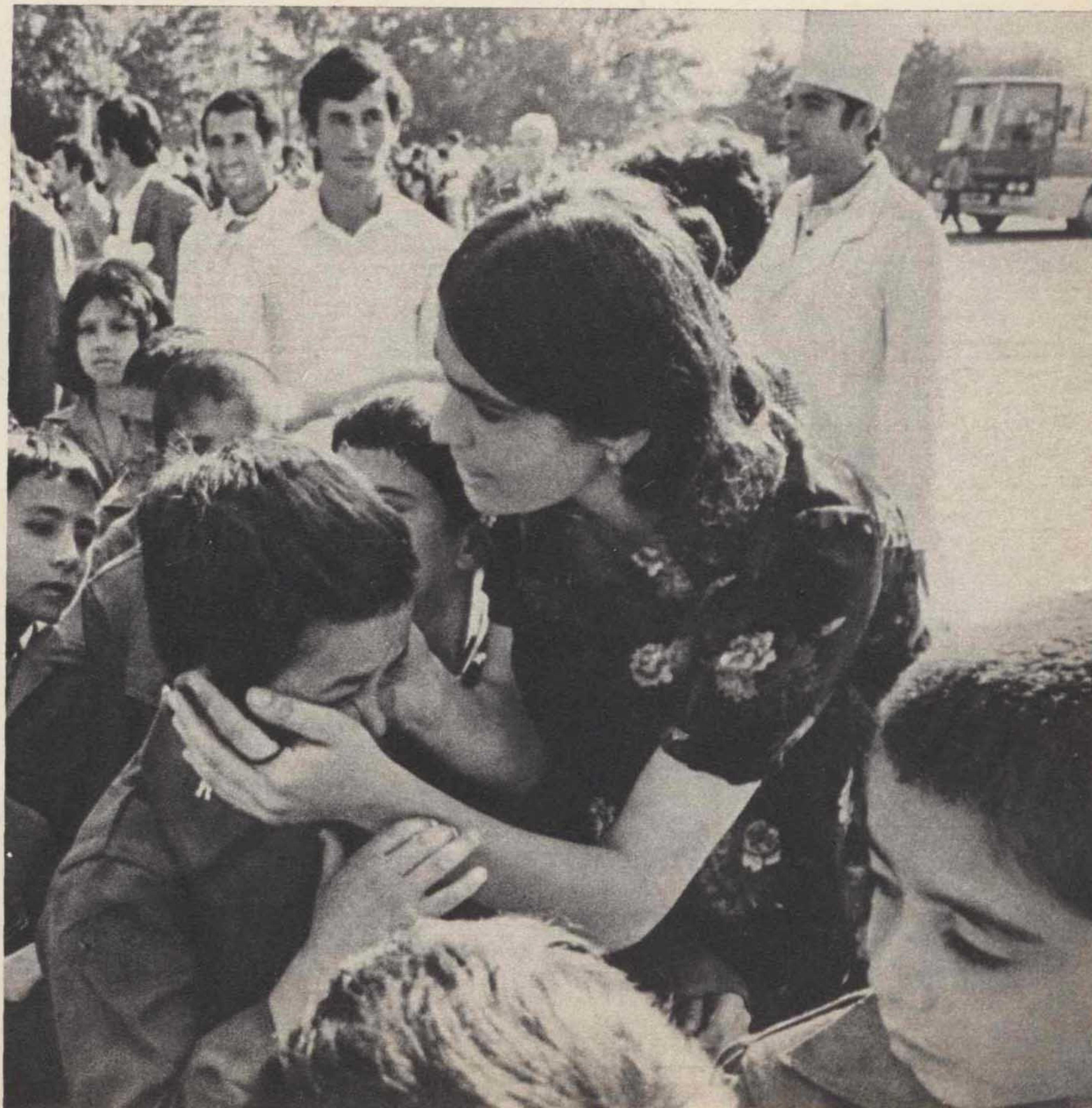

Афганские пионеры — народ веселый.

ОНИ ВПЕРВЫЕ

Взвился к небу костер.

Расставаться всегда грустно

ISSN 0131—0097

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663

